

В номере:

Личности и гении

Маргарита Сосницкая. **Антиобломовъ** 3

Творческие встречи

Алла Ступина. **На Белгородчине** 7

Аллея классиков

Григоре Виеру. **Афоризмы** 9

Проза

Владимир Крупин. **Холодный камень** 11

Александр Чернобровкин. **Столешников переулоч**..... 12

Очерк

Александр Редьков. **По ту сторону Вислы** 55

Поэзия

Владимир Адамовский 87

Роман Доценко-Бергер..... 89

Алексей Дука 91

Дебют

Дойна Сырбу 93

Алексей Чигрин. **В сетях Нета**..... 95

Литература для детей

Галина Зеленкина. **Считалка**..... 98

Дневник путешественника

Борис Куделин. **В поисках попутного ветра**..... 100

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Александр Милях, Алексей Дука,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Дмитрий Градинар, Максим Замшев, Иван Дуб,
Анна Малдофа, Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Антиобломовъ

200-лет И.А. Гончарову

Аллегорией русского национального характера считается Обломов, ленивый, неповоротливый барин, всю жизнь читающий книгу на одной и той же странице, хозяин Обломовки в разрухе. Эта идея прививается со школьной скамьи и усиливается фактом экранизации одноименного романа. Обломов, утверждает критика, это альтер эго Ивана Гончарова, его создателя, написавшего за 80 лет жизни три романа, книгу «Фрегат „Паллада“ о своём кругосветном путешествии и ряд очерков. А между тем Иван Трушин из романа «Обрыв» такое же законное «второе я» Ивана Гончарова, как и Обломов.

«Иван Иванович Трушин был молодец собой. Высокий, плечистый, хорошо сложенный мужчина, лет тридцати осьми, с тёмными густыми волосами, с крупными чертами лица, с большими серыми глазами, простым и скромным, даже немного застенчивым взглядом и с густой тёмной бородой. У него были большие загорелые руки, пропорциональные росту, с широкими ногтями» (с.98)¹ – вот его портрет, портрет русского человека в расцвете сил Ивана Ивановича Трушина. Обломов – почти его сверстник и на первый взгляд даже чем-то похож, он: «человек лет тридцати двух-трёх от роду, приятной наружности, с тёмно-серыми глазами» (с.7)². Характер Обломова нам знаком до боли. А какова же характеристика Трушина?

«Ивана Ивановича „лесничим“ прозвали потому, что он жил в самой чаще леса, в собственной усадьбе, сам занимался с любовью этим лесом, растил, холил, берёг его, с одной стороны, а с другой – рубил, продавал и сплавлял по Волге. Лесу было несколько тысяч десятин, и лесное хозяйство устроено и ведено было с редкою аккуратностью; у него одного в той стороне устроен был паровой пильный завод, и всем заведовал, над всем наблюдал сам Трушин».

«В промежутках он ходил на охоту, удил рыбу, с удовольствием посещал холостых соседей, принимал иногда у себя и любил изредка покутить...»

«Там он опять рубит и сплавляет лес или с двумя его егерями разрезывает его вдоль и попе-

рёк, не то объезжает тройки купленных на ярмарке новых лошадей или залезет зимой в тущобу леса и выжидает медведя, колотит волков».

«Не раз от этих потех Трушин недели по три лежал с завязанной рукой, с попорченными ухарской тройкой плечом, а иногда с исцарапанным медвежьей лапой лбом».

«Но ему нравилась эта жизнь, и он не покидал её. Дома он читал увражи по агрономической и вообще хозяйственной части, держал сведущего немца (у Обломова был приятель полунемец Штольц, **М.С.**), но не отдавался ему в опеку, требовал его советов, а распорядился сам, с помощью двух приказчиков и нанятых рабочих. В свободное время он любил читать (об

Обломове: «Неестественно и тяжело ему казалось такое неумеренное чтение», с.51) французские романы: это был единственный оттенок изнеженности в этой, впрочем, обыкновенной жизни многих обитателей наших отдалённых углов», с. 102-103. Последнее сообщение делает Трушина собирательным образом русского помещика. В дальнейшем автор разовьёт эту тему: «Трушины – наша истинная „партия действия“, наше прочное „будущее“ и т.д. (с.387). О Трушине, о его привычках, занятиях, увлечениях – о его мире можно было бы написать такую же толстую книгу, как об Обломове. Только Обломов – курьёз, аномалия, вызывающая любопытство, а Трушин – герой типичный; кому он интересен? Такие были на каждом шагу во времена Ивана Гончарова. Это сегодня нам было бы интереснее читать об обыкновенном герое (коль уж есть «Обыкновенная история»), скромном зодчем российской государственности Иване Ивановиче Трушине, ибо сегодня трушиных можно заносить в Красную книгу человечества. А разновидностей обломовых стало великое множество. Неверно считать Обломова аллегорией русского характера – это тип универсальный: паразитов и бездельников легионы по всем странам. Европа, Америка живут в долг, живут за счёт эксплуатации гастарбайтеров, в том числе с наших широт, между тем как аборигены преимущественно греются на синекурах и тёпленьких местах. Например, целые прослойки британских граждан поко-

лениями неплохо себя чувствуют на пособиях по безработице (совсем не потому, что нет работы) и при этом не страдают комплексом обломовщины; они про неё и слыхом не слыхали.

Иван Иванович Трушин – прямая противоположность, антипод Ильи Ильича Обломова, да и обломовщины в целом. Поместье его Дымок – тоже антоним Обломовки. Взглянем на Дымок глазами Райского, главного героя романа: «В деревне он не заметил пока обыкновенных и повсюдных явлений: беспорядка, следов бедного крестьянского хозяйства, изб на курьих ножках, куч навоза, грязных луж, сгнивших колодцев и мостиков, нищих, больных, пьяных, никакой распущенности». «...строения глядят, как новые, свежо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нет» (с. 387) Трушинская деревня – это ещё противоположность и деревням Гоголя, по которым совершает свой зловещий вояж Чичиков. К Трушину Чичиков бы со своим предложением не сунулся, тот оказал бы ему здоровый медвежий приём.

Во владении Трушина царит социализм развитых европейских стран: лес «содержался, как парк, где на каждом шагу видны следы движения, работ, ухода и науки. Артель смотрела какой-то дружиной. Мужики походили сами на хозяев, как будто занимались своим хозяйством.

«Ведь они у меня, и свои, и чужие, на жалованье, отвечал Трушин на вопрос Райского: „Отчего это?“ Пильный завод показался Райскому чем-то небывалым, по обширности, почти по роскоши строений, где удобство и изящество делали его похожим на образцовое английское заведение. Машины из блестящей стали и меди были в своём роде образцовыми произведениями» (с.388) и т.д. и т.п. А ведь роман был написан в 1869 году! Тогда уже существовало такое процветание и держалось оно на человеческом факторе, на хорошем человеке и хозяине Иване Ивановиче Трушине. Обломов – не хозяин, лежебока, «почивать хочет» – вот у него во владениях и царит разруха. Но не Обломовыми строилась Россия; впрочем, вероятно, и Обломовыми, предками Ильи Ильича – ведь дом его когда-то был «богат и знаменит». «Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею, как святынею» (с.11).

Нужна была энергия, сила и ум таких людей, как Иван Иванович Трушин, чтобы Россия раскинулась от Москвы до Анапы и Тихого океана. И коль она уж раскинулась, коль она своим существованием, всей историей своей и географией подтверждает именно тот факт, что типичным русским национальным характером является

Иван Иванович, а не Илья Ильич, то надо это признать и произнести в полный голос. И характер Трушина – государствообразующий. Это на руку культур-революционерам было объявить Обломова национальным русским характером, чтобы мотивировать свою войну против русского народа. Безусловно, в каждом русском есть немного от Обломова, от его мечтательности и медлительности, в том же Трушине, который после загульных вылазок подолгу отлёживается. Но, отлёживаясь, он копит силу для нового подъёма деятельности. И личность Трушина, который появляется только в третьей части и которого мы вместе с Райским постепенно узнаём глубже и лучше во всём её благородстве, тонкости чувств, умении владеть собой, любить, помогать ближним, личность Трушина становится центральной фигурой романа. Его появление вносит в повествование физическую силу и осязаемое физически человеческое тепло. Райский пошёл смотреть грозу над Волгой, промок до нитки, сбился с пути, и вот при вспышках молнии его догнал шарабан, на котором в группе была и Вера. Райский спросил:

– Нельзя ли меня довести?

– Прошу покорно, места много. Я помогу вам влезть! – сказал мужской голос.

Райский протянул руку, и кто-то сильно втащил его под навес шарабана» (с. 96). Разве не почувствовал он в тот момент тепло этой сильной руки, промокший, озябший, среди бушующей грозы?

И только спустя какое-то время, побывав в гостях у Трушина он совершит открытие Америки – откроет для себя (и читателя) Трушина:

«Райский, воротясь домой, прежде всего побежал к Вере и, под влиянием свежего впечатления, яркими красками начертил ей портрет Трушина во весь рост.., и вместе своё удивление и рождающуюся симпатию. В этой простой русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он видел какого заволжского Роберта Овена!» (с.389). Именно Трушин запоминается ярче, врезается в память своей мощью и статью, а не Райский с его либеральничаньем, материальной помощью люмпен-революционеру Марку Волохову, влюбчивостью в кузин, Райскому часто найдётся, что возразить. Трушину возразить нечего, им можно только восхититься и любоваться, как это случилось с Райским: «в Тушине... – это красота души, ясная, великая! – Это само благодущие природы, её лучшие силы, положенные прямо в готовые, прочные формы.

Заслуга человека тут – почувствовать и удержать в себе эту красоту природной простоты и уметь достойно носить её...», «Данный ему талант – быть человеком – он не закапывает, а пускает в оборот...» (с.385) и прочая в том же духе.

Благодаря характеру этого благородного медведя, позволяющему автору рассуждать о преимуществе нравственной красоты над умственной, не остаётся сомнений, как будут развиваться события после окончания романа. Избранница его сердца Вера, впавшая в смуту под влиянием Марка Волохова, в конце концов отдаст своё сердце и руку именно ему, Ивану Ивановичу, взявшему под опеку её вместе с бабушкой, – так жизнь в силу логики вещей допишет сюжет после окончания романа. Впрочем, жизнь никогда не ставит точку: сюжет перетекает в сюжет.

Именно благодаря таким людям, как Иван Иванович Трушин, Россия достигла благополучия при Столыпине, которое по основным показателям превосходило американское. И дальше бы поднималась в гору, набирала мощь наша страна, не допусти её правительство развиться революционному вирусу, носителем которого при всей своей антогонистичности Трушину являлся отнюдь не Обломов, а Марк Волохов, которого автор ловко к слову сравнивает с мышами: в порче книг «какой-то Марк чуть было не докончил дела мышей» (с.191)³. Сначала он портит книги, затем, через полвека, как мы видели своими глазами потомков, будет разорять фабрики, заводы, сельское хозяйство – то, что Трушины создавали.

Очень важно, что Вера, убедившись в пустопорожности сумбурных идей Волохова, отвернулась от него. Она не могла не поинтересоваться новым, неизвестным, о чём он твердил (или бредил?), но и, обладая «мыслящим умом», которому автор поёт панегирики не реже, чем красоте, не могла не разобраться в недоброкачественности этих идей. Выбор Веры – это призыв Ивана Гончарова всем здравомыслящим людям следовать за ней, умной, ищущей высокой истины красавицей, которую легко мысленно облечь в сарафан и представить былинной ипостасью Руси. Да и кто не последует за красавицей? Красота – это ещё одна из сквозных тем «Обрыва», которой Гончаров («Равнодушный ко всему на свете, кроме красоты...», с. 303)⁴ поёт осанну. А после слов: «Красота, исполненная ума, – необычайная сила, она движет миром, она делает историю, строит судьбы...» (с.357)⁵ Гончарова можно назвать и певцом, и жрецом красоты.

Вера выбрала Ивана Ивановича Трушина и последовала за ним, однако большинство из на-

рода пошло другим путём, за последователями люмпенов-революционеров...

Народ, кстати, жил совсем неплохо при дворе бабушки Райского, Татьяне Марковне. Он неоднократно советует ей отпустить дворовых на волю, а роман написан в 1869 году, 8 лет спустя после отмены крепостного права, на что бабушка отвечает:

«Рада бы, хоть сейчас со двора!.. Да не пойдут! Куда они денутся? Избалованы, век – на готовом хлебе!» (с. 417).

Вера, став женой Трушина, конечно, будет счастливейшей из женщин, но прочитать мы об этом не можем, – только догадаться. А идеалом женской судьбы в русской литературе является не она и даже не Наташа Ростова с её пелёнками, к которым она пришла после романа с Курагиным, любви к Болконскому и пеня, а сестра Веры, Марфенька⁶. Она ещё выполняет роль фона, гармоничного и непогрешимого, на котором разыгрывается буря в стакане страстей Веры Васильевны. Фон этот, с одной стороны, обозначает резче Верыны шатания, а с другой, вызывает недоумение: а зачем они нужны, если у сестры Марфиньки всё так ясно и гладко? Разве можно путать брачные игры с идеологической пропагандой?

Искания и умствования Веры при благополучном исходе, динамика которого заложена в финальных событиях (хлопотах об имении бабушки, взятых на себя Трушиным), должны закончиться так, как всё было у Марфиньки. А это счастливейшие минуты счастливой жизни, недаром описание их вошло в «Новую Русскую хрестоматию» для детей, составленную Л.О. Вейнбергом, «Печатня С.П. Яковлева», М. 1905 (репринт «Слово», М., 2011). Счастливый и разумный венец делу Веры – это под венец с Иваном Ивановичем Трушиным (она сама говорила «женщина создана для семьи»), но только у них в памяти останется шероховатость – история с Марком Волоховым, сеятелем драконовых зубов будущей революции. Пусть бабушка стёрла с лица зиму беседку над обрывом, над Волгой, где произошло небеспорочное свидание Веры с ним... Но память – не беседка, – не сотрёшь. А вот у Марфеньки с её суженым Викентьевым будут в прошлом только соловьи, которых они вместе слушали ночью в роще. Природа, Волга, обрыв – тоже импонирующие герои романа, они одушевлены и принимают участие в событиях, в судьбах героев.

«Обрыв» – это роман, в котором торжествует гармония. На каждый образ, вносящий разлад, – есть противоядие, устанавливающее равнове-

сие: на Волохова – Трушин, Леонтий, на Ульяну, Крицкую – Наташа, Софья, на Райского с его богемной неустойчивостью – сама бабушка и т.д.; границы этих противовесов местами размываются, смешиваются, требуют уточнений, но главное, на них зиждется гармония.

Трушину, Марфиньке, Викентьевым, матери и сыну, блаженному Леонтию и, конечно же, бабушке, Татьяне Марковне Бережковой, только одним своим существованием достаётся утверждать эту гармонию и бороться за неё. И гармония торжествует, благодаря всем этим героям во главе с тройкой: двумя сестрицами и бабушкой, символизирующей традиционную, исконную Русь с её устоями и нравственностью, недаром Райского из Италии обратно «звали к себе его три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе – ещё другая исполинская фигура, другая великая «бабушка» – Россия» (с.422). Этими словами роман завершается.

XIX век – это век романа в литературе: «...в роман всё уходит – это не то что драма или комедия – это как океан: берегов нет или не ви-

дать; не тесно, всё уместится там» (с.38)⁷. Иван Гончаров писал свои три романа, в которые действительно всё вместились: от уклада до типажей, дворовых и дворян, от глубинки до заграницы, писал по десять лет каждый, не теряя ни темпа, ни тона повествования. Позволить такую роскошь писателю может эпоха – без потрясений, без срывов, без переоценки ценностей – плюс богатырского объёма творческие лёгкие; тогда возможно десять лет писать вещь на одном дыхании.

Воспитание молодого поколения надо начинать с романа «Обрыв», задавая писать сочинения с вариациями на тему «Иван Иванович Трушин как типичный представитель русского человека». Не с лишних да маленьких, т.е. ущербных людей, которыми кишит наша литература и правдоподобность которых подлежит пересмотру, надо начинать изучение русского характера, а с такого Человека с большой буквы, исполина из плеяды Ермака, Саввы Морозова, А.А. Баранова, как Иван Иванович Трушин – фигуры, практически одиноко возвышающейся в пантеоне наших литературных героев.

1 Цитаты из романа «Обрыв», изд. «Художественная литература». М., 1980.

2 Цитаты из романа «Обломов», изд. «Наука». Ленинград, 1987.

3 Гончаров И.А. Полное собрание сочинений, т. 7, «Наука», СПб, 2004.

4 Там же.

5 Там же.

6 В романе использованы оба написания: Марфинька и Марфенька.

7 Там же.

Алла СТУПИНА

На Белгородчине

Каждый год 5 августа становится незабываемым праздником для жителей Белгорода. О мужестве и стойкости, проявленных белгородцами при защите Родины в период Великой Отечественной войны, должны знать и подрастающие поколения.

Регион был оккупирован германскими войсками (1941-1943), освобожден в ходе Курской битвы 1943 года, во время которой здесь произошло Прохоровское танковое сражение. В память об этом под Прохоровкой, на Третьем ратном поле России – Прохоровском – воздвигнут Памятник Победы – Звонница, а в поселке на народные пожертвования сооружен храм святых апостолов Петра и Павла.

Памятниками и памятными знаками отмечены на Белгородчине важные события в истории России. Нам, жителям Молдовы, посчастливилось стать участниками незабываемого торжества, и началось оно с посещения Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление». В эти дни музей отмечал знаменательную дату – 25-летие со дня его открытия.

Коллектив возглавляет с 1989 года заслуженный работник культуры Мария Борисовна Кугина. Благодаря её энтузиазму и организаторским способностям музей самый посещаемый в городе и области. Ежегодно здесь бывают около 140 тысяч человек, проходят различные мероприятия, выставки, иллюстрированные фотографиями, фронтовыми письмами, предметами военной археологии, найденными на месте боёв. Художниками-баталистами создана одна из крупнейших диорам – «Огненная дуга» города Белгорода. Музей является центром патриотического воспитания.

4 августа мы встретились с Павловой Валентиной Николаевной, которая работает в музее почти 25 лет и прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе. От имени коллектива журнала «Наше поколение» мы вручили музею стихи, посвященные Великой Отечественной, журналы и получили памятные подарки от музея.

Времени на встречи и беседы было в обрез: шли напряженные часы, огромный наплыв посетителей. И здесь чувствовались самоотверженный труд всего коллектива, любовь к истории, пылкость и любознательность гостей. Старший науч-

ный сотрудник музея Стомба Галина Викторовна работает здесь 25 лет. Пришла на работу до открытия музея, а 4 августа 1987 года встречала первых посетителей, чтобы поведать им то, что знает и чувствует сама. Галина Викторовна болеет за дело, выражает своё отношение к событиям, что очень важно. Экскурсия у неё не магнитофонная запись. Видит настроение, характер экскурсантов. А потом начинает свой монолог. И каждый раз – новый. Говорит об исторических событиях, а затем ведёт из прошлого в будущее.

Много славных людей трудится в музее – главный инженер Чижов Леонид Павлович, недавно отметивший своё 70-летие, заведующая выставочным центром Гончарова Лариса Семеновна.

Старший научный сотрудник музея
Г. Стомба и А. Ступина

Немало добрых слов хотелось сказать в адрес всех сотрудников музея, поблагодарить за теплый прием, но ещё ждали другие встречи в городе. Даже нам, привыкшим в Молдове к августовскому солнцу, дни показались очень жаркими. Температура в Белгороде в эти выходные достигала 35 градусов. Но горожане и гости города принимали активное участие в торжественных мероприятиях. Мы гуляли, любуясь великолепными фонтанами, тенистыми парками, фотографировались на фоне памятников и храмов. На площадях выступали творческие коллективы, танцевали и пели дети, ветераны войны встречались с молодёжью, поэты читали стихи о Великой Отечественной. В центральном парке культуры и отдыха гуляли мамы с детскими колясками, бабушки с внуками. Множество цветов – живых и свежих, невзирая на жару. Улицы, парки и скверы удивительно чистые и ухоженные. Видимо, и в этом выражается любовь людей к своему городу.

Побывали в гостях у одной замечательной семьи – Николая и Галины Шкирдовых, где их 12-летняя дочь Светлана читала свои стихи, а затем пригласила всех на площадь, где выступала в составе танцевального ансамбля «Имидж».

С балкона квартиры мы наблюдали удивительное зрелище – как готовились к праздничным выступлениям «Русские витязи» – единственная в мире группа высшего пилотажа на тяжелых истребителях. Из подмосковной Кубинки, где находится база группы, они прилетели за 50 минут. Многоцелевые маневренные истребители СУ-27-П и СУ-27-УБ являются серийными образцами. В небе они сделали зависание, «колокол», когда самолет опрокидывается носом вниз, напоминая раскату колокола. Когда выполняли «кобру», люди затаи-

подполковник Андрей Алексеев с детства мечтал стать летчиком, как и его отец. Прилетев с подмосковного аэродрома Кубинка, пилоты принесли огромную радость белгородцам и гостям города. Десятки тысяч человек стали счастливыми свидетелями грандиозного шоу группы высшего пилотажа «Русские витязи».

В небе и на земле, в сердцах людей, в их счастливых глазах отразился праздник. Культурный десант журнала «Наше поколение» высадился в Белгороде, а после большого и шумного города направился в поселок Комсомольский, расположенный неподалеку. В дорогу часто берут книгу, чтобы убить время. Но мы прилипали к окнам автобуса, смотрели на поля и сельские пейзажи. Сколько труда вложил человек, чтобы создать всё это, ухаживать за каждым деревцем и цветком, под палящим солнцем и в зимнюю стужу.

За поселком – тихие озера, утки, плавающие по воде, рыбаки и тишина... Никто не нарушал гармонию и покой в природе.

Всем этим хотелось поделиться с читателями, рассказав о славном крае, его героической истории и сегодняшнем дне. Пусть долго живут пожилые люди, светлые и трогательные. Рядом пусть будут дети, внуки и правнуки, чтобы жить в красивых городах и поселках, на чистых улицах, у памятников и фонтанов, с памятью о великой битве и ее героях. Надеемся, что это не

последняя встреча с Белгородчиной, где свято хранят память о прошлом.

Выражаем сердечную благодарность за гостеприимство и теплые встречи.

Рыбалка на озере поселка Комсомольский

ли дыхание. Самолёт переворачивается двигателем вперед, атакуя противника. Идет разворот на 180 градусов, в горизонтальном положении, без «мертвой петли». Командир «Русских витязей»

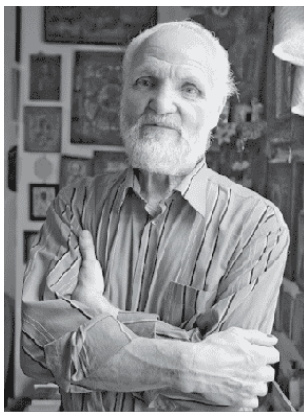
Григоре ВИЕРУ

Афоризмы

- Увидев себя поседевшим, осознал, что изменить обстоятельства мне не под силу. Однако я счастлив, что и они меня не изменили.
 - Поверженный в войне, возвращаешься домой; поверженному в любви возвращаться некуда.
 - Предательство в любви, войну и смерть не можешь – как поэзию – перенести на чистовик.
 - Примирение двух супругов после длительной размолвки подобно осенним листьям, которые – хоть и красивы – всё же подлежат листопаду.
 - Война не была бы такой устрашающей, если бы на Земле не было матерей и детей.
 - Единая красота и счастье, недостижимые стрелами зависти, – игра детей.
 - Прощение в любви является одним из подарков, который более уместен Господу. А Господь – полон дарами.
 - Всё, что с трудом прощается, с трудом и забывается.
 - Не менее прекрасны слёзы любви в глазах, менее прекрасных.
- Женщиной, цветком и книгой следует восхищаться в молчании и одиночестве.
 - Повседневно быть красивым и скромным – какой тяжкий труд!
 - Лишь при воспоминании о чём-то необычайно-прекрасном, связанном с молодостью женщины, можешь с чувством полной любви поглаживать ладонью шероховатости её морщин.
 - Тот, кто по-настоящему любил, может сказать, что узрел среди звёзд кружение абсолютной истины.
 - Глаза женщины, которые словно смеются и плачут одновременно; словно проклинают и в то же время молятся Богу; словно умирают и в тот же миг воскресают; – так выглядят вершины счастья настоящей любви.
 - Победил во всех войнах – и только в перерывах между ними почувствовал, что умираю, думая о женщине, которую люблю.
 - Тысяча революций не столь значимы, как чистый родник, дерево в цвету и час любви.
 - Подарок, клятва и красивые глаза – тяжкие ноши.
 - Женщина – даже если она гениальна – своему ребёнку предана всё же больше.
 - Враждуют между собой женщины, а убиваются мужчины.
 - Люди, любящие меня, и люди, которые меня ненавидят, верят, что я счастлив, – отчего я отнял бы их радость – или огорчение?!
 - Первая любовь – как алфавит, все буквы которого ещё не знакомы ребёнку.
 - В каждом мгновении любовь иная, в отличие от ненависти.
 - Женщина не лучше и не хуже мужчины – она подороже.
 - Две вещи невозможны: увидеть глазами Бога и пересказать любовь.
 - Если женщина – книга, то никто не дочитал её до конца.
 - Некрасивыми не бывают ни цветок, ни мама.
 - Женщина наматывает дьяволу на рога, а он спокойно сидит.
 - Туда, куда способно летать – и долетает – влюблённое сердце, орёл не смеет ринуться.
 - Пшеничный глаз неба оберегает счастье влюблённых.
 - Возможно, что даже старость не угнетает настолько душу высокомерной женщины, как пренебрежение мужчины.
 - Любовь как горная вода – стекает с высоты чистой и светлой, а внизу видишь её заилистой и мутной.
 - Самый сильный мужчина может быть обезоружен обычной ямочкой на женской щеке.
 - Любовь к Родине не должна требовать свидетелей.
 - Я знаю, что двое родных – из тех 200, – искренне обо мне думают и с любовью ожидают меня. Их имя – мамыны глаза.

- Сильные люди ради любви умирают, а слабые – умирают из-за неё.
- Не пытайся залечивать женщине рану, которая тебе неизвестна.
- У красивой женщины нет причины быть недоброжелательной, а, если есть, то Господь дал ей лишь только красоту.
- Женщина всё преодолевает, затем плачет.
- Женщина не говорит о своей отваге – она рождает.
- Самые древние народы в мире – женщины.
- Время убаюкивания дитя – столько длится обида влюблённой женщины.
- Женщине не безразлично ни как её любишь, ни время пока её любишь и ни то, за что её любишь.
- Если женщина любит мужчину для того, чтобы отомстить другому, значит, она по-настоящему не любит ни одного. Она любит только себя.
- Только пуля может опередить женщину, которая направилась куда-либо разгневанной.
- В пространстве любви любимой женщины нахожу столько же красоты и одухотворения, как и в раздолье моей Родины.
- Находим в женщине силу красоты, а в мужчине – красоту силы.
- Существуют разновидности любви: к книге, к песне, к профессии, к Богу – и все исходят из любви к женщине, из страха потерять её любовь.
- Только глупость может состязаться в отваге с любовьюю.
- Женщине моей быть красивой, Родине моей быть справедливой.
- Мужчины пусть не думают, что поднялись выше живота родящей женщины.
- Любить одного Бога, одну женщину, одну идею, одну смерть – это и было бы счастьем.
- Есть три вещи, которых нельзя оставлять на завтра: работа, сон и женщина.
- Невозможно любить человека, если познал его, невозможно познать человека, если любишь его.
- Окна строят для Солнца и для женщины.
- Женщина рождается мамой, а мужчина – просто рождается.
- Если на три дня мужчины стали бы женщинами, то на завтра никто бы не оставался дома.
- Не верю в таинство женщины в её отношениях к жизни и к любви мужчины. Однако в отношениях её со своим ребёнком в реальности существует трепетное и непостижимое таинство.
- У меня заурядные узы с красотой славы, и вздрагиваю каждый раз перед лицом великолепия женщины.
- Если жена твоя красива, – беда на твою голову; если ещё и умна, – у тебя две беды; если уходит и возвращается – их три.
- Единственное, что отличает ревность женщины от ревности мужчины, – то, что ревность женщины просыпается спозаранку.
- Женщина видит, что стареет, но ей не верится.
- Мужчина, который сходит с ума по ославленной женщине, не ведает, что говорит; и не говорит, что ведает.
- Женщина – пятое время года, когда Природа отдыхает, вспоминая все весенние цветы, всех лопухов лета, все гроздьи осени и все зимние снегопады.
- В противоборстве любви побеждает тот, кто любит до окончания битвы.
- Если тебя любят Господь и женщина, что ты ищешь ещё, несчастный?!
- Книгу по красоте может превзойти лишь родящая женщина.
- Не смог бы я выпрашивать любовь ни у кого – ни даже краюшки хлеба; лишённым одной из них – найдёте меня бездыханным на руках моего высокомерия.
- Кто постигает глаза женщины, готовится либо уйти, либо – остаться с ними.
- Чтобы завоевать женщину, не надо говорить ей особые слова – преподнеси ей цветок и спроси, отчего у неё грустные глаза, ведь почти у всех женщин глаза таят какую-то грусть.
- Знания – как женщина: если полюбишь их по-настоящему, заполняют тебе душу и разум всеми воззрениями и приближают ко всем таинствам.
- Закон – самая важная вещь; после любви.
- Лес чтобы вырубался для ложе любви, детской колыбели; и только для домика мертвеца.
- Любовь между мужчиной и женщиной – ни впереди, ни после Любви к Родине; она должна быть там, где её оставил Бог: между Небом и Землёй.
- Женщина не учится рождать – её творение совершенно при первых же родах.

Владимир КРУПИН

Холодный камень

Рассказ

Девочки Вика, Оксана и Маша были подружками. После школы они не сразу шли домой, а вначале заходили на детскую площадку. Чаще только Вика и Оксана, потому что Маша всегда торопилась домой, у неё были младшие брат и сестра, и она с ними нянчилась. Сегодня опять не смогла пойти с подругами, и они остались вдвоём. Сидели на скамейке и разговаривали о прочитанном рассказе Гайдара «Горячий камень».

– Молодец этот Ивашка, – говорила Оксана, – весь измучился, перемазался, а закатил камень.

– Прямо как Сизиф, – поддержала Вика. – Помнишь «Мифы Древней Греции»?!

– Нет, – не согласилась Оксана, – Сизифа боги наказали и не давали камень закатывать, а тут Ивашка ради старика-сторожа старался. Только сторож не захотел. Пожалел своей жизни. Есть что вспомнить: в тюрьме сидел, царя свергал, церкви разрушал.

– Да-да, – сказала Вика. – Вот только плохо, что этот писатель-рассказчик курил. Прямо от волшебного камня прикурил. Курить плохо. Мальчишки за школой курят, некоторые. Витька Семёнов курит. Так вот! Прямо желтый. На физре два раза не мог подтянуться. Так-то он очень смешной. Помнишь, англичанку передразнил? Мы укатывались.

– Передразнивать нехорошо, – строго заметила Оксана.

– Зато смешно.

– Чего ты всё про Витьку? Витька, Витька. Влюбилась?

– Ещё чего!

– Он все равно не за тобой, а за мной бегаёт, – сказала Оксана. – И за косу дёргает, и в столовой говорит: давай тарелку отнесу.

– Да и пожалуйста! Меня тоже дёргал.

– У тебя и косы-то нет.

– Но волосы-то есть, есть за что ухватиться. – Вика помахала хвостиком волос.

– А тарелку относил? – спросила Оксана. – Нет? А сотовый номер давал?

– Мало ли что, – не сдавалась Вика. – Сотовый! Он у меня математику списывает. Вот! – И добавила: – Мне бабушка говорит: твой дедушка был такой хулиган. Я говорю: бабушка, дедушка же такой хороший. Она говорит: это я его воспитала. Поняла намёк? Я так же Витьку воспитаю.

– Три ха-ха, – ответила Оксана. – А знаешь что, Вик? Давай, знаешь что? Устроим ему программу «Розыгрыш». На пустыре горы песка, что-то строить хотят. А рядом камни завезли. Давай один закатим, потом позовём Витьку, скажем: разбей камень, и курить больше не будешь.

– Камни же не горячие.

– И что? Нам главное, чтоб Витька поверил, что камень волшебный. А?

Тут им стало очень смешно, и они вдоволь поохотали. А потом и в самом деле пошли на пустырь. Но вначале позвонили Витьке и велели ему придти на пустырь с молотком.

– Так надо. Потом узнаешь... Да мы все тут. Пока. Придёт, – сказала она Вике.

Стали выбирать камень. Ох, тяжеленные. И себя жалко, тащить тяжело, и Витьку жалко. Выбрали поменьше. Втащили на холм.

Витька пришел. И пришел в самом деле с молотком. Подруги сказали ему, что надо разбить камень, и тогда Витька будет сильнее всех мальчишек в классе. И курить не будет.

– Разбивай. Это как горячий камень.

– Что я, ненормальный, хороший камень ломать? Я и на уроке думал, ни фига себе – помолодеть, это же опять в детский сад идти. Кабы разбить, да взрослым стать. – Витька огляделся. – А Маша-то где?

– Нянчиться пошла, – сердито сказала Оксана. – Она многодетная у нас.

– А вы позвоните ей, пусть выходит. И детей выведет. Я с ними поиграю.

– Не буду я ей звонить, – сердито ответила Оксана.

– И я не буду, вот ещё! – решила Вика.

Тут у них, у обеих, засигналили мобильники. Конечно, пора было идти домой, обедать и делать уроки.

А Витька, оставшись один, потрогал камень, как будто проверял, не горячий ли. Сел на него. Долго собирался позвонить Маше, но так и не осмелился. И камень не стал разбивать. А курить он и так бросит. Что он, дурак что ли, курить? Он и Маше обещал, что не будет курить.

Витька достал из кармана куртки начатую пачку сигарет, положил её на камень и ударил по ней молотком. Потом ещё и ещё, будто железо ковал. Но камень даже не треснул. Так и ушёл на фундамент будущего дома неразбитым.

Александр ЧЕРНОБРОВКИН

Столешников переулоч

Виртуальный роман

Продолжение. Начало в №8,9.

Esc ¹

Не было опережающего аромата духов, а вдруг зашла Инга, одетая в короткую серую курточку поверх белого с синим узором свитера и джинсы без прорех на коленях.

– Боялась, что ты на занятиях! – произнесла она высоким голосом, позабыв поздороваться, и посмотрела так, будто требовала извинений за непростительный поступок.

– Отменили занятия. Ректор – отъявленный коммуняка – решил, что студенты от радости побегут помогать белодомовцам.

– В Белом доме не коммунисты, а те, кто против бардака в стране, – возразила Инга.

– Это естественное состояние России.

– Значит, ты не пойдешь со мной туда?! – обиженно произнесла Инга.

– Пойду.

– Но ты ведь против коммунистов! – обрадовавшись, но ломаясь по-женски, сказала она.

– Но не против тебя.

Она сразу подувала.

– Там Макс. Он звонил мне после боя, – сообщила она низким, печальным голосом.

– Я был у него. В промежутках между жесточайшими боями мы пили водку и он обзванивал своих многочисленных подружек.

– Ты был раньше. Он мне звонил поздно ночью, – возразила Инга, не желая расставаться с героическим образом любимого, и, не в силах справиться с доводами рассудка, выпалила звонко: – Ты просто завидуешь ему!

Сейчас она была необычайно красива и словно бы подсвечена изнутри. Смотреть на нее так же притягательно и больно, как на солнце.

– Да, завидую.

Инга поникла и резко отвернулась, будто вдруг подурнела и испугалась, что увидят ее такой и разочаруются.

– Мы все равно пойдем туда, – произнесла она, начав высоким голосом, а закончив низким – как бы сбросив в «воздушную яму».

Теперь, когда враг был обложен в Белом доме, защитников мэрии стало в несколько раз больше. Костров не жгли, наверное, чтобы не было совсем похоже на пикник. Единственным отличием от обычных дней было полное отсутствие иномарок у мэрии. Чиновники хорошо усвоили, что русский человек рад любому поводу разгромить чужое. Обычно машины здесь в несколько рядов стоят, одна лучше другой, демонстрируя, что дает в этой стране любая, пусть даже маленькая власть.

– По радио передали, что все станции метро вокруг Белого дома закрыты, – сказала Инга. – По-едем до «Белорусской».

Если на поверхности еще появлялось впечатление, что в городе что-то не так (может быть, из-за толпы у мэрии), то в метро люди вели себя, как в обычный рабочий день. А ведь Руцкой не заварил бы эту кашу, если бы не был уверен, что народ поддержит его. Убедили его те, кто собирался потом скинуть и самого вновыспеченного генерала, ведь справиться с ним легче, чем с матерым аппаратчиком Ельциным.

В переходе лежала на спине и с подогнутыми лапками маленькая дворняжка, палевая с белым животом. На шее повязан большой красный бант, к телу прислонена картонка с надписью «Подайте на пропитание», а рядом стояла коробка с разноцветным ворохом мелких купюр. Хозяйка – опрятная женщина, но с удивительно пропитым, карикатурным лицом, – тихо стояла у стены метрах в трех от собаки и грозил ей пальцем, чтобы не вздумала покинуть рабочее место. Дворняжка косила на нее верхним глазом и робко дергала хвостом в ответ на угрозы, давая понять, что так и быть, потерпит еще.

– Беденькая! – умиленно посочувствовала собаке Инга и засунула руку в карман джинсов, видимо, за деньгами. Сумочки она редко носила.

– На.

– Нет, я сама дам, – отказалась она от денег, но никак не могла просунуть руку в карман плотно обтягивающих джинсов.

– За обоих и дашь. Я ведь никогда не подаю.

– Почему? – спросила Инга, остановившись около собаки.

– Не умею завидовать, поэтому не умею унижать милостыней.

– А какая связь между завистью и милостыней? – удивилась Инга.

– Две стороны одной медали.

– Нет! – отрезала она, взяла деньги, аккуратно положила в коробку и легонько, кончиками пальцев погладила белое брюшко собаки.

Дворняжка радостно дернулась и подняла голову, чтобы посмотреть на девушку двумя глазами, черными и влажно-блестящими, будто слезящимися. Посмотрела, потом заметила грозный палец хозяйки и опять легла.

Около станции «Белорусская» по Грузинскому валу стояли в ряд киоски, торгующие сигаретами оптом, от блока до коробочки. В очереди около них стояли в основном бабульки. Будут перепродавать в розницу с рук у других станций метро. Дедульки редко этим занимаются, предпочитают собирать и сдавать пустые бутылки, согласно мужскому охотничье-собирательскому инстинкту. От табачных киосков и дальше, почти до поворота дороги, стояли в два ряда, по обе стороны тротуара, сручники-белорусы, торгующие продуктами: маслом, сметаной, творогом, колбасой, мясом. Почти все сручники в мятых спортивных костюмах, бледных, застиранных, сохранившихся с лучших времен, и с помятыми, невыспавшимися лицами. Утром прикатили на поезде, распродадутся и вечером тем же поездом уедут. С характерным белорусским акцентом они расхваливали свой товар, разложенный на пустых коробках из-под сигарет, или доставали его из стоящих у ног больших хозяйственных сумок. Покупали у них хорошо, потому что цены были намного ниже магазинных, а товар свежий, домашнего приготовления. Москвичи неторопливо прохаживались между рядами, пробовали, торговались и всем своим видом показывали, какое большое делают одолжение, покупая что-либо.

– Покупцы и продаватели.

Инга, которая до этого молчала и шла чуть впереди, а в вагоне стояла так, чтобы с ней нельзя было заговорить, даже заглянуть в глаза, вдруг взорвалась:

– Рядом людей убивают, а эти!..

Она так зыркнула на ближнюю торговку, молодую женщину в бледно-розовом спортивном костюме, что та отпрянула, будто получила пощечину.

– А она думает: «У меня дети с голоду помирают, а эти здесь с жиру бесятся».

Инга остановилась, посмотрела прямо в глаза. Ее были темные, зрачки сливались с радужной оболочкой, а на белки как бы падали голубые тени от синих полукружий ниже глаз.

– Как это дети с голоду умирают, если она колбасой торгует?! – возмутилась Инга.

– Берет на реализацию. Если бы сама делала, не ездила бы сюда, некогда было.

– Неужели там так плохо?! – не поверила Инга, но на сручников посмотрела виновато.

– В Москве живут в несколько раз лучше, чем в провинции, а позавчера утром убираю двор, смотрю, дедок – чистенький такой, не бомж – подходит к мусорному контейнеру. Я думал, бутылки собирает, хотел сказать, что пьянчужка из этого дома уже проверила контейнер. А он сухарь нашел, прячет в сумку и вертит, стыдясь, головой: не видит ли кто?

Инга понурила голову, будто ее саму застучали роющей в мусорнике. Сделав несколько шагов, она произнесла низким голосом:

– Пойдем дворами.

– Заблудимся.

– Я здесь жила раньше. В коммуналке по ту сторону от Тишинского рынка. Потом получили отдельную квартиру, – сказала она и спросила, не поднимая головы: – Ты правда был вчера там?

– Мы с Женей отнесли им еду и водку.

– И там не было... ничего? – задала она вопрос и посмотрела искоса, как делают дети, проверяя, простили ли их.

– Тишь, гладь да благодать.

– Но ведь передавали, что по всему городу стреляли, много убитых, – сказала она.

– По всему городу не знаю, но в Останкино стреляли. Убитых я не видел. Правда, когда приехали бронетранспортеры, я убежал.

– Струсил? – с издевкой спросила Инга.

– Да.

Она подняла голову, посмотрела прямо в глаза, улыбнулась:

– Ты так легко признаешься в недостатках, что даже неинтересно!

– И что в этом может быть интересного?

– Ну, не знаю, – смутилась она. – Мужчины любят прихвастнуть. Верить ему, верить, а потом вдруг...

– Моральный мазохизм?

– Нет, другое. Это как лотерея: повезло-не повезло, – ответила она и улыбнулась какому-то своему воспоминанию.

– Женщины тоже любят прихвастнуть, только своей внешностью. Каждая считает себя самой красивой.

Инга напряглась, словно услышала, что она некрасивая, и произнесла:

– Для кого-нибудь она действительно самая-самая...

– Для собственных родителей или детей и то не всегда. Но ты и впрямь самая красивая.

– Опять неинтересно! – весело произнесла она, открыв в улыбке ровненькие белые зубки. У уголков ее глаз появились еле заметные морщинки, а синие полукружья посветлели, стали почти незаметны, и радужные оболочки приобрели сочный цвет молодых листьев. Насладившись магическим действием своих глаз, Инга произнесла низким голосом: – Пойдем быстрее.

Дальше шли молча. Она чуть впереди, широким шагом, казалось бы, мужским, но что-то неуловимое – покачивание ли бедер, или ягодицы, обтянутые джинсами со швами как бы в белой штриховке, или что-то другое – делали ее походку не просто женственной, а избыточно сексуальной. Может быть, мысли наблюдателя?!

Не останавливаясь и не поворачивая головы, Инга приказала:

– Не отставай, иди рядом.

А ведь ей понравилось. Поэтому и прекратила.

В подворотне, выходящей на улицу Красная Пресня, переминались с ноги на ногу два милиционера в черных бронежилетах, надетых поверх серых шинелей, и с автоматами на плече. Они курили и тихо переговаривались. Неподдалеку от них пятеро мальчишек поджидали возможности проскользнуть на улицу. Милиционеры делали вид, что не замечают их маневры. Один из легавых шагнул навстречу Инге, загородив дорогу:

– Туда нельзя, стреляют.

– Я живу в том доме, – соврала Инга. – Мы быстро.

– Нельзя, – повторил милиционер. – Где-то снайпер сидит, стреляет по всем подряд. Идите в обход.

Инга хотела еще что-то сказать, но вдруг сломалась. Казалось, сейчас сядет на асфальт и заревет. Ее вид смутил милиционера, который отошел к своему напарнику.

– Пойдем.

– Да, – покорно произнесла она тихо и пошла следом.

Куда идти – не трудно определить: не отставай от стаек подростков и попадешь в самое интересное место. Самое интересное по их понятиям. Встречных прохожих, как и людей зрелого возраста, на улицах не было.

Возле старого трехэтажного дома, серого и с обитой ржавым железом дверью единственного подъезда, двигались, пригнувшись, пятеро спецназовцев. Все в касках, бронежилетах и черных шерстяных масках с прорезями для глаз и рта. Передний держал прямоугольный серый щит. Слишком они казались невоинственными, и мальчишки даже не останавливались посмотреть на них. Добравшись до подъездной двери, спецназовец со щитом прошел чуть вперед, а следующий за ним подергал ее, а потом вышиб одним ударом ноги, обутой в высокий черный ботинок. Четверо спецназовцев зашли в подъезд, а передний, оставшись на улице, снял каску и маску и вытер пот с лица. Светло-русый, с усиками, голова казалась слишком маленькой на громоздком теле, зрительно увеличенном свободной одеждой и бронежилетом.

Неподдалеку от перекрестка, напротив высокого серо-желтого дома, стоял за толстым деревом милиционер-кавказец со смолисто-черными усами на круглом ленивом лице. Прислонившись плечом к дереву, он скучным взглядом смотрел на проходящих мимо пацанов. Только увидев Ингу, восторженно и произнес, улыбнувшись и показав золотой верхний резец:

– Стреляют там, не ходи, да.

Инга кивнула ему и, подстегнутая предупреждением, вырвалась на полшага вперед. На перекрестке остановилась, пропуская медленно едущие красные «жигули». Судя по направлению ее взгляда, собиралась обогнуть дом слева – так короче к Белому дому.

Выстрела не было слышно. В заднем стекле «жигулей» вдруг появилась дырка, как бы раскинутая во все стороны белые изломанные лапки. Машина вильнула, выскочила на тротуар и остановилась. Водитель не выходил: то ли убит или ранен, то ли испугался.

Инга с приоткрытым ротиком смотрела на заднее стекло «жигулей». Снайпера действительно стреляют. И по кому попало. Но ясно было, что это ее не остановит.

– Пойдем вправо.

Обходной путь привел к высокому забору, доски которого посерели от времени, не определишь, в какой цвет были выкрашены. Ровно посередине его имелись ворота, широкие, рассчитанные на проезд большегрузных автомобилей, схваченные толстой ржавой цепью и закрытые на висячий амбарный замок, зачехленный в целлофановый пакет, грязный и с мутной водой в нижнем углу. Цепь была такой длины, что между створками ворот можно было протиснуться боком и присев, задевая головой замок. Внутри ограды были сложены бетонные строительные плиты, ржавые решетки арматуры, деревянные поддоны – то, что не растащат, потому что на горбу не унесешь. Инга все время поправляла волосы на макушке, будто пыталась стряхнуть воду и грязь, собранные с пакета, в который зачехлен замок. Ей позарез нужно было зеркальце, наверное, забыла уже, куда и зачем идет. На противоположной от ворот стороне у забора сложены ящики, но не обычные, щелястые, какие громоздятся на задворках продовольственных магазинов, а большие и обитые изнутри плотным картоном. Кто-то недавно прошелся по ним, перелезая через забор, и оставил черные отпечатки обуви размера сорок пятого, если не больше.

По ту сторону забора была набережная. Справа, рядом с углом забора стояли три вооруженных милиционера, не пропускали зевак, которых собралось десятка два. Слева, рядом с белым пассажирским речным теплоходом «Александр Блок», стояли еще один наряд, сдвоенный, а впереди них, ближе к Белому дому, – любопытная молодежь группками.

Сверху забор был ровен, пальцы не резал. Опускаешься на руках, разжимаешь пальцы – и легонько бьешься подошвами об асфальт. Инга последовала примеру без обычного бабьего выпендрежа. Отпустила забор не сразу, только почувствовав, что ее поддерживают. Куртка и кофта задрались, оголив поясницу с гладкой белой кожей и светлыми, еле заметными, короткими волосками.

Первым делом Инга повернулась спиной к забору, заправила кофточку в джинсы. Потом посмотрела на свои руки, очень грязные, и брезгливо потерла одну о другую. Грязь, скатавшуюся в длинные тонкие черные иголки, стряхнула, а затем вытерла ладони маленьким носовым платочком, от которого пахло ее любимыми духами.

У теплохода стояли не простые милиционеры, а омовцы, рослые, широкоплечие. Длиннотелые «калашниковы» в их руках казались игрушечными. Омовцы были без шинелей, но не мерзли, хотя от реки тянуло холодом и сыростью. Морды красные – хоть прикуривай, на губах – лихие улыбки. Ребята, поддав, находились в той степени отваги, когда запросто, вшестером, захватывают Белый дом. Они насмешливо смотрели на солдат, которые метрах в двухстах впереди прятались за машины и деревья. Один грузовик горел. Невысокое пламя колебалось чуть позади кабины, наверное, на бензобаке. В кино при таком возгорании машины взрываются, а грузовик не собирался, даже создавалось впечатление, что и коптит неохотно, делая кому-то одолжение. На зевак омовцы не обращали внимания, можно было проходить метров на тридцать вперед, к подземному переходу, дальше которого никто не шел, побаивались удалиться от этого укрытия.

Парапет набережной был холоден и шершав. Казалось, он всасывает тепло из ладони и перекачивает в Белый дом – высокий, ширококрылый, освещенный ярким солнцем и как бы взлетающий в голубое небо, необычайно прозрачное сегодня, – где выплескивается огнем из расположенных в ряд пяти окон. Пламя выбивалось мощными импульсами, словно его подкачивали, как в паяльной лампе. Жирный, черный дым, прижимаясь к стене, поднимался на несколько этажей и как-то сразу рассеивался. Непонятно было, что может так долго и так мощно гореть? Не канцелярский же стол и пара стульев, как в кабинете, где вчера выпивали с Максом и Олегом. Поэтому складывалось впечатление, что это киношники устроили дымовушку, чтоб было что снимать. А звуки пожара изображает стрекот вертолета, военного, пятнистого, который назойливой мухой кружил вокруг Белого дома. В придачу

от реки тянуло сыростью и воняло стоячей водой. В общем, картина не страшная и не интересная, скорее знаковая, которую сумеет додумать лишь посвященный.

Инга к числу таковых не относилась, потому что, несмотря на приоткрытый ротик, смотрела на горящие окна с меньшим ужасом, чем на подстреленные «жигули». Слишком величественно было увиденное. Холодная, вознесенная красота с экстравагантным украшением в виде огня и дыма.

Сперва прозвучал один выстрел, вроде бы из малокалиберной винтовки, за ним другой, более громкий. Омоновцы первыми шуганулись в разные стороны, заорав:

– Ложись!

А потом заработали кулаками и прикладами, сбивая с ног стоявших рядом зевак. Особенно досталось девице в белой куртке и юбке, которая упорно не желала пачкать одежду. После удара кулаком в спину она присела и закрыла лицо руками и лишь после пинка литым десантным ботинком растянулась на асфальте. Те, кто стоял подальше от теплохода, ломанулись, спасаясь от омоновцев, в подземный переход.

Там был полумрак. Забравшие столпились посередине, подальше от обоих входов, семеро подростков и мужчина лет под сорок, но из тех, кто, даже поседев, выглядит мальчишкой, что подчеркивал длинный красно-белый шарф футбольного клуба «Спартак». В стенах перехода было что-то типа ниш полуметровой глубины и примерно на такое же расстояние не доходящих до пола, разделенных перегородками, отчего напоминали боковые купе плацкартного вагона со сложенными нижними полками.

– Давай сядем.

Инга покорно села в нишу, не обратив внимания на толстый слой пыли. Взгляд у нее был странный, будто силилась разглядеть что-то очень удаленное, поэтому не замечала ничего, расположенного близко.

– И не шевелись. По движущимся сперва стреляют, а потом понимают, что наделали. Ты меня слышишь?

– Да, – тихо молвила она.

– Только бы пьяный омоновец не залетел сюда, – сказал мужчина с красно-белым шарфом, садясь рядом. От него самого несло свежим перегаром. Он прикрикнул на подростков: – Эй, пацаны, а ну, сели все!

Ребята беспрекословно выполнили приказ. Все они прижались спинами к стене и видны были только ноги, одетые в джинсы или брюки, а обутые как одна в кроссовки.

Мужчина достал примятую красно-белую пачку «marlboro», вытряхнул сигарету себе, молча предложил соседям. Инга несколько мгновений смотрела на пачку, будто не могла опознать, затем ловко выковырнула сигарету. Прикурив от предложенной зажигалки, розовой, с черным корпусом, Инга затянулась несколько раз неумело, по-детски, как бы понарошку.

Наверху послышались шаги, торопливые, еще не бегут, но уже не идут спокойно. Сосед задержал руку с сигаретой у рта. Губы его напряглись и сбоку стали похожи на два узенькие остроугольные треугольника. А Инга опустила левую руку с сигаретой и прикрыла ее ладонью, как школьница, застуканная училкой. От нее пошел мощный фон страха, от которого подступила к горлу тошнота. Этот фон смешивался с усилившимся запахом ее тела и духов, не тех, какими пользовалась раньше, а пронзительно свежих, будто испаряющихся со льда. Раньше аромат этих духов был почти незаметен, казался прилетавшим откуда-то издалека, словно потерял свою хозяйку и метался в поисках новой. Правая рука Инги, лежавшая на бедре, была сжата в кулак. Пальцы разогнулись неохотно, уступая чужой силе. Ладонь была теплая и влажная.

Шаги наверху, удалившись, затихли. Сосед дважды затянулся, подвигав потерявшими угловатость губами, и шумно выдохнул сизый дым, такой густой, точно в него добавилось сэкономленное на предыдущих затяжках. Инга уронила сломанную сигарету, посеревший кончик которой еще дымил. Она высвободила правую руку, положив ее на бедро у живота и сцепив с левой.

– У нас в мореходке была математичка, поехавшая на шпаргалках. Она никогда не вызывала к доске. Несколько дней дает материал, а потом устраивает контрольную в восьми вариантах, чтобы твой вариант был в трех партах от тебя, не спишь. И ходит между рядами и следит, чтобы не пользовались шпаргалками. Однажды пишу я контрольную, левая рука лежит на парте и пальцы сжаты, но не совсем в кулак, просвет есть, но все равно вспотела немного, от напряжения, наверное. Математичка подходит ко мне и раз – указательный палец в этот просвет, думала, шпаргалку прячу. Палец у нее был холодный, сухой и необычайно твердый. Мы оба смутились и подумали, что этот жест противостоит естественен, будто она – мужчина, а я – женщина. Больше она никогда не проверяла меня.

– Откуда ты знаешь, что она подумала? – спросила Инга, глядя на сломанную сигарету, которая все еще чадила.

– Знаю – и все... Она близорукая была, очки с толстыми стеклами. Когда наклоняется к тебе, стекла увеличивают глаза, бледно-голубые и с желтоватыми белками, и кажется, что принадлежат они огромной рыбе, которая заглядывает в иллюминатор. Самую маленькую шпаргалку замечала, а огромную – пропустила. Однажды мы очень сложный вопрос написали на доске. Крупно, чтобы с последней парты видно было. На всю доску получилось. Математичка заметила только тогда, когда после контрольной начала стирать с доски, чтобы записать домашнее задание. Надо было видеть ее физиономию! Со следующего занятия ее первым требованием была чистая доска. Но мы к тому времени придумали другое: писали простым карандашом на партах. Они были светло-голубые и лакированные, отсвечивали, и только с хорошим зрением и под определенным углом можно было заметить. После этого вся рота стала отличниками по математике.

– Ты закончил мореходку? – произнесла Инга как-то не очень вопросительно, и еще непонятно было, что ее интересует: сам факт учебы или благополучная завершенность этого процесса.

– Не успел, выгнали.

– За что? – она посмотрела в глаза так, будто хотела изобличить в приписывании чужих грехов. В полумраке ее глаза казались холоднее, отталкивали.

– За все хорошее, как говорили в мореходке. Я ведь был мыслящим, а в те времена мыслить можно было только инако.

– Ты тоже диссидент? – с нотками насмешки произнесла она.

– Какие в провинции диссиденты?! Они размножаются только у иностранных посольств и при поливке иностранными журналистами. Это не русская традиция. Наверное, потому, что в диссидентстве есть какая-то патология. Все ведь отлично понимали, в какой заднице жили – так зачем об этом орать?! Слишком шумных и закрывали в дурочку.

– И тебя закрывали? – задала вопрос Инга.

– Я не на улице орал, а в кабинете высказался. В областном отделении КГБ. Глупая история получилась. Я стоял дневальным по учебному корпусу. Была самоподготовка. Кое-кто из курсантов сорвался с нее. Одни пивка дернуть (у нас рядом пивнушка была), другие бомбочки пошвырять в соседнем дворе. Мы перед этим на стрельбище ездили, набрали там гильз автоматных. Все курсанты и превратились в пиротехников, в ближайших магазинах спичек в продаже не стало. Начиняешь гильзу серой со спичек, заклепываешь, возле капсуля делаешь маленькое отверстие, к которому привязываешь целую спичку. Чиркнул гильзу спичкой о коробок, швырнул – грохот, словно граната рванула. Было это незадолго до перестройки, во времена второго исхода. Кто-то из жильцов соседнего двора позвонил в КГБ и заявил, что их терроризируют по национальному вопросу. Они ведь избранная нация, все должны им завидовать и поэтому преследовать, а как только евреи убеждаются, что никому и даром не нужны, начинают провоцировать, чтобы избавиться от возникшего комплекса неполноценности. Самое смешное, что один из «террористов» на вопрос «Национальность?» отвечал «Да». В два часа ночи меня разбудили. Дежурный офицер повел меня в свою комнату отдыха. Чувствовалась в нем робость, как у провинившегося холуя. В комнате сидел тип в штатском с повадками человека, который привык, что даже милиция его боится. Предложил он мне сдать своих однокурсников. Я и сказал ему кое-что о нем лично. Тип обиделся и пригласил на следующий день на допрос в областное отделение. Что меня сразу поразило там – не через главный вход впускают, а через боковую, неприметную дверь: даже за людей не считают, так, прислуга. Приемная – маленькая круглая комната без мебели, с двумя закрытыми дверями без ручек и с закрытым опускающейся, деревянной заслонкой окном, напоминающим училищное в столовой, куда бачковые сдавали грязную посуду. На стенах ни единой надписи: ни официальных, ни наскальной живописи. Там ожидали две женщины. Одна из типа безликих женщин-уборщиц, другая броско красивая, скорее всего, валютная проститутка. Окно открылось на мой стук, там сидела женщина, похожая на броско красивую посетительницу. Они еще обменялись заинтересованными взглядами, будто припоминали, не пересекались ли на панели. Она посмотрела мой курсантский билет, сказала ждать и закрыла окно. Топтался я там с полчаса. Обеих женщин вызвали в левую дверь, при мне они не выходили, а потом меня пригласили в правую. Через тамбур вела она в большой кабинет. Мебель была новая импортная. Длинный стол буквой Т и много стульев, несколько у стены стояли, будто запасные, на случай слишком бурных дебатов. Допрашивал меня другой следователь, но такой же наглый бык. Я знал, что бить не будут – не милиция, – поэтому

не боялся. Я понял по его вопросам, что не знает, зачем меня вызвали. Видимо, ночной забыл предупредить. Я и высказал, что думаю о его коллеге, о нем самом и обо всей их конторе. Минут через пятнадцать разъяренный бык ускакал в хлев, а вместо него приперлись двое других. Один, весь такой улыбочивый, сладкий, а другой маленький, худой и чрезмерно интеллигентный, как свежеиспеченный выпускник пединститута, который так и не произнес при мне ни слова. Мне все хотелось услышать, какой у него голос: с внешностью совпадает или с работой? Я понял, что им надо набрать на меня компры (не зря же вызвали!) и помог, рассказал еще и о том, что я думаю о развитом социализме. Сейчас это во всех газетах пишут. А тогда, часа через полтора задушевной беседы, кэгэбэшник заявил, что я с гнильцой внутри. Хотел бы я его сейчас встретить и поинтересоваться, как у него самого насчет гнильцы, ведь на следующем педсовете меня отчислили из училища «за систематические нарушения дисциплины».

– Как все глупо, – тихо произнесла Инга. Имела ли она в виду прошлое или настоящее – не поймешь.

– Не надо было туда ходить, – вмешался сосед. – Как в армии, сказал: «Есть! Так точно!» и пошел по своим делам. – Он встал и направился к дальнему выходу. Задница мужчины была в побелке. Осторожно выглянув из-за угла, он поднялся наверх и крикнул оттуда: – Выходите, здесь спокойно!

Инга встала и, выгнув спину и вывернув голову, принялась отряхивать побелку с джинсов на ягодицах.

– Давай я.

– Сама, – отказалась она.

Наверху по-прежнему светило солнце, омововцы с самодовольными рожами стояли у теплохода, Белый дом горел все так же неправдоподобно, и лишь вертолет, круживший над ним, создавал хоть какую-то напряженность. Все вышедшие из перехода, не договариваясь, торопливо зашагали подальше от омововцев, по переулку, перпендикулярному набережной, мимо Центра международной торговли – высокого здания, фасад которого была из черных стеклянных прямоугольников, отражающих солнечные лучи. Выше середины здания и ближе к правой стороне стены три прямоугольника были разбиты: два рядом и одно наискось этажом выше, как бы изображая ход конем. В кабинетах стояла мебель, но людей не было. Создавалось впечатление, что люди выпали, не заметив, что окон нет.

– Возьми меня за руку, – попросила Инга.

Рука ее была теплая и сухая, кожа гладенькая.

Впереди на перекрестке вышли из подземного перехода два милиционера-офицера в касках, бронежилетах и с автоматами и шуганули подростков, которые намеревались там спрятаться. Милиционеры двигались нервно, дерганно, словно находились под обстрелом.

– Группа на прорыв идет, – произнес узколицый юноша с длинными прямыми волосами и круглыми очками под Джона Леннона. Он стоял на газоне рядом с домом цвета хаки. Произнеся эту фразу, юноша пошел рядом с Ингой – как бы сам по себе, но и как бы вместе с ними.

Красные «жигули» с простреленным стеклом стояли на прежнем месте. Водителя в них не было. Узколицый юноша остался у машины, заглянул внутрь через боковое окно, потом через дырку в заднем. Милиционер-кавказец теперь стоял лицом к дереву и даже на Ингу не смотрел.

– Этот милиционер напомнил мне случай с однокурсниками по мореходке. Они пошли в самоволку и нагрузились выше ватерлинии. Обычно милиционеры пьяных курсантов не забирали, но эти чуть не попали под колеса «канарейке». Курсанта ведь, даже в штатском, можно определить по тому, что перекресток переходит по диагонали. Милиционеры вылезли из машины и погнались за курсантами. А тем, пьянющим, бежать им по облому. Один встал за дерево, прислонился лицом к стволу: я никого не вижу, значит, и меня не видят, а второй, соглашаясь с ним, уткнулся лицом в спину своему другу. Подбежали мусора, увидели – и как начали ржать! За проявленные веселость и находчивость жюри отвезло курсантов не в вытрезвитель, а к экипажу.

– Как все глупо, – тихо повторила она, высвободила свою руку и пошла немного впереди, больше не произнеся за всю дорогу ни слова и не давая повода заговорить с собой.

В подворотне своего дома, сырой и пропахшей кошачьей мочой, Инга вдруг остановилась и, глядя в сторону, поцеловала в щеку, точнее, прикоснулась сухими губами.

Press any key to continue².

Инга мягко отстранила от себя.

– Иди домой, – приказала она и пошла дальше, покачивая бедрами, обтянутыми джинсами, на левом кармане которых, внизу, осталось небольшое пятно побелки.

**Твоих улыбок
алую пыльцу
соберу губами
и запрячу
в соты памяти.**

Хмурый праздновал день рождения. Ради такого важного мероприятия Женя даже передвинул огромный письменный стол на середину комнаты, и на полу у стены остался серый прямоугольник пыли. Накрыл стол тем, что, как он слышал, является признаком богатства и хорошего вкуса: пять литровых бутылок водки «Абсолют», без этикеток, с надписями на английском синей и черной краской на стекле, по мнению Жени, безуспешно изучавшего французский, – инструкциями по употреблению, причем в некоторых словах букв не хватало, казалось, что обсыпались внутрь и выльются вместе с напитком; пять темно-зеленых, толстостенных и с длинными узкими горлышками бутылок полусладкого «Советского шампанского» (видимо, из доперестроечных запасов, но не само вино, а этикетки); пять пластиковых двухлитровок, опоясанных красными бумажками с уверениями, что это настоящая «Кока-кола»; десять – по одной на каждого предполагаемого гостя – девяностопятиграммовых баночек красной икры и столько же полукилограммовых банок китайской тушенки; и – украшение стола и единственное горячее блюдо – пельмени, полная семилитровая белая эмалированная кастрюля, специально купленная для этого. Пельмени парили, источая аромат вареного фарша и теста и растопленного сливочного масла, которого бухнули в кастрюлю не меньше килограмма, одним куском, все еще недотаявшим. Около кастрюли стояли приправы к пельменям: литровая банка развесной сметаны с рынка; пол-литровка украинского уксуса с бело-синей этикеткой, на которой было написано «Оцет» ; два блюдца с горками перца, красного и черного. Из-за нехватки тарелок, хлеб – белые батоны, нарезанные толстыми (Рамиля работа) ломтями, – лежал на газете. Стульев, как обычно, не хватало, и двое гостей, Инга и Саша, сидели на кровати, придвинутой к столу. Женин земляк обзавелся новыми джинсами-пирамидами, а сильный запах его черной кожаной куртки, висевшей гвозде, вбитом в стену, сообщал о том, какая она новая и дорогая, – оделся под тех, кого еще недавно собирался гонять. На Инге был зеленый гибрид делового костюма и вечернего платья – где она такое откопала?! Как и все коренные москвички, одеваться она не умела. Инга чуть подвинулась, предлагая место рядом с собой. Опять поменяла духи. Теперь были какие-то простенькие и симпатичные, как полевые цветы, но не умеющие оповещать о ее приходе.

– Не бойшься на углу сидеть? – спросила она, стараясь казаться веселой. – Семь лет не женишься. – Ты за меня не пойдешь, а другие не нужны.

Услышанное не очень обрадовало ее. Продолжая вымученно улыбаться, Инга чуть повернула голову, чтобы видеть боковым зрением Макса. Он сидел наискось от нее, между двумя девушками лет семнадцати, блондинкой и брюнеткой. Девушки вздыхали на Макса, а слушали Рамиля, который без устали обрушивал на них комплименты, те же самые, что когда-то доставались Инге. Олег тоже забыл о том, что влюблен в Ингу. Он привык выбирать тех, кого выбрал Макс, и ждал, когда девушка надоест другу и перейдет к нему по наследству. Иногда так и случалось. Инга старалась показать, как не замечает Макса, и, наверное, обрадовалась бы, если бы и он вел себя так же. Но Макс замечал ее, как и всех остальных, сидевших за столом. Все должны были разделить его радость.

– Мы теперь с другом москвичи! – смеясь, говорил он и показывал новый паспорт.

Паспорта с постоянной московской пропиской сделал им через Рамиля кто-то из защитников Белого дома, видимо, начальник паспортного стола. По словам Рамиля, новыми документами обзавелись все «жертвы государственного террора», которые боялись преследования, так и не последовавшего.

– С этими ксивами мы теперь такое закрутим! – пообещал Макс, обняв за плечи обеих соседок, которые счастливо засветились.

– Как мало ему надо для счастья, – тихо сказала Инга.

– И тем, кто с ним.

Инга приняла замечание на свой счет, повернула голову и посмотрела в глаза. Ее, ярко-зеленые, полыхнули коротко и мощно, заставив потупить.

– Тихо все! – закричал на противоположном конце стола Рамиль. – Давайте выпьем за именинника, фальян-тугэн! Чтоб у него все было в порядке и поменьше всяких Юр Невских...

– А что сделал Юра? – тихо спросила Инга.

– Отблагодарил за гостеприимство – исчез с Жениным товаром на полторы тысячи баксов.

– Не может быть! – удивилась Инга, вспомнив, наверное, как молилась с Юрой в церкви.

– Сделай человеку добро – и он отомстит.

– ...и это, фальян-тугэн, ну, ты сам знаешь, чего хочешь, пусть оно и сбудется! Все пьют до дна! – выплыл Рамиль из запутанного тоста и выпил залпом полстакана водки.

Инга пила шампанское маленькими глотками и глядя на вино с настороженностью, точно боялась, что со дна поднимется что-нибудь непотребное.

Водка была холодная и со странным привкусом, как липкая пленка покрывшим язык и небо. Исчез он, смытый «кока-колой». Водка, смешавшись в желудке с «кока-колой», повзрывала пузырьки газированного напитка, и как бы от этого по телу растеклось тепло.

– Самое забавное было, когда выводили оттуда, – рассказывал Рамиль подружкам Макса. – Пинками. Генерала – первого. Руки – на шее.

– ...жопа – с отпечатком ботинка, – закончил Макс.

– Какой он генерал?! Генералы в плен не сдаются.

– Не умничай! – рыкнул Рамиль.

Он собирался еще что-то рассказать, но вмешалась одна из подружек Макса, блондинка:

– У моей знакомой друга убили в Останкино, пуля прямо в сердце попала.

– А мне это сразу две знакомые рассказывали, и тоже – пули прямо в сердце, – произнесла Инга.

– Модная байка одиноких девиц.

Наступила неловкая пауза. Запах топленого масла стал гуще.

– Рекламная пауза! – весело обозначил ее Макс.

А именинник, пытаясь сделать свои немного выпученные глаза как можно страшнее, рассказал с радостным захлебом:

– Я в Останкино еще и не такое видел! Одному парню пуля в голову попала, а он пробежал метров двадцать, вот так, – раскинув руки, показал наподобие того, как дети изображают летящий самолет, – а-а-а!..

Все поняли, что он соврал, но отнеслись, как к выдумке ребенка.

– Это все ерунда! – продолжил Макс. – У нас в городе случай был. Мужик свалился с крыши дома на чугунную ограду, головой прямо на одну из пик. Бестолковку насквозь пробило. Висит он, дергается, как бабочка на булавке, и орет матом на всю улицу. Народ сбежался, все боятся к нему подойти, а он отгружает им отборный чернозем. И главное, не от боли, а со злости, что не помогают высвободиться. Приехала «скорая», милиция, кое-как сняли его. Еще боялись, как бы мозги не вытекли. Как будто они там были! Хотели в больницу отвезти, а мужик послал их подальше и пошел домой. Идет, голова в кровищи, народ шарахается, а ему все по барабану!

– Давайте выпьем, чтоб и нам так везло! – радостно прокричал Рамиль и начал поливать водкой из бутылки по стаканам, много расплескивая.

– Пельмени ешьте! – потребовал Женя. – Не настоящие сибирские, конечно, однако хорошие.

Видимо, решил оценить отношение к себе количеством съеденных или несъеденных пельменей. Все дружно потянулись к белой кастрюле, чтобы не попасть в черный список. Особенно старались подружки Макса, которые видели именинника в первый и, скорей всего, в последний раз.

Рамиль брякнул очередной тост, состоящий из не связанных между собой эмоциональных всплесков, прореженных «фальян-тугэнами». Все выпили, закусили пельменями, и общий разговор разбился на несколько частных, причем противоположные стороны стола усиленно не слышали друг друга. Саша, невольно оказавшийся не в своем лагере, принялся рассказывать Инге, что ему нравятся именно такие девушки, как она. Закончил фразой:

– Главное, чтоб от нее потом не воняло. В широком смысле.

Инга внутренне напряглась, будто ее проверяли в узком смысле. Она отпила вина, глядя поверх стакана. Взгляд ее был пуст, будто перерезали нервы, соединяющие глаза с мозгом. Цвет лица вроде бы не изменился, но румяна на щеке как бы отслоились, стали сами по себе. Количество косметики пропорционально количеству комплексов. Косметики на ее лице стало больше. Инга, повернув голову чуть – намек на движение, – молвила тихо:

– Давай уйдем.

Солнце уже зашло, но было еще светло. В фирменный магазин «Levi's», недавно открывшийся в Столешниковом переулке, стояла очередь из явно не бедствующих людей. На углу Пушкинской, где тоже недавно открылся магазин импортной обуви, очереди не было и на крыльце курили два моло-

дых человека в темных костюмах, белых рубашках и красных галстуках. Если бы не прицепленные к нагрудным карманам карточки с именем и должностью, парней можно было бы принять за преуспевающих бизнесменов новой волны.

Посмотрев на них, Инга сказала:

- Говорят, в новые магазины не берут продавцов с опытом советской торговли.
- Печальный опыт печальной торговли. Не думаю, что и эта будет счастливой. В России испокон веку «торговать» и «воровать» – синонимы. Мне жалко новых русских: они сейчас продают все хорошее, что в них есть.
- А может, это обратная сторона зависти? – глаза ее наполнились легкой насмешкой, отчего по-светлели и в них будто подлили лазури.
- Я никогда никому не завидую, потому что второго такого нет и не может быть.
- Тогда стесняешься своей бедности, – продолжала напирать она.
- Стыдно быть бедным в богатой стране и богатым в бедной.
- У тебя на все есть отчеты. Заранее их готовишь? – с легким раздражением поинтересовалась она.
- Я часто беседую с тобой. В основном отвечаю на вопросы. Люди любят задавать вопросы и не слушать ответы.

Какое-то время Инга шла молча и со склоненной головой, а потом сказала:

- Странно, понимаю, что ты говоришь правду, но не верю тебе.
- Не хочешь верить.

Инга улыбнулась грустно и пошла рядом, но как бы немного впереди.

На клочке земли, свободном от коросты асфальта, копошились в низкой, стелящейся, коричнево-зеленой траве воробьи. Их было очень много и, сливаясь с травой по цвету, казались частью ее, и создавалось впечатление, что трава ожила, зашевелилась, сейчас переползет на тротуар. Это зрелище, как и любое извращение, вызывало неприязнь и любопытство.

На домах и столбах, везде, где можно было зацепиться и быть хорошо видимым, появилась реклама иностранных фирм. Большие яркие плакаты, разноцветные неоновые надписи и табло с меняющимися картинками добавляли свежести серым московским улицам. Если смотреть только на рекламу, создается впечатление, что сейчас не вторая половина осени, а первая весны. Особенно при взгляде на сочно-зеленые – непривычный цвет для «совковой» сферы обслуживания – вывески, двери и рамы французской парикмахерской, в огромных стеклах которой Инга на ходу разглядывала себя.

- Сделать здесь прическу стоит триста долларов, – сообщила Инга.
- Нам так не жить, а если жить, то не долго. Нужен калькулятор, чтобы подсчитать, сколько лет мне придется пахать на один визит сюда.
- А кому-то не нужен, – сказала она без зависти, скорее, сообщая, что есть по-своему счастливые люди.

- Тебе и с этой прической хорошо.
- Может быть, – произнесла она и, благодаря за комплимент, спросила: – Не сильно расстроился, что увела из-за стола?
- Я бы все равно ушел после тебя.
- На компьютере играть? – она пыталась придать своему высокому голосу безразличие, но раздражение все-равно просквозило, особенно в последнем слове.
- Да. Мужчина рожден побеждать. Не получается в реальной жизни, добирает в виртуальной. Или наоборот.

– Скорее, второе, – сказала Инга.

– Пусть лучше воюют в виртуальном мире. Хотя мне иногда кажется, что те миры существуют на самом деле, что от моих действий зависят судьбы миллионов людей. А потом возникает мысль, что и мы – чей-нибудь виртуальный мир. Ведь если существуют такие люди, как Нострадамус или Ванга, значит, история линейна, программа написана и мы вольны только в ее пределах.

- Ну вот, а говоришь, что в бога не веришь! – насмешливо произнесла Инга.
- На самом-то деле никакой программы нет. Просто некоторым дано узнать, чем закончится игра. Существуют параллельные миры, перемещаясь в которых, можно обогнать время или вернуться назад. Длинный коридор с окнами в разные эпохи жизни на Земле. Некоторым людям в наказание даются ключи от этого коридора.

– Считаешь, что в наказание? – без насмешки и раздражения спросила Инга и пошла просто рядом.

– Человек не в силах справиться с любопытством. Это самый сильный наркотик, к которому мы привыкаем с рождения, если не раньше. И открывает двери. Представляешь, как надо очерстветь сердцем, чтобы знать прошлое и будущее близких людей, заглядывать в их «черные ящики»?! А еще страшнее ждать свой час, меру страданий которого уже видел. Почитай внимательно Евангелие, обрати внимание, как Иисус боялся ожидающих его страданий. У него тоже был ключ.

– Но ведь можно смотреть только светлое, – возразила Инга.

– Только к светлему тянутся абсолютно светлые люди.

– Грудные дети? – подсказала она.

– Нет, они уже несут пороки родителей. Может быть, сумасшедшие, та их часть, которые постоянно и безмерно счастливы. Они настолько полны сами собой, что больше ни в какой информации не нуждаются, и существуют в противовес ясновидцам, чтобы было всё поровну, всё справедливо.

Зябко передернув плечами, Инга спросила:

– Любишь Высоцкого?

– Очень. С детских лет, когда еще не знал, кто это такой, узнавал по голосу. Отец любил его слушать. На вступительных экзаменах в институт мне по русской литературе попался вопрос «Современная поэзия». Я и сказал, что за исключением Высоцкого, таковой нет.

– Даже нобелевские лауреаты Пастернак и Бродский – не поэты? – спросила Инга.

– И даже талантливые поэты, но первый без запаха, а второй без болезненного надрыва. Зато в Высоцком всё это есть и еще что-то, что и делает его необычайно и исключительно русским поэтом. О чем я и сообщил экзаменатору, ожидая достойный отпор. И нарвался на поклонника, правда, скрытого: тогда ведь Высоцкий еще не был коронован. Это была моя первая «пятерка» за устный экзамен по русскому языку и литературе.

– Как все печально, – улыбнувшись, произнесла Инга. – И я бы не хотела знать, когда и как умру. Страшно – это когда ждешь, а когда приходит, тогда другие чувства.

– Мне кажется, мы подсознательно знаем, что нас ждет, и заранее боимся. Один мой однокурсник по мореходке жутко боялся ножа. Его зарезали в прошлом году.

– А ты чего боишься? – поинтересовалась она.

– Многого. Чего точно не боюсь – моря. Однажды, в начале осени, вода еще не очень холодная была, я с двумя однокурсниками сорвался в самоволку, купили три бутылки вина и пошли распивать их на дикий пляж, подальше от людей и властей. В тот день штормило, но не так чтоб очень. Волны с грохотом разбивались о волнорез, подлетали высоко вверх и заливали его почти во всю длину. Выпили мы, и мне или вину захотелось искупаться, закрыть сезон. С берега не зайдешь, валуны. Тогда я в промежутке между волнами пробежался по волнорезу и прыгнул в воду на глубине. В воде волны не страшны, какой бы шторм ни был. Поплавал от души, решил выходить – а не тут-то было! Подплыл к волнорезу, а волна как долбанет меня об него. Отошла она – я внизу оказался, не дотягиваюсь до края волнореза. Подошла – опять ударила. Попробовал к берегу между валунами – похожая история. С полчаса я бултыхался, друзья уже собирались бежать к пограничникам, чтоб вертолет прислали. Потом решился и поплыл к берегу. Впечатление было такое, будто меня в стиральной машинке прокрутили, полный цикл, но без отжима. На мелководье ребята подхватили меня под руки, вытащили на сухое. У самого уже сил не было. Лежу весь ободранный, в кровищи, а мне так смешно, будто не море надо мной, а я над ним покуражился!

– Хорошо плаваешь? – спросила Инга.

– С трех лет. Отец сбрасывал меня с причальчика в паре метрах от берега и я плыл, как умел. Женщины его ругают, мол, утопишь ребенка. А этот ребенок догребет до берега и со смехом бежит к отцу на причальчик, чтобы еще раз столкнулся в воду.

– Ну да, ты же в мореходке учился, – вспомнила она.

– Как раз это-то ни о чем и не говорит! У нас в роте из ста двадцати будущих капитанов двенадцать – каждый десятый – не умели плавать.

– Странно! А как же они работали?! – удивилась Инга.

– Что тут странного?! Они ведь не на пловцов учились, а на судоводителей. С тобой летчики учатся – хоть один из них умеет летать?

– И правда! – восхитившись этим открытием, она даже взяла под руку. Тепло ее ладони чувствовалось через куртку.

– Я тоже не боюсь воды и плавать люблю, – сообщила она, перейдя к концу фразы с высокого голоса на низкий – опустив в «воздушную яму». – Мы с бабулей постоянно ходили в бассейн «Москва». Всегда пешком и по этой дороге, по которой сейчас идем.

– Его закрыли, храм будут строить.

– Одни варвары разрушили храм, другие – бассейн, – сказала она, вернувшись к высокому голосу, и остановилась. – Пойдем назад. Не хочу смотреть на развалины. Такое впечатление, что это руины моего детства.

На улице стемнело. Зажглись фонари, а огни реклам стали ярче, резче, словно не просто светили, но и противостояли ночи. Прохожие потеряли индивидуальность. Серыми комками они двигались навстречу и уже совсем рядом вдруг обретали светлое пятно лица. Даже звука их шагов не было слышно, потому что тонул в гуле автомашин, который как бы заполнил собой освобожденное солнечным светом пространство.

– Расскажи еще что-нибудь о мореходке, – попросила Инга.

– Не знаю, что тебе понравится... А, вот! Видишь, вон, низко над домами яркая звезда. На самом деле это не звезда, а планета Венера. У нас был преподаватель по мореходной астрономии, который утверждал, что его предмет – самый важный для курсанта. «Идете ночью с девушкой и не знаете, о чем говорить, или стесняетесь, тогда показываете ей на небо и сообщаете: это созвездие такое-то, а то – такое-то. Потом делаете самое умное лицо и показываете свою звезду Альфа из созвездия Тельца. И девушка подумает: у-у, какой умный!»

– Где она? – спросила Инга, остановившись и посмотрев на небо, серовато-черное, с редкими звездочками.

– Пока не видно. А если честно, не смогу найти.

– Почему именно эта звезда? – спросила Инга, зашагав дальше и наклонив и чуть повернув голову, словно должна была не пропустить ни слова, чтобы оценить каждое не только на звук, но и на вид.

– Альфа Тельца носит гордое название Альдебаран.

– Поэтому и не можешь ее найти! – подколола Инга. Пройдя несколько шагов молча, она спросила одновременно и виновато и насмешливо: – Я вредная, да?

– Женщине это разрешается.

– А что запрещается? – поинтересовалась она.

– Задавать вопросы, на которые знает ответы.

– А ты тоже злюка! – радостно подытожила она. – Мне все время хотелось, чтобы ты сказал что-нибудь такое, за что я обижусь на тебя. Ты сказал, а я не обиделась.

– Просто ты хочешь разонравиться мне. Ничего у тебя не получится.

– Ты уверен?! – произнесла она, глядя себе под ноги.

– Да.

Она ждала еще чего-то, наверное, признания в любви. Не дождавшись, повернула голову в сторону киоска, торгующего компакт-дисками и магнитофонными кассетами. Из прямоугольной черной колонки, закрепленной над окошком, выплескивалась грустная песня, которую не пела, а скорее, шептала российская «звездочка».

– Хоть бы намек на голос был, гундосина! – раздраженно сказала Инга. – Наша эстрада совсем испортилась. Раньше столько было хороших певцов – куда они подевались?!

– Поумирали со смеху. Потому что эстраду оккупировали «тазики» и ввели семейную единицу бездарности – одна орбакайта.

Инга улыбкой оценила услышанное и произнесла с недоумением:

– И ведь кому-то нравится, иначе бы не покупали.

– Нет такого безголосого певца, на которого не нашелся бы безухий поклонник.

– На Арбате и то лучше поют, душевнее. Может, сходим туда? – предложила она.

– Пойдем.

Она посмотрела на маленькие золотые часики с еле заметными стрелками и четырьмя циферками: 3, 6, 9, 12:

– Поздно уже, мне домой надо. Иди один.

– Провожу тебя, темно уже.

– Я не боюсь, – сообщила она.

– Вообще? Сейчас ведь маньяков развелось – во всех газетах только о них и пишут.

– Им же надо о чем-то писать, – резонно заметила Инга и добавила насмешливо, будто передразнивала кого-то: – Каждая женщина мечтает, чтобы ее изнасиловали. А трагедию ломают, чтобы не обозвали шлюхой.

– Правда?!

– Боже, какие вы, мужчины, глупые! – бросила она.

– С кем поведешься...

– А ты не водись! – отрезала Инга и плотно сжала губы, готовясь дать достойный отпор следующей реплике собеседника. Желтоватый свет фонаря добавил алому цвету губной помады золотистый блеск. Губы стали похожи на лепестки цветка и, казалось, поцелованные, хрустнут, сломавшись, и истекут соком. – Не смотри на меня так, – попросила она низким голосом и надавила на руку, заставляя свернуть чуть влево. Улыбнувшись, объяснила: – А то мы все фонари посбиваем!

В Столешниковом переулке магазины закрылись. Молодежь парами сновала туда-сюда, будто должна была до утра затоптать что-то, что накопилось за этот день на тротуарах и мостовой и не имело права увидеть следующий. В Жениной комнате горел свет. Инга делала вид, что не смотрит на это окно. Не существовали для нее и два соседних, темных. Она свернула в свою подворотню, пропахшую кошачьей мочой. Свет уличного фонаря освещал только первую треть подворотни, кривые стены со вспученной штукатуркой, которая вот-вот должна была обвалиться от глухого эха шагов.

У входа в подъезд Инга, почувствовав, что спутник притормаживает, готовясь расстаться, остановилась и посмотрела в упор. Свет из окон падал на нее сзади, поэтому глаза и губы Инги были словно нарисованы темно-серой краской на серо-коричневой картонке. Темно-серые овалы смотрели, не мигая, с тяжелой, жуткой напряженностью, будто в глубокую пропасть, в которую хочется упасть. Сейчас Инга была еще красивее, но не по-земному, скорей, место ей в виртуальном мире на черно-белом экране.

– Выпьем кофе, – молвила она блеклым голосом, точно повторяла заученную фразу.

В прихожей ее квартиры стоял запах, какой бывает, если плеснуть воду на раскаленную сковороду. У порога лежала толстая подстилка в черно-красную полоску, старая, но чистая, будто никто еще не наступал на нее. Положили подстилку, наверное, чтобы скрыть недостающие дощечки в паркетном полу, но на все не хватило и две пустые впадины казались продолжением черных полосок. На вешалке с деревянными фигурными колышками висела шуба из искусственного темно-коричневого меха, вся в колтунах, как у бродячей собаки, зимнее пальто с облезлым, рыжим, лисьим воротником, бледно-лиловая длинная синтетическая куртка с грязным пятном вокруг кармана. От одежды шел легкий запах лекарств и дешевых духов. А вот обуви не было, даже растоптанных тапочек. Тусклая лампочка под высоким потолком давала густо-желтый свет, старящий и так не новые красно-фиолетовые обои. Напротив входной располагалась белая дверь, наверное, в Ингину комнату. Коридор поворачивал налево. Оттуда доносились тихие голоса говорящих на иностранном языке, вроде бы, испанском, и громкие – русского перевода. После того как замок входной двери щелкнул громко, напоминая звук при передергивании затвора автомата, в глубине квартиры сделали телевизор тише. Сразу показалось, что и вся квартира насторожилась, прислушиваясь к вошедшим.

– Баб Валь, это я! – крикнула Инга и тихо объяснила, открывая белую дверь: – Соседка. У меня было три бабушки. Одна, папина, в деревне и две здесь, родная и приемная.

Ее комната была больше, чем казалось из окна напротив. Помимо трюмо и кровати в ней стояли тумбочка впритык к стене с ночником на черной точеной ножке и под темно-синим абажуром и черным телефонным аппаратом с белыми прямоугольными кнопками, лакированный платяной шкаф, письменный стол, узкая этажерка с книгами и большой фотографией старой женщины, наверное, бабушки, маленький круглый журнальный столик и большое черное кожаное кресло, которое всем своим видом показывало, как презирает остальную мебель. Из гаммы парфюмерных ароматов, заполнявших комнату, самым сильным был запах духов, тех самых, пронзительно свежих, которые как бы испарялись со льда.

– У бабы Вали все погибли в войну, – продолжала рассказывать Инга. – Они с моей бабушкой ревновали меня друг к другу, даже ссорились. Родители заберут меня – бабушки сразу мирятся. Теперь у меня одна бабушка осталась. – Она остановилась у журнального столика и, глядя в стену перед собой, спросила: – Кофе или чай? У бабы Вали всегда есть кипяток. Мне кажется, она никогда не спит, готова в любое время напоить-накормить гостей. Самовар у нее дореволюционный, медный, кипяток в нем с особым вкусом.

– Не хочу ни кофе, ни чай.

Инга вздохнула и повернулась лицом, усталым, пожухшим, казалось, сейчас она упадет обессиленная.

– Поцелуй меня, – попросила она низким голосом.

Помада была сладковата, а сами губы – податливы и нежны. Создавалось впечатление, что они, покачиваясь, как лодка на волнах, медленно уплывают вниз по течению, и одновременно, что губы неподвижны, а «плывет» все остальное, размазываясь, как изображение на ненастроенном экране монитора. Инга высвободила их и шепотом молвила:

– Выключи свет.

Выключатель был слишком податливым, переключился от легкого прикосновения, отчего возникло чувство незавершенности. Комната сначала стала черной, а потом посерела, наполнившись робким светом уличной лампы, который сюда попадал не слева, а справа.

Инга стояла спиной, раздевалась. Неспешно и без стеснения, будто одна в комнате. Складывалось впечатление, что подглядываешь за ней. Платье она небрежно кинула на кресло. Трусики, светлые стринги, узенькой полоской запавшие между ягодцами, сняла резким движением, затем смяла в кулаке и сунула под платье. Лифчик расстегнула правой рукой, повела плечами, освобождаясь от шлеек, и, прикрыв грудь левой рукой, спрятала рядом с трусиками. Двигаясь немного боком, переместилась к кровати, сдернула покрывало, отбросив его на спинку, и, словно бы и не поднимая одеяло, юркнула под него. Легла навзничь, лицо – вполборота к стене. Левая рука выскользнула из-под одеяла, заправила прядь волос за ухо, открыв его, точно Инга не хотела видеть, но желала слышать, как раздевается мужчина.

Постельное белье было не холодное и без жесткости общажного. Оно пахло мягко, успокаивающе, чем-то напоминая аромат детской присыпки, и без малейшей примеси Ингиных духов. Чуть-чуть ими пахло ее ушко. На щеке кожа была гладенькая, губы скользили по ней, почти не касаясь. Такая же была и на шее, только под кожей еще билась артерия. А грудь – теплее и сыроватая, будто недавно высохла. Сосок упруг, выскальзывал из губ.

Инга подалась грудью вверх, и стало слышно, как внутри, откатившись от горла, рассыпался невырвавшийся стон наслаждения. Она судорожно схватила двумя руками голову мужчины, закрыв уши, словно не хотела, чтобы он слышал ее стоны, плавно оторвала от груди, и сосок выскользнул из сжимавших его губ, потом придавила, а когда сосок обхватили губами, снова оторвала – подсказала, как лучше ее ласкать. Руки Инги сразу ослабли, они уже не сдавливали, а сопровождали, согревая теплой подушкой воздуха, образовавшейся между ними и головой. Издав тихий, болезненный стон, Инга оторвала голову от груди и прижала ниже, к животу. Грудь ее судорожно поднималась и опускалась, а внутри с двойным перестуком часто билось сердце. Ниже, в районе пупка, биение слышалось громче, четче, будто приближаешься к нему, а не удаляешься. Кожа здесь холоднее, не такая гладкая, как на груди, и без вкуса и запаха. Волосы на лобке шелковистые, они щекотали лицо, и, казалось, выдохни порезче – их сдует. Инга робко, словно сомневалась, правильно ли поняла, раздвинула ноги. И здесь кожа была с сыроватой мягкостью, которая быстро высохла, оставив лишь легкий запах Ингиного тела. Вялые губки раздвинулись, открыв липкую плоть, прикосновение к которой, кисловатой и пощипывающей, было похоже на прикосновение кончиком языка к обеим клеммам квадратной батарейки. Инга вздрогнула всем телом. Бедрa ее крепко сжали мужскую голову, смяв уши. Инга застонала протяжно и чужим голосом, переходя от низкого к высокому. Бедрa сдавливали и отпускали мужские уши, отчего стоны Инги дробились на звучащие более громко, самые низкие первые и самые высокие последние и приглушенную, как бы утробную, середину.

Тело ее напряглось, подалось тазом вверх, а затем, расслабившись, плавно опустилось. Обмякли и ноги. Волоски на лобке повлажнели и потеряли пушистость, а кожа на животе и груди приобрела солоноватый привкус. Губы Инги подтвердели сперва и подались вперед, а потом обмякли и как бы растаяли. Язычок ее проскользнул между ними, соприкоснулся с другим – стрельнул короткий сладкий разряд. Инга раздвинула ноги шире и подняла выше. Устье влагалища было влажным и липким. Оно легко впустило в себя член. Там было горячо и мягко, податливая плоть совсем не чувствовалась, казалось, что скользишь в немного вязкой пустоте. Инга застонала реже и пронзительней, чем раньше. Голова ее плавно покачивалась по подушке из стороны в сторону, то прижимаясь теплой щекой к мужской щеке, то отдаляясь.

Стоны стали жалобнее, точно Инга вот-вот заплачет, и в тот миг, когда сперма потекла по каналу члена, влагалище судорожно сжалось, передавив его. Сперма остановилась. Несколько секунд она

слабо пыталась протиснуться вперед, а затем медленно и как бы спотыкаясь, потекла назад, оставив взамен себя тупую и тягучую боль с подташниванием, будто в пах ударили ногой.

File cannot be copied into itself.⁴

Инга тяжело вздохнула и произнесла низким голосом:

– Ему нравилось.

Лицо Макса, несмотря на некоторую помятость, выражало искреннюю радость жизни. Зайдя на кухню в черных с белыми лампасами спортивных штанах и серой футболке, он шлепнул себя ладонью по лбу и весело сообщил:

– Забыл, черт!

Он оглянулся – не вернуться ли? – махнул рукой и, так не и сказав, что именно забыл, открыл кран с холодной водой. Хлебал жадно и с довольным урчанием, потом отрыгнул громко и фальшиво пропел:

– По–гу–ля–ли!

Он размазал тыльной стороной ладони капли на подбородке. На руке были светло-зеленые пятна. Видимо, во время пьянки кому-то понадобилась медицинская помощь.

– По какому случаю?

– Камиль приехал. На фуре, затариться. Срання побежал отовариваться. Обещал, что вечером опять погудим, – рассказал Макс. – Он, кстати, хотел тебя увидеть, заходил к тебе.

– Меня не было дома.

– У Инги ночевал? – догадался Макс. Что в лице, что в голосе ни капли ревности. – Классная девка – полная пазуха сисек! Только слишком замуж хочет. – Он снова отрыгнул, а потом шутиливо застонал: – О–о–о!.. Скоро опять бухать! И ты готовься!

– Я сейчас уйду.

– Зря. Камиль обещал выставить ящик водки из той фуры, что купит, – сообщил Макс.

– Если обещал ящик, значит, бутылки три выставит. Но не меньше двух – точно.

– Главное – начать пьянку, а водка сама потом появляется до тех пор, пока хоть у кого-нибудь есть деньги, – поделился он опытом. Посмотрев на стоявший на огне узкий и высокий алюминиевый чайник Антонины Михайловны, гмыкнул весело. – Я на этот чайник без смеха не гляну! На Кавказе такие называют кумганями. Мусульмане из них подмываются в туалете.

Он набрал воды в стакан и пошел к себе. Походка была грузная, будто Макс нес бочонок с водой, не меньше.

Антонина Михайловна сидела у телефона. Ее испуганный взгляд был направлен на дверь в Максину комнату. Поняла уже, что Макс не отгонит ее от аппарата, но никак не могла прийти в себя. Он уже наигрался в посредники, так ничего и не заработав, но Антонина Михайловна до сих пор не могла поверить в это. Ее взгляд немного оживился, когда увидела букет алых роз. В помолодевшем, морщинистом лице появилось радостное ожидание, будто цветы предназначались ей, и оно не изменилось, даже когда их пронесли мимо. Подрагивающим от счастья голосом Антонина Михайловна произнесла в трубку:

– Сосед прошел, тот, из дальней комнаты, я тебе говорила. С розами, на свидание. Такие красивые!..

На Инге была длинная плотная темно-серая юбка, которая шла ей так же, как мини-юбка монашке. Инга почувствовала, что ее одежда не понравилась, и, взяв букет, спрятала в нем лицо, будто нюхала цветы.

– Какая прелесть! Спасибо! И так много! – поблагодарила она вроде бы радостно, однако проскользнули нотки раздражения. И глаза прятала.

– Вообще-то я считаю, что дарить сорванные цветы – это варварство. Нельзя убивать красоту. А мерить любовь стогами – это верх мещанства.

– Теперь буду знать, что я варвар и мещанка, – с нескрываемым раздражением сказала она и отвела от себя руку с букетом, словно с цветов капала грязь.

– Варвар – я.

– Ну, спасибо, утешил! – язвительно поблагодарила Инга. – Буду только мещанкой!

– Женщина может быть только красивой или очень красивой. Все остальные определения имеют к ней косвенные отношения. Ты – самая красивая!

Инга улыбнулась и впервые глянула в глаза. Ожегшись о мужской взгляд, потупилась и спрятала лицо в букете. Она взяла под руку и повела по переулку в сторону мэрии, старательно обходя лужи, оставшиеся после дождя, который поливал с раннего утра и почти до вечера. В лужах кисли большие желтые листья. Казалось, именно от них исходит бражный дух, которым был наполнен воздух.

– Вышла сегодня в булочную, а какой-то дядька, придурок, говорит: «С такими ногами надо дома сидеть!» Испортил настроение на целый день! – пожаловалась Инга. – У меня ведь красивые ноги?

– За одну ручаюсь.

Инга сделала пару шагов и только тогда засмеялась и дернула руку, за которую держалась.

– Вы с ним договорились дразнить меня?! – весело произнесла она.

– Может, он имел в виду, что такими красивыми не надо раздражать остальных женщин?

– Ну, да, посмотрел бы ты на его физику! От одного его взгляда молоко скиснет! – сказала Инга. – Поэтому юбку эту надела. Мне ничего в ней?

– Нормально. Мужчины замечают не то, как одета женщина, а то, как раздета.

– И не тогда, когда надо, – добавила она и, вспомнив что-то, скороговоркой выпалила: – Я так плохо себя чувствую! Врач сказал, что у меня цистит – воспаление мочевого пузыря.

– Прими мои соболезнования.

– Тебе все шуточки! Знаешь, как это неприятно?! – с неподдельной обидой произнесла она.

– Догадываюсь.

Инга нервно дернула головой, и от нее пахнуло духами, новыми, с запахом возбуждающим, при-тягивающим и немного тревожным, с дымком, точно прилетевшим с далекого пожара.

– А ты понравился бабе Вале, – сообщила она.

– Разве?! Мне показалось, что она испугалась меня.

– Нет, это она от неожиданности, – сказала Инга и передразнила с легким акцентом: – «Хороший паренек. Сразу видно – образованный. Из-за этого и дюже сублильный».

– Она родом с юга?

– Курянка, – ответила Инга. – Ты бы послушал, как она частушки поет! Они, когда моя бабуля была жива, выпьют по рюмочке и как спуют! Или иногда загнет что-нибудь на курско-французском – хоть стой, хоть падай! – она хохотнула, вспомнив, наверное, одно из таких выражений. – И, как Макс, любит рассказывать жуткие истории. Она их столько знает!

– Может, поэтому он тебе и нравится?

– Нет, – отрезала она и поморщилась. – Плохо себя чувствую: цистит.

– Не повторяй, я понял, что ты не хочешь, приставать не буду.

– У меня правда цистит! – запальчиво произнесла она, порозовев щеками. Пройдя несколько шагов, произнесла спокойным тоном: – Трудно поверить, что ты служил в армии.

А подразумевала: что такой умный. И на том спасибо.

– И мне кажется, что это было не со мной. Я был уверен, что несовместим с армией. Оказалось, что это я с ней несовместим, а она со мной – в полный рост! Или наоборот... Мне повезло. Попал в учебку на штурманского электрика, заведовал гирокомпасами, лагом, эхолотом. Это такие мудреные приборы, что большинство офицеров, не говоря уже про матросов, боялись лишний раз дотронуться до них, как сейчас многие боятся компьютеров. Гирокомпасы стояли в отдельной шхере, куда посторонним вход был запрещен. Там было тепло и сухо. Большую часть службы я просидел там, читая книги из корабельной библиотеки. В основном классику и соцреалистов – других там не держали. Зато на вступительном в институт экзамене по литературе поразил начитанностью преподавателей. Да и учиться легче, чем однокурсникам, меньше читать приходится.

– Расскажи что-нибудь о службе, – попросила Инга.

– О том, как во время дождя разгонял метлой лужи на причале, а другие красили прошлогоднюю траву в зеленый цвет, чтобы не отличалась от молодой? Мы так готовились к визиту командующего флотом, а он, сволочь, не приехал. Не хочу о грустном.

– Тогда о мореходке, – настаивала она.

– Разве что похвастаться?!

– Похвастайся, – разрешила она. – Послушаю, умеешь или нет.

– Преподавателем по навигации и лоции у нас был чистюля и педант по кличке Джентльмен. Он умел без циркуля нарисовать на доске идеальный круг. Записи мы делали только мягкими карандашами, как в черновом судовом журнале. Я обычно начеркаю, сотру, опять напишу – в общем,

чистописанием не отличался. Считал, что неряхой быть плохо, но и ряхой не лучше. Представляю, как Джентльмен кривился, проверяя мои работы. Время от времени он проводил контрольные на время. Причем ты мог пользоваться конспектом, учебниками и любыми пособиями, которые есть на каждом судне – условия, приближенные к жизни. И на занятиях мы не сидели, а стояли за штурманскими столами. Так вот, опоздал я с практики на месяц, в рейсе были. Приехал в воскресенье вечером. Отметили, обменялись новостями, но никто не предупредил меня, что в понедельник на первой паре будет контрольная по навигации. Дал нам Джентльмен задание и ходит между столами, смотрит, как пыхтим. Поглазел на мои усердия и сообщает всей аудитории: «Все решают, а кое-кто только учебник читает. Надо вовремя возвращаться с практики!» Я все-таки успел решить все три задачи. Последнюю – когда Джентльмен стоял над душой, он всегда сам собирал контрольные, и никто не успел списать у меня. Раздача слонов была через неделю. Тетради Джентльмен складывал по порядку: сверху «пятерки», потом «четверки», «тройки», «двойки». Он брал верхнюю тетрадь, открывал, говорил оценку и замечания. Иногда добавлял что-нибудь, по его мнению, остроумное. Некоторые смеялись над каждой его шуткой. Берет он в тот день верхнюю тетрадь, смотрит в нее и говорит: «"Пятерок" нет. И не только в вашей группе». Моей тетради не оказалось среди «четверок» и «троек». Я приуныл: в увольнение не попаду, пока не исправлю «двойку». Доходит Джентльмен до последней тетради, моей, и говорит: «Вот еще один бриллиант чистой воды в два карата!» Группа дружно заржала. Джентльмен открывает тетрадь и произносит изменившимся голосом: «Сейчас будете смеяться еще веселее. Это единственная "пятерка" во всей роте, причем с двумя плюсами». С тех пор он никогда не делал мне замечаний по форме одежды и за грязь в тетради и был единственным, кто проголосовал против моего отчисления из училища.

– Какие мы однако! – пряча восхищение за легкой иронией, молвила Инга.

Впереди из ресторана вразвалочку, как старые морские волки, вышли два качка с квадратными головами, похожие на сутенеров из-под «Интуриста». Они хорошенько потрудились за столом, даже вспотели и сняли клубные бордовые пиджаки, несли их в руках. Следом семенили на высоких каблучках две девицы в мини-юбках, слишком красивые, чтобы быть проститутками. Одна девица запнулась, и ее шустро поддержал под руку швейцар в красном мундире с золотыми лампасами, которого можно было бы принять за капитана, если бы не выражение беспредельного холуяжа на холемом лице, как у маститого деятеля советской культуры. У переднего качка сзади за поясом торчал пистолет, выглядывала одна рукоятка. Компания направлялась к черному «мерседесу-600», стоявшему у обочины. Задний качок с дистанционного пульта отключил сигнализацию на машине, которая крикнула и мигнула поворотниками.

– Кому плохие времена, а кому хорошие, – произнесла Инга вроде бы насмешливо, но и не без злости.

– Страна перевернулась вверх дном, потому что наверху мути было больше, чем внизу.

– Та муть была светлее, – сказала она.

– И плавучей, скоро опять поднимется. А эта уже оседает, поэтому и кажется, что ее больше.

– Поскорее бы! – пожелала Инга. Увидев идущих навстречу двух милиционеров, таких же квадратных, как бандиты, только вооруженных короткоствольными «калашниковыми» без приклада, она сказала: – И не боятся милиции!..

– Они настолько боятся киллеров, что на милицию ничего не остается. Не хотел бы я оказаться на их месте.

– Тебя и не возьмут! – разозлившись вдруг, бросила она. От нее пошел сильный фон агрессивности, готовность нагрубить, а потом развернуться и уйти. Смотрела под ноги, которые переставляла так, будто давила дождевых червей, выползающих на тротуар во время ливня: чмяк, чмяк, чмяк!..

– Когда ты злишься, твои глаза расширяются и вспыхивают и лицо становится чувственным, очень женственным. Это тот огонь, на который мужчины слетаются, как глупые бабочки.

Инга перестала давить червяков и произнесла как можно равнодушнее:

– Спасибо за комплимент. Тем более что глупыми ты считаешь только женщин.

– Глупости оба пола покорны, но дам принято пропускать вперед.

– Между прочим, американцы измерили уровень интеллекта у Шарон Стоун, и он оказался такой же, как у Эйнштейна, – язвительно заметила она.

– Тесты, конечно же, не могут быть неточными. Видимо, испытываемые находились в неравных условиях: Эйнштейн был в трусах, а Стоун – как всегда.

Инга засмеялась и заглянула в лицо. С удивлением впитав любовный посыл, потупилась и произнесла так, как сообщают о том, что узнали только что:

- А ты злюка!
- Есть немножко.
- Интересно, а что ты обо мне говоришь? – поинтересовалась она.
- Ничего никому.
- А Макс? – хлестко спросила она.
- Мы почему-то уверены, что люди думают о нас лучше, чем мы о них.
- И ты думаешь то же, что и он? Или еще хуже? – тихо задала она вопрос.
- Я о тебе не думаю. Я тебя люблю.

Инга не смогла сдержать радостную улыбку.

- Мне еще ни разу не объяснялись в любви посреди мокрой улицы, – молвила она низким голосом.
- Место имеет значение?
- В этом случае – да, – ответила она.

Улица, правда, была не так уж и мокра. Больше сырости было в людях, которые с озабоченными лицами шли по ней. После второго октябрьского путча большинство поверили, что коммунизм больше не вернется, что можно быстро и легко разбогатеть, и зашустрили. Судя по все увеличивающемуся количеству новых магазинов с дорогими товарами, кое-кому удавалось сказку сделать былью.

Инга посмотрела вверх, как показалось, на крыши домов вдалеке.

- Что там?
- Смотрю, где ты вчера Венеру нашел, – ответила она.
- Венеру я на земле нашел.

Инга остановилась.

– Ух, ты! – произнесла она высоким счастливым голосом. Взгляд ее, приглушенный сумерками, уколол глубоко и коротко. – Стихи не пишешь случайно?

- Совершенно случайно.
- Интересно, какие? – стронувшись с места и повернув в сторону Столешникова, спросила она.
- Величиной с ладонь.
- Даже так?! – вроде бы с насмешкой, но и подзадоривающе произнесла Инга. – И о чем?
- Все стихи о любви.
- И о смерти, – резко сменив голос на низкий, сказала она.
- Смерть – это конец одной любви и начало другой.

– Смерть – это смерть и больше ничего, – возразила она и сразу переменила голос на нейтральный и тему разговора: – Где-нибудь публиковался?

– Нет. Предложил в один журнал, а там отказали: публикуют только модернизм. Я даже обрадовался, потому что считаю, что модернизм – это лазейка для бездарей. Отнес к их противникам, а там заявили, что модернизм им не нужен. Я понял, что публикуют только своих, и больше никуда не предлагал.

- Прочти что-нибудь, – попросила она.
- Не умею. Мне кажется, что произнесенные чувства вянут.

– Странно, ты все время говоришь то, что я мечтала услышать, но меня это не радует, – сказала она печально.

– Странно другое. Если мы влюбляемся в кого-то, значит, этот человек является лучшей парой для продолжения рода. Следовательно, и для этого человека мы – лучший выбор. А получается как в компьютерной графике – сплошные треугольники. Видимо, на наш выбор влияет не только природная целесообразность, но и наши комплексы.

- У влюбленных комплексов нет, – сделала вывод Инга.
- Получается, что любовь – это утилизатор комплексов.
- Заткнись! – весело приказала она.

В окне комнаты Макса и Олега метались голубоватые блики телевизора. Наверное, и Рамиль там сидел, потому что в его окне было темно.

Перехватив взгляд, Инга сказала:

- Уверена, что порнушку смотрят по видео.
- Эотику.

– Их интересуется только порно, – настаивала на своем Инга.

– Разница между эротикой и порнографией – это величина наших предрассудков.

– Надо же! Теперь буду знать, что я из одних предрассудков! – язвительно молвила она, но продолжала держать под руку, направляя к входу в подворотню ее дома.

– Мы с удовольствием смотрим фильмы об убийствах – о самом противоестественном, античеловечном, а секс – то, что служит продолжению жизни, – считаем постыдным и пачкаем грязью. Наверное, потому, что искусство помогает виртуально разгружать инстинкты. Одни – жажду убийства – надо разгружать виртуально, другие – продолжение рода – только в жизни.

– Помолчи, а? – попросила она, отпустила руку и пошла впереди по узкой лестнице подъезда.

Обтянутые юбкой ягодицы покачивались вверх-вниз и из стороны в сторону, будто на невысокой крутой волне. Инга зашагала чуть медленнее, ягодицы задвигались плавнее, сексуальнее. И сильнее запахло духи, тревожные, с дымком, словно Инга пропитала ими юбку, бродя по только что потушенному пожару. Возле двери она замерла, ожидая, когда схлынет подкатившее обоюдное желание. Плавным, замедленным движением она всунула в замочную скважину большой ключ с широкой и длинной зубчатой бородкой и, сделав короткую паузу, повернула его. Замок неприятно хрустнул, и этот звук сбил вожделение до того уровня, когда оно перестает слепить.

– Это я, баб Валь, – нейтральным голосом произнесла Инга в прихожей.

Дальше она все делала молча и избегая встретиться взглядами: дала полотенце, большое, махровое, желтое с красными и синими продольными полосами у краев, махнула рукой в сторону ванной комнаты и стремительно и словно не замечая, стянула юбку, причем не через голову, как обычно делают женщины, а дала ей упасть на пол и потом вытряхнула, оставшись в телесного цвета колготках, надетых поверх светлых трусиков. Сзади на правом бедре в колготках была дырка и проглядывающая кожа казалась неестественно белой.

Минут через десять она уже была в халате, том самом, фиолетовом, в котором видел ее из окна напротив. Верхний свет потушен, горел ночник. Постель была расстелена. Ничего не сказав, Инга ушла в ванную.

Без нее комната приобрела странный запах: создавалось впечатление, что здесь долго никто не жил, а совсем недавно заглянула женщина, пометила углы своими духами, сразу тремя, которые нейтрализовали друг друга, оставив от себя лишь терпкий осадок, и ушла, чтобы никогда не вернуться. А чистое постельное белье пахло морозным воздухом и если закрыть глаза, казалось, будто кровать вынесли на улицу, стоит посреди Столешникова переулка, негромкий и привычный гул которого залетал в приоткрытую форточку. Почему-то хотелось, чтобы с этой стороны переулка звуки слышались иначе, другим своим боком.

Когда Инга вернулась в комнату, запахи словно ожили – стали насыщеннее и как бы завибрировали. Она добавила к ним аромат крема, которым, сев перед трельяжем, смазала кисти и ступни. Делала это так, будто одна в комнате. Два пальца, указательный и средний, погружала в белую баночку с золотисто-розовыми надписями, вдавливала их в крем, погружая по ногти, покрытые сиреневым маникюром, потом зачерпывала движением на себя и вверх, подносила руку к лицу, ко рту, словно хотела слизнуть желтоватую массу, разворачивала ладонь книзу, опускала на другую руку или ногу и медленно втирала, проводя много раз по одному месту. Чудно было наблюдать эту процедуру с другой точки. Казалось, что Столешников скрутили, сделав намного уже и поменяв стороны местами.

Инга закрыла баночку с кремом и перешла к креслу. Она развязала пояс на халате, под которым больше ничего не было. Волос на лобке стало заметно меньше, треугольник превратился в неширокую полоску. Женщины почему-то считают, что так сексуальнее. Свет ночника падал как раз на середину полоски, то опускаясь, то поднимаясь, «играя», и создавалось впечатление, что Инга не просто раздевается, а еще и подразнивает. Но взгляд у нее был отсутствующий. И груди не прикрыла рукой. Она легла рядом, осторожно, будто боялась задеть, выключила свет и тихо попросила низким голосом:

– Поцелуй меня там.

Ее кожа была сухой и пахла кремом, отчего казалось, что собираешь его губами, чуточку солоноватый. Инга как-то совершенно по-домашнему раздвинула ноги и легла поудобнее, но в теле ее чувствовалось напряжение. Лишь когда язык раздвинул губки и скользнул по клитору, вздрогнула, всхлипнув, и сразу расслабилась. Стонала тише, чем в первый раз, но чувственнее и доверчивее, и голову не сдавливала руками, изредка поглаживала.

Затем медленно, давая поцеловать ее живот, ложбинку между грудей, шею, притянула голову к своей голове и поцеловала в губы. Язычок ее протиснулся между губами, дотронулся до кончика другого, отчего «стрельнул» разряд, от которого обоим стало щекотно. Инга хихикнула, выдохнув носом горячий воздух. Отпустив губы и прижавшись щекой к щеке, прошептала, касаясь влажными губами мочки уха:

– Теперь я тебе.

Тело целовала там и так, как ласкала ее. А вот член долго целовала у основания, а потом, сделав паузу, набравшись решительности, как будто делала это первый раз в жизни, обхватила головку губами, но шершавый и горячий язычок ее заработал сноровисто. Придерживая член у основания большим и указательным пальцами, она задвигала головой вверх-вниз, имитируя половой акт. Волосы на ее голове были мягки и пушисты. Когда ладонь проходила над теменем, через нее передавалось внезапно возникающее, приятное чувство, от которого немела кожа. Что-то подобное чувствовала и Инга, потому что замирала, наслаждаясь, а потом продолжала с большей нежностью. Доведя до оргазма, подержала член во рту до тех пор, пока не обмяк. Она легла рядом и спросила низким голосом:

– Тебе было хорошо?

– Очень.

– И мне, – призналась она. – Знаешь, я сразу почувствовала, что ты не случайный человек в моей жизни, что-то важное будет связывать нас. Тогда, когда перепутала двери. Ты так смотрел на меня!

– Влюбился.

– С первого взгляда? – игриво спросила она.

– Да. Но первый был раньше.

– Когда? – задала она вопрос и сама ответила: – А, на улице видел меня.

Она задумалась о чем-то приятном. Губы ее приоткрылись. Они казались более пухлыми. Может быть, от поцелуев.

– Не смотри на меня, – попросила Инга.

Половицы холодили ступни, отрезвляя. Они будто покачивались на мертвой зыби.

Лампа на проволоке посреди переулка высвечивала желтый круг на мостовой и тротуарах, по которым неспешно шли пары и чуть быстрее – одиночки. Последних было больше – верный признак тяжелых времен. В окнах второго этажа дома напротив не горел свет, не было и голубоватых телевизионных отблесков. Зато в крайнем правом промелькнула тень, кажется, женская. Она как бы проплыла от окна в глубь комнаты, маня за собой, и канула в монитор компьютера, отчего возникло щемящее чувство безвозвратной потери – затаенное и такое неприятное, что стало тошно.

Инга прижалась к мужской спине грудью, а потом животом и обхватила руками за талию. От нее сильно пахло кремом, а духов совсем не стало слышно.

– Не бойся, никуда от тебя не денусь, – пообещала она, обдавая шею теплым дыханием. – Я так боюсь остаться на зиму одна. Весной и летом еще есть надежда, чего-то ждешь, а осенью...

Она замолчала, глядя на отражения в оконном стекле. Затем ее взгляд проник дальше, до правого крайнего окна на той стороне переулка. Создавалось впечатление, что она стоит там, в комнате и смотрит сюда.

– Ты подсматривал за мной? – догадалась Инга. В ее голосе было не столько возмущение или обида, сколько удивление.

– Да.

– И давно? – спросила она так, словно было совершено что-то сверх человеческих возможностей или абсолютно не свойственное людям.

– Да.

– Много узнал? – она отстранилась телом, но руки не убрала.

– Хотелось бы больше.

– Ты можешь хотя бы иногда соврать?! – возмущенно произнесла она.

– Тебе – нет.

– Боже мой, ну зачем ты меня так любишь?! – произнесла она с горечью, но прижалась крепко. Не дождавшись ответа, сказала: – Пойдем, я замерзла.

Инга легла на спину, закрыла глаза. Найдя ощупью мужскую руку, сжала в запястье. Пальцы ее оказались цепкими.

– Ты хочешь знать обо мне больше? – начала она низким голосом и дальше перешла на высокий.

– Хорошо. И я тебе расскажу то, что никому не рассказывала. Первым мужчиной у меня был папа.

Мне было тринадцать, ничего еще не понимала... – с детскими нотками в голосе произнесла она последнюю фразу, затем оборвала себя и выпалила взросло: – Вру! Все я понимала! И хотела этого! – Она замолчала, прислушалась к чувствам мужчины. Не уловив отрицательных, продолжила: – Сначала он просто меня целовал, ласкал: в губы, шею, грудь. Но я хотела большего. И однажды он не сдержался... Это продолжалось почти три года. А потом он завел любовницу. Она была на восемь лет старше меня, работала вместе с ним. Он собирался на свидание с ней, я не пускала: или я, или она. Папа выбрал ее. В тот же день я ушла жить к бабуле. Маме сказала, что хочу окончить свою школу, мы тогда собирались переезжать на новую квартиру.

Resynch failed. Files are too different.⁵

**Скоро в сырой тишине
разденут скользкие друзья,
высохнут мокрый асфальт –
и улыбнешься навсегда,
череп.**

У берега волны, темные, насыщенные коричневыми обрывками водорослей, замирали на мгновение, и, сломавшись в верхней трети и вспенившись, падали на плотный, вылизанный песок, разбивались о него и катились дальше, к сухому, захватывали там мелкие камушки и, сердито шурша ими, отступали, оставляя после себя горький, свербящий горло запах дыма...

– Эй, подъем! – гаркнул сердитый мужской голос.

Сердитость голоса и уставная принадлежность команды напомнили командира роты из мореходки, которому курсанты дали кличку Жора-поц. Ему доставляло неопишное удовольствие, сродни сексуальному, поймать курсанта, сачкующего физзарядку, вытянуть из кровати, поставить посреди кубрика в трусах, чтобы чувствовал себя менее защищенным, чем одетый, и словесно поизмываться до возвращения роты. Для этого он приезжал не к утренней проверке, как остальные командиры, а на подъем. Заступив дежурным по училищу, Жора-поц весь вечер прогуливался по плацу вдоль забора, огораживающего экипаж, и ловил самовольщиков. За это курсанты посвятили ему четверостишие:

Кто крадется вдоль забора?

Половой разбойник Жора!

Он сегодня очень-очень

Сексуально озабочен!

В один год у Жоры-поца умерли родители, сестра и жена, а потом его выпускающаяся рота прислала ему традиционный (эта традиция существовала только по отношению к нему) похоронный венок с наилучшими соболезнованиями от всех курсантов – и командир сошел с ума.

– Вставай, быстро! – приказал сердитый голос, и за плечо схватила и трянула крепкая рука, как любил делать Жора.

Он был похож на робкопа или другое механическое уродство. Только часть лица, не закрытая каской и сдвинутым на подбородок респиратором, указывала, что это человек.

– Пожар! Быстро оделся – и на улицу! – приказал робкоп с человеческим лицом. – Ничего с собой не бери, сюда огонь не дойдет. Дальше еще есть комнаты?

– Жилых нет.

– Пойдем, застегнешься на улице, – сказал пожарный, схватил за плечо и подтолкнул к двери.

– А остальных разбудили?

– Четырех парней и старуху, – ответил пожарный. – Еще кто-то есть?

– Нет.

– Тогда все, – сказал пожарный и надвинул респиратор на рот и нос.

Дверь в комнату Антонины Михайловны была приоткрыта, но занавешена. Если бы не пожарник, можно было бы заглянуть. Скорее всего, ничего особенного там нет. Пусть лучше комната останется таинственной и потому притягательной.

В подъезде было дымно, першило в горле и резало глаза. Пожарник взял за локоть. Пальцы, крепкие, твердые, сперва сдавливали до боли, потом малость ослабили хватку.

В переулке, сером от предрассветных сумерек – час между вором и дворником, – стояли две пожарные машины, красно-белые, новые. У одной все еще работал двигатель и на кабине беззвучно

блывала лампа-спецсигнал, разбрызгивая синеватые блики. Возле нее стоял пожарный в полном снаряжении, к нему подошел тот, что выводил из квартиры. Еще двое, одетые в обычную военную робу, стояли между машин, курили. Горело в квартире на третьем этаже слева, в комнате, выходящей окном во двор. Наверное, бомжи развели костерчик погреться и бросили непотушенным. Пожарные не особо спешили. Такое впечатление, что они на повременке: дотянут до конца смены, свернут шланг, который тянулся от первой машины в подъезд, и укатят в депо. Из шланга на стыке фонтанировала тонкая струйка, добавляя сырости еще не просохшему после зимы переулку.

Жильцы первой квартиры стояли у ювелирного магазина. Было заметно, что одевались впопыхах, натягивали на себя, что под руку подвернулось. Кроме Антонины Михайловны, которая или не ложилась, или успела одеться до приезда пожарных. Скорее всего, она и вызвала их. Создавалось впечатление, что старушка и накраситься успела, хотя косметикой не пользовалась. А может, и пользовалась – никто не приглядывался. В руках она держала черную лакированную сумочку с застежкой из двух закорючек золотого цвета. Внутри, наверное, документы и деньги, в том числе и на похороны. Женщин почему-то очень заботит сервис во время последнего путешествия, когда все будет безразлично, отрывают на это последнюю копейку. Рамиль держал в руках транзистор – самую ценную вещь для него. Остальные вышли налегке.

– А я подумал, что «Алмаз» горит, – сказал Макс. – Был у нас случай, ювелирный загорелся. Пожарные приехали раньше милиции, ну и кое-что прихватили. На них и списали весь недостающий товар. А потом через год попался директор магазина, когда сбывал краденое золотишко. Оказалось, что это он и устроил пожар, чтобы следы замести.

– Может, и мы под шумок? – шутливо предложил Рамиль, кивнув на «Алмаз».

– Там сигнализация сработает.

– Жаль! – сказал Рамиль. – Обвешались бы драгоценностями и ходили такие крутые, фалян-тугэн!

– А потом срок получили, – резонно заметил Хмурый. – Это тебе не флагом размахивать на Красной площади.

Два дня назад пьяный Рамиль устроил на Красной площади одиночную демонстрацию в защиту великой и неделимой России. Милиционеры решили, что именно его защиты и не хватает стране, поэтому ничего Рамилю не сделали, даже отвезли домой. А может, потому, что выражал возрождающуюся любовь ко всему родному. При социализме модным было все импортное, которого было очень мало, а сейчас, когда страну переполнили иностранные товары, фильмы и песни, началось всё ускоряющееся движение моды в сторону отечественного.

– Чего они возятся?! – накинулся Рамиль на пожарных, чтобы отвлечь внимание от себя. – Давно бы уже потушили!

– У них руки не из того места растут! – зло бросил Женя. – Пообрывать надо!

– Ни в коем случае. Пусть мешают им сидеть.

Отсмеявшись, Макс рассказал:

– Скучный пожар. Вот, помню, был я пацаненком, летом пух тополиный жгли. Кинешь горящую спичку на белую полоску пуха – и пламя побежало по ней. Однажды кинул возле сарая, а полоска под дверь вела. Внутри двое ребят постарше промывали бензином двигатель мотоцикла. Как долбануло! Дверь – нараспашку, крыша – перелистнулась, как обложка книги, на соседнюю, а в трех стенах сарая – дырищи, будто снаряды навывлет пролетели. Ну, думаю, каюк пацанам! А они выгребают из сарая. Походняк – как у роботов. Руки и морды красные, обожженные, бровей и ресниц нет, а волосы оплавлены – будто шлемы на головах. Хлопают они безресничными веками и никак не догонят, что случилось и кто виноват. Я решил не ждать и разбежался в разные стороны.

– А у нас каждое лето тайга горит, – похвастался Женя. – На сотнях гектаров, армию на тушения посылают.

– И тут ты на бульдозере подруливаешь, – перебил его Макс. – Пять минут – и все свободны!

Как ни странно, Хмурый не обиделся на него. Может, потому, что Макс не стеснялся своей провинциальности, даже хвастался ею, утверждал, что в столице ничего путного не может вырасти: экология не та.

Пожарные закончили тушение. Они подержали жильцов первой квартиры на улице еще минут пятнадцать, чтобы дым рассеялся, а потом разрешили вернуться домой.

– Пойдем досыпать, – предложил Макс.

– Уже и не к чему, через час в Лужу ехать, – сообщил Рамиль. Лужа – это рынок на территории спорткомплекса Лужники.

– А еще участок надо убрать.

– Убери мой, – попросил Рамиль. – Вечером заплачу, фаян-тугэн.

В последнее время он все реже появлялся на своем участке, просил подменить, отдавая за это всю месячную зарплату дворника. Его участок находился по соседству, был больше по размеру, но менее загаживаемый. Такое впечатление, что в этот дом собрали чистюль со всего города. Убирать меньше, чем на своем, а получаешь больше.

Зима пролетела незаметно. Вроде бы снега было не мало, но убирался он легко. И вот опять деревья обзаводятся листьями. Вторая половина весны – лучшее время для дворника. Снега уже нет и листья еще не опадают. Разве что тотальное освинячивание дворов на майские праздники.

Появилась Тата. Не было ее – и вдруг возникла на тротуаре метрах в трех от подворотни. Одета во все черное: короткая, по пояс, кожаная куртка, юбка-миди, колготки, туфли на высоком каблучке – профессиональная униформа. Через плечо сумочка на длинном ремешке. Худое лицо Таты неестественно бледно, а под глазами полукружья. Она не вызывала желание, не притягивала, даже казалась асексуальной. Если смотреть на нее боковым зрением, когда Тата размывается, превращается в темный силуэт со светлым пятном лица, появлялось впечатление, что вытягивает из мужчин все темное. Поимев ее, очистишься. Рамиль говорил, что она живет в этом доме, но раньше не пересекались. Наверное, потому, что в другие дни убирал здесь позже.

– Здравствуй, Тата!

– Здравствуй! – поздоровалась она и спросила с вежливым любопытством. – Вместо Рамиля убираешь? Ты ведь друг его?

– Да.

– Помню тебя по Столешникову, – сказала она.

– А кто как ведет себя в сексе, помнишь?

– Да, – молвила она и посмотрела по-другому, как врач, ставящий диагноз. Казалось, она видит все твои слабые места.

– Тат, а ты кончаешь с клиентами?

– Да, – призналась она.

– Со всеми?

– Почти, – ответила Тата. – Сегодня хороший мужчина попался. Он так меня хотел! – радостно общила она. – Подъехал первый раз – у него денег не хватало. Через полчаса вернулся – опять не хватает. Когда в третий раз приехал, я сбавила чуть. Мы с ним всю ночь не спали. Сказал, что такая, как я, впервые ему встретилась. Обещал на следующей неделе, когда деньги будут, приехать за мной.

– А замуж не собираешься?

– Была, – ответила она.

– И что?

– Мне мало одного мужчины, – сказала она и открыла сумочку, давая понять, что допрос окончен.

Сверху в сумочке лежали салфетки, презерватив в яркой упаковке, губная помада и пудреница. Тата выковырнула из-под всего этого шоколадный батончик, развернула обертку. Откусывая маленькие кусочки, неторопливо жевала и отсутствующим взглядом провожала метлу из прутьев, которая шуршала по асфальту, подгребая к бордюру мусор. Потом перевела взгляд на два темно-зеленых мусорных контейнера, которые стояли на площадке, огороженной с трех сторон недавно побеленной стенкой полутораметровой высоты.

В контейнерах рылась палкой старушка в красной шляпке с вуалью, черном плюшевом зипуне и странной обуви, похожей на обрезанные валенки с галошами. После старушки там появились два алкаша, мужчина и женщина, он в стареньком джинсовом костюме, она – в ветровке из палаточной ткани поверх короткого платья ржавого цвета, оба в растоптанных, домашних тапочках. Худые, с дергаными лицами и резкими движениями. Их сменил дед с раздвоенной седой бородой и пачкой газет под мышкой, одетый в распахнутую, солдатскую шинель. Все рылись аккуратно, поглядывая с опаской на дворника. Казалось, каждую ненужную бумажку или тряпку кладут туда, где взяли. Самое интересное, что побирушки становились заметными только возле контейнеров, а как добирались до них и куда потом девались – оставалось тайной. Такое впечатление, что возле мусорника дверь в подземный ход, соединяющий его с другими по всему городу.

Доев батончик, Тата скомкала обертку, посмотрела, куда ее бросить, а потом спрятала в сумочку.

– Почему домой не идешь?

– Жду, когда совсем светло станет, люди начнут ходить, – ответила она. – Вдруг в подъезде поджидают? Теперь ведь самое страшное место – подъезд. Сколько там людей ограбили, убили! Рамиль меня всегда провожал...

– И я могу, сказала бы сразу.

– Я тебя плохо знаю, – сообщила она и добавила: – Рамиль с пистолетом приходил.

– С газовой хлопушкой?

– Не знаю, – призналась она. – Ладно, пойдём.

Чем ближе подходили к подъезду, тем мощнее становился фон страха, исходивший от нее. Боязнь потерять деньги – плата за удовольствие при их зарабатывании.

В подъезде пахло гниющим деревом. Этот аромат прижился во всех старых московских домах, даже в тех, где и гнить-то нечему. Тата остановилась, пошевелила тонкими ноздрями, будто могла определить опасность нюхом.

– Подожди здесь, пока не скажу, – попросила она у лифта и пошла по лестнице.

Юбка ее покачивалась с небольшим запозданием, словно прилипала к сухим лодыжкам и с трудом отлипала. Попка не ахти. Ничего сексуального, лишь притягательность запретного плода.

Тата положила левую руку на ягодицу и плавно пригладила юбку к бедру, словно осторожным движением, боясь сломать, сдвинула с себя чужой взгляд. Затем повернула на следующий лестничный пролет и исчезла из вида. Только каблучки отбивали такт, размеренный, наверное, самый приятный для нее. Они затихли на площадке четвертого этажа.

– Я уже, – сообщила Тата. – Спасибо!

– И тебе.

Облака почти все время закрывали солнце, но в недолгие моменты свободы оно задорно припекало. Земля на газоне сразу начинала парить и как бы выталкивать из себя ярко-зеленые стрелки молодой травы между серо-коричневыми плешинами пожухшей, прошлогодней, между посережшими, так же прошлогодними, обертками от мороженого и жвачки, и смятыми банками из-под пива – урожаем этого года. Особенно много мусора было возле урн, железных, выкрашенных в темно-зеленый цвет, на черных подножках. Они с горкой были заполнены алюминиевой и стеклянной тарой из-под пива. Несмотря на массивные рекламные синие и красные призывы американских компаний безалкогольных напитков, новое поколение выбирало пиво. А еще больше банок было внизу, у памятника Ленину. Наверное, молодежь развлекалась, старшее поколение не отважилось бы на такое кощунство. Целили, видимо, в пятно голубинового помета, которое не брали никакие дожди. Князю Долгорукому повезло больше: по крайней мере, отсюда – вид сзади – выглядел почище. Московские власти заботились о нем, потому что стоял лицом к мэрии и спиной к остальному городу. Возле него тусовалось несколько человек, то ли туристы, то ли свидание назначили. У входа в мэрию стояли два милиционера в сером. Что-то у них было общее с памятниками князю и вождю пролетариата. Скорее всего, неподвижность и безразличие ко всему.

В последнее время Инга возвращалась домой с этой стороны. Говорила, что выходит из метро на «Пушкинской» и заглядывает по пути в новые магазины, которые появляются быстрее, чем она успевала их осмотреть. Встречались все реже. Инга ссылалась на занятость дипломной работой. Ее оправдания становились все длиннее и правдоподобнее. Не хватало смелости сказать правду. Или не была уверена в новом избраннике.

Мимо прошли и расселись на дальней скамейке трое. Одеты дорого и броско. На шеях толстые золотые цепи, у одного даже с «физкультурником» значительных размеров, отчего мужчина напоминал батюшку, снявшего рясу и сбившего бороду и усы. На татуированных пальцах – золотые «гайки». Ребята казались бы смешными, если бы не глаза травленных волков на вроде бы безмятежных, лопающихся от жира лицах. Похожий на попа-расстригу поставил рядом с собой упаковку пол-литровых черно-белых банок импортного пива, расстегнул темно-зеленый пиджак, открыв белую рубашку, мятую, с желтым пятном на брюхе. Он угостил пивом корешей и себе взял. Три банки, открываясь, пшикнули почти одновременно. Сидевший в середине, отпив, поперхнулся и облился пивом.

– Сука, в нос шибает! – весело пожаловался он.

Кореша заржали, заблестев золотыми зубами. Они потягивали пивко и обменивались короткими фразами. Говорили не то чтоб шепотом, но разобрать можно было лишь мат, который произносились со вкусом, чуть громче.

Эти соседи отбили желание ждать Ингу здесь. Да и по времени она уже должна быть дома и, может быть, у себя.

Навстречу шел парень, одетый не по погоде в черную вязаную шапку, которые любили мужчины-москвичи, а провинциалы называли «пидорками», и легкую осеннюю куртку с большими карманами, в которых прятал руки. Чем-то он напоминал Макса. Чем – трудно понять, потому что голову наклонил, лицо плохо видно. Шел он легкой, прогулочной походкой. Казалось, сейчас буцнет попавшуюся под ноги банку, пробежится за ней и еще раз поддаст, пока она не улетит с дорожки на газон.

Ближе к князю Долгорукому площадь неспешно пересекала молодая женщина с розовой детской коляской. Женщина остановилась, наклонилась к коляске. Детский плач не был слышен, но женщина быстро закачала коляску и что-то засюсюкала, наклонившись еще ниже.

Сдвоенные выстрелы прозвучали громко и хлестко. Женщина вздрогнула и посмотрела в сторону скамеек. Стрелял парень в «пидорке». С двух рук. Впрочем, теперь уже с одной, левой. Сперва в голову «расстриге», белая рубашка на груди которого стремительно краснела, потом в среднего, который уткнулся подбородком в грудь, будто пытался рассмотреть в ней дырки от пуль, и, уже с правой, в правого, у которого на коленях лежала банка и из нее выплескивалось пиво. Той же прогулочной походкой киллер направился в сторону Генеральной прокуратуры России. На ходу сунул пистолеты в урну с мусором, затем руки – в карманы, наклонил голову и чуть ссутулился.

Милиционеры у мэрии не пошевелились, словно не слышали выстрелы. Зато свидетели разбежались стремительно. Особенно спешила женщина с коляской. Сперва ломанулась к мэрии. Увидев милиционеров, испугалась их больше, чем наемного убийцу, и побежала следом за ним. Наверное, не соображает, что делает. Почувствовав чужой взгляд, женщина остановилась, посмотрела прямо в глаза и приоткрыла рот, подкрашенный бледной помадой. Она перевела взгляд на убитых, потом на коляску и, подчиняясь чужому взгляду, повернула вправо, а затем пошла следом.

На перекрестке Столешникова с бывшей Пушкинской, а теперь Большой Дмитровкой, горел красный свет светофора. Возле Генеральной прокуратуры, которая располагалась левее по Дмитровке, движение было обычное. Тревогу не скоро поднимут. Пока к скамейкам не забредет милиционер или пенсионер из бывших номенклатурщиков, который готов рискнуть жизнью, лишь бы побыть на виду у властей.

Загорелся зеленый свет, но женщина передумала переходить улицу, повернула вправо и быстро покатила коляску в сторону Кремля.

Drive types or diskette types not compatible.⁶

**У этого,
кто впяив в зеркало,
дальтония слуха,
насморк речи,
полосатые совесть и тень.**

Зеркало было прямоугольное, примерно пятьдесят на сорок сантиметров, прикрепленное восемью жестяными зажимами к деревянной подставке. Хмурый, одетый в новый серо-зеленый костюм-тройку, темно-зеленый свитер-гольф и незаменимые желтые ботинки, поглядел в него еще раз и протянул, сказав:

– Пусть у тебя побудет. Не хочу, чтобы эти в него смотрелись.

Эти – жена Юры Невского по имени Марина и ее подруга Наташа, прапорщик воздушно-десантных войск. Марина приезжала сюда где-то за неделю до исчезновения ее мужа. Так как в семье «паровозом» была она, ограбление Хмурого прошло не без ее морального участия. Женя опять понадобился (гостиницы в Москве дорогие), и ему была рассказана байка, что с мужем развелась, мол, как можно жить с таким подлецом.

– Ясино зеркало?

– Да, – ответил Хмурый.

– Будешь хранить до ее возвращения?

– Она вернулась позавчера, – сообщил Женя. – Позвонила, чтобы встретил и помог перевезти вещи с аэропорта на железнодорожный вокзал. В Германию учиться ее не послали. Поработала в Польше. Говорит, официанткой. Платили мало, полиция постоянно грабила. Решила вернуться.

– А может, проституткой?

– Не знаю, – не обидевшись, как раньше, ответил он и нахмурился, пошевелив длинным носом, будто унюхал что-то неприятное. – Она не рассказывала. Больше меня расспрашивала. Особенно после того, как дал ей на дорогу сто баксов. Как узнала, сколько зарабатываю, хотела билет сдать и остаться. Но все-таки уехала.

Хмурый теперь работал в российско–американской торговой фирме, с директором которой, Стасом, познакомился в секции каратэ. Оттуда и костюм, и свитер – директор заставил носить. Только на ботинках Стас сломался, решив, наверное, что у каждого свои недостатки и желтый – не самый тяжкий.

– Раньше она была красивее, – добавил Женя, глядя в пол.

– Судя по твоим словам, она не изменилась. Просто за эти годы ты намечтал ее.

– Наверное, – безропотно согласился он.

– Делай, как я: утешайся мыслью, что отношения между мужчиной и женщиной – это всего лишь обмен жидкостями.

Женя зябко передернул плечами:

– Ну, ты как скажешь!

– Предлагаю другой вариант: любовь – это бессознательный выбор наилучшего партнера для производства потомства. Правда, партнер частенько делает неправильный выбор. Наверное, относится к этому делу сознательнее.

Хмурый улыбнулся кончиками губ:

– И помогает?

– Нет, конечно, но чем-то же надо заниматься, чтобы не ковыряться в собственных болячках. Я думаю, это к лучшему, что она не осталась здесь. На твою шею и без нее найдутся халявщики.

– Уже нашлись, – вздохнув, сообщил Женя. – Ладно, пора на работу.

– Как дела на фирме?

– Растем! Уже вышли на пять тысяч баксов месячной прибыли! – похвастался он. – Стас говорит, что когда здесь наладим дело, я стану директором, а он уедет в Штаты, будет сам заниматься закупками. Зачем нам компаньон американец? Без него справимся! – Отойдя к двери, он вспомнил: – Да, Камиль звонил. Сегодня вечером приезжает в Москву за товаром на двух двадцатитонных фурах. Тоже раскрутился, молодец! Я сказал, что у меня занято, может, у тебя переночуют.

Хмурому даже в голову не приходило, что кому-то непрошенные гости ни к чему.

На кухне возились у плиты Марина и Наташа. Прапорщик была выполнена в черно-белых тонах: черные густые волосы и брови и белое, не без помощи штукатурки, лицо; белый гольф и сверху черный джемпер, обтягивающие широкие плечи, объемный бюст и выпуклый живот, напоминающий третью сиську; черные шерстяные лосины, зрительно утолщающие худой зад и тонкие короткие кривенькие ноги, белые носки с серыми пятками и тапочки. Марина была крашеной блондинкой с милой улыбкой и локотками, остроту которых не скрывал даже светло-серый свитер домашней вязки, великоватый на нее, наверное, мужнин. Черная юбка была выше колен, как бы мини, но с поправкой на возраст за тридцать. Женщины снимали накипь с мяса, варившегося в Жениной новой турецкой кастрюле, никелированной, с двумя черными пластмассовыми ручками на боках и одной на стеклянной прозрачной крышке, которая лежала на столе. Рамиль любил утверждать, что русские женщины ленятся снимать накипь, наверное, и им повторил, поэтому Марина и Наташа в две ложки доказывали обратное. Из движений Наташи так и сквозила мужиковатость: резкие и никаких сомнений, сплошная однозначность.

– Дай я, – отодвинула она подругу от плиты. Скрипучий голос ее был не женский, но и не мужской.

– Добрый день!

– Здравсьте! – кинула Наташа через плечо ответное приветствие и косой взгляд, предполагающий нападение и заранее отбивающий его, а заодно, как это умеют делать прапорщики и их коллеги с флота – мичмана, моментально определила пригодность объекта к воинской службе и меры, необходимые для доведения его до нужной кондиции. Убедившись, что лапоть ее не собираются и что необходимые меры были эффективно применены до нее, сразу потеряла интерес.

– Ой, приветик! – мило улыбаясь, поздоровалась Марина. – А ты изменился и к лучшему! – Она вроде бы не заигрывала, но и не совсем без этого.

– Ты тоже.

– Не забудь положить, – приказала с нотками ревности Наташа, не уточнив что и куда, и ушла с ложкой из кухни наполовину строевым шагом, который вырабатывается у воинственных мужчин после демобилизации.

Березка на парапете дома напротив ничуть не выросла за лето. Она покачивалась на порывистом, осеннем ветру, как бы балансируя над пропастью. Очередной маленький желтый листочек оторвался от нее и, то опускаясь, то подлетая, заметался в колодце двора.

– Ты тоже в Лужниках торгуешь? – спросила Марина.

– Нет. Не повезло.

– Туда так трудно устроиться? – приняв на полном серьезе, спросила она.

– Мне – да.

– А-а, ты сам не хочешь! – весело догадалась она и легонько отомстила: – У тебя бы и не получилось! А зря: ребята там хорошо зарабатывают.

– Мне хватает денег: я хочу на столько, на сколько могу.

– А нам кое-что купить надо, думала, у тебя спросить, – сказала Марина.

– Лучше у Макса, он всё знает.

– Нет его дома, – сообщила она. – Нам ризограф нужен. Это прибор такой для резки бумаги. Я сейчас в рекламной фирме работаю, коммерческим директором. Мы еще визитки делаем, их разрезать надо, и у ребят на это много времени уходит. А они оба художники. Талантливые – жуть! Но в делах не очень. Они меня сначала агентом взяли. Я им столько заказов натащила, что они меня в директора перевели. Конкуренты пытались меня переманить, но такую зарплату предложили – просто смех! Я ребятам рассказала, и они меня в долю взяли, чтобы не ушла. Нам бы ризограф, так бы развернулись! Юра мне посоветовал в Москву слетать...

– Вы же в разводе.

Ни мало не смутившись, Марина сообщила:

– В разводе, но живем в одной квартире. Знаешь, как сейчас с разменом? Такое предлагают – хоть стой, хоть падай! – Перехватив взгляд на ее широкое золотое обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки, быстро выдала оправдание: – Это чтоб не приставали мужики. Хватит, хочу отдохнуть от всех. Тут как раз Наташа позвонила, у них самолет в Москву летит, место есть, бесплатно. Только надо найти, у кого в Москве остановиться. Я сказала, что у меня есть где. Самолет полный был. Кто по делу, кто в отпуск, но большинство – за товаром. Зарплату военным уже полгода не платят, вот командование и помогает людям, как может. Приехала сюда – и как на курорт попала: ни забот, ни хлопот, ходи себе по магазинам.

– Полезное занятие. Так много дает в духовном плане.

– Смеешься, да?! – с улыбкой спросила она.

– Делаю выводы.

– Смейся-смейся, – разрешила она. – Я не обижусь. Это пока одна, театры, книги и все такое, а как семья, дети появились, не до развлечений стало. Это вы, мужчины, безответственные!.. Ты почему до сих пор не женился?

– Никто не берет.

– Слу-ушай! – сразу загорелась Марина. – У меня знакомая есть, твоих лет, разведенная, девочке три года...

– Нет-нет, спасибо! Я как-нибудь сам выберу себе наказание!

– Сам ты еще лет десять будешь искать, – произнесла она, попробовав бульон на вкус, а когда оглянулась, крикнула вдогонку: – Не бойся, больше не буду никого сватать!

У Инги новые духи, терпкие, резкие, с кокаиновой свежестью. Их аромат, опередив хозяйку, первым ворвался в комнату. У Инги были ключи от квартиры. Вот она прошла овальную прихожую. Остановилась возле двери в комнату Макса, якобы посмотреть, кто на кухне. Пошла дальше.

– Заходи, Инга!

– По звуку шагов узнаешь меня? – задала она вопрос, зайдя в комнату.

Одета в расстегнутый черный плащ, темно-синий деловой костюм, белую блузку, черные колготки и ботинки с прямоугольными носками. Она была больше похожа на стюардессу, чем многие представительницы этой профессии. Инга отказывалась верить, что о ее приходе предупреждает аромат ее духов.

– Да, по стуку каблучков. Заодно они сообщают, какое у тебя настроение. Сегодня – хорошее.

– Не очень, – возразила она. – Но и плохим не назовешь.

– Поцапались?

– Ну что ты?! – с улыбкой сказала она. Голос ее теперь почти всегда звучал на одной высоте – чуть ниже нейтральной. – Он лишний раз дохнуть на меня боится! – Инга подошла к кровати, сняла

плащ и ботинки и, придерживав юбку, чтобы не образовались складки, села, прислонившись спиной к висевшему на стене коврику с алопарусной шхуной, который сама и подарила. – День был напряженный. Секретаршу уволили, а новую никак не можем подобрать. Такие все бестолковые, только глазки умеют строить!

– Возьмите мужчину.

Такая мысль даже в голову Инге не приходила, поэтому надолго задумалась.

– Это интересно! – пришла она к выводу. Подумав еще немного, передумала: – Всё-таки это женская профессия. Да и на фоне общего поголубения будет выглядеть данью моде. В этом плане у нас консервативная фирма.

– Как идут дела?

– Расширяемся. Взяли в аренду еще один самолет, грузовой, будет на китайском направлении работать, – рассказывала она, а сама думала о чем-то другом, более приятном: блеск глаз и часто срывающиеся на улыбку губы не вязались с тем, что говорила. – Собираемся и пассажирский взять на это же направление, и я буду его вести.

– Он предложил выйти замуж?

– Да! – радостно призналась Инга, а затем потупилась. – Вчера его сыну исполнилось восемнадцать лет. Всё, говорит, свой долг перед ним я выполнил, теперь имею право развестись с женой и жениться на той, которую люблю.

– И ты согласилась?

– Нет, конечно. Но и не отказала. Я еще не решила, – не без жеманства сообщила она. – Он старше меня на эти восемнадцать лет. Не в этом, конечно, дело. Он так любит меня!

– А ты его нет.

– И сама не знаю! – с томным вздохом призналась она.

То ли действительно влюбилась, то ли повлияли латиноамериканские сериалы, которые показывали по телевизору с утра до вечера, но в последнее время Инга вела себя как плохонькая актриса, изображавшая чувства. Судя по общему ее поглупению, скорее, первое, но и не без второго.

– Он такой сильный, решительный и заботливый, – перечислила Инга. – Рядом с ним не надо ни о чем думать. И в то же время он так нуждается в моей заботе. И в постели нам хорошо. Представляешь, просыпаюсь утром от какой-то тяжести. И запах свежий-свежий. Открываю глаза – вся постель в розах...

– Стог или два?

– Три! – весело, но резко произнесла она и сочувствующим тоном спросила: – Тебе неприятно слушать?

– И да, и нет. Я рад за тебя.

– Я же предупреждала, что у нас с тобой не надолго, что как только встречу... – начала она оправдываться.

– Мне кажется, что у нас с тобой ничего и не было. Все происходило в виртуальном пространстве – и там осталось. Там всегда можно перезагрузиться и начать сначала. И повторять много раз.

– И мне кажется, что между нами ничего не было, – выхватила она то, что хотела услышать.

Disk unsuitable for system disk.⁷

– Наверное, не надо было мне приходиться, – произнесла она.

– Надо. У тебя ведь нет подружки, не с кем поделиться эмоциями.

– Не умею дружить с женщинами, – призналась Инга.

– Вот я и буду твоей подружкой. Я и был ею.

И кельи, и камеры

куб

возводит

в квадрат

и порок, и святость.

Макс, как обычно, ввалился в комнату без стука. Он считал, что формальности – это так скучно! И у него появился костюм, темно-серый. Из-под штангин, собравшихся внизу гармошкой, выглядывали носки лакированных черных полуботинок. Верхняя пуговица светло-кремовой рубашки расстегнута

и ослаблен узел огненно-красного галстука. Макс и галстук совмещались плохо, тем более так неудачно подобранный. Брился Макс дня три назад, если не больше.

– Все играем? – спросил он, наполнив комнату запахом свежего перегара, хотя по лицу не видно было, что пил.

– Что нам остается делать?!

– Жить, – ответил Макс. – Это интересней любой игры.

– Нет. Твоя жизнь – это всего лишь чужая игра. Лучше играть самому.

– Ты, как всегда, набаламутишь, а потом и сам понять не можешь. Для этого и баламутишь, – отмахнулся Макс. – Слушай, я по делу. Мастерша напрягает, что участок давно не убирала. Грозится выселить. Ты бы не мог пару раз в неделю пробежаться там? Зарплата, само собой, тебе. И доплатим, хавкой или деньгами.

– Попробую. Три участка – тяжеловато, конечно, но зима пока не очень снежная. Мне факс-модем надо купить, чтобы в Интернет выходить. Инга дала пароль канала ее фирмы, с вечера до утра он свободен.

– Во-во, купишь, что надо, – сказал он. – А то нам с Олегом некогда: такие бабки наклеиваются.

– На рынке больше не торгуете?

– Там уже нечего делать, конкуренция, навара мало. Золотые времена Лужи прошли, – ответил Макс. – Я тут земляка встретил, чечена. Предлагает фирму открыть, будем кредиты получать, гонять авизо.

– Ты разве из Чечни?

– Ну. Семь лет в Грозном прожил, с шести до тринадцати. Но это было давно и неправда, – сообщил он. Становились понятны его любовь к лакированным штиблетам и небритость. – Вчера по телику бывшую мою улицу Шерипова показывали. Разбомбили, сволочи! Даже школу мою. Вторую. Из первой, девятнадцатой, меня в третьем классе выгнали. Мать перевела меня в тринадцатую. В моем районе сейчас самые бои идут. Ничего, пусть давят гадов. Как они к нам, так и мы к ним. Я когда там жил, со своей улицы без корешей-чеченов – ни на шаг, иначе забьют только за то, что русский. Помню, после первого класса отправила меня маманя в пионерлагерь в горах. Вечером в клубе был фильм. Меня оттуда вызывает чечен, мол, вожатый зовет. Приводит за клуб, а там толпа местных поджидает. Меня, восьмилетнего пацаненка, так отделили, что до конца смены в больнице пролежал. Теперь наш черед, напомним им сорок четвертый. Жаль, меня там нет, я бы кое-кого пришел. Может, мотанем туда, постреляем?

– Это не для меня. Придерживаюсь принципа: если очень хочется убить, начни с себя.

– Сдурел?! – возмутился Макс. – Зачем себя?! Их будем давить.

– А чего ж ты с ними дела ведешь?! Или в бизнесе другие национальности: богатые и бедные?

– Угадал. Лучше с чеченом воровать, чем плевки с тротуаров слизывать, – произнес Макс и, вспомнив, что от его участка могут отказаться, перевел стрелки: – Смотрю, у тебя новый телевизор, цветной.

– Монитор.

– Ну, да, – согласился он и заглянул на экран: – Что показывает?

– Что захочу. Это ведь не телевизор, по которому показывают рекламу и что захотят.

– Ну, точно! – согласился Макс. – При социализме лучше было – никакой рекламы. Хотя мы и с ней чувствуем себя сухо и комфортно, – процитировал он слоган из рекламы гигиенических прокладок.

От излишней стыдливости россиян лечили ударами в пах. Россияне отбивались шутками на том же уровне.

– Поэтому и телик не смотришь? – спросил Макс.

– Подожду, пока его объединят с компьютером. Я буду сам себе составлять программу просмотра, выбирая из каталогов киностудий и телекомпаний и напрямую перечислять им оплату. А за просмотр рекламы платить будут мне, если соглашусь ее потреблять.

– А чего?! – весело поддержал Макс. – Я бы целыми днями смотрел рекламу – и бабки каплют! Клевая работенка! Но нам так не жить, а если жить, то не долго! – посожалел он и прислушался к гудению системного блока: – Что там шумит?

– Вентилятор.

– А-а, – потянул он и припомнил очередную страшилку: – Я когда в армии служил, с нами через забор танковая часть стояла. На танках тоже вентилятор есть. Он крутится так быстро, что лопасти

не различишь, сливаются. Один салага из любопытства сунул руку. Кисть отхватило, как бритвой. Весь танк кровью забрызгало.

– Приятное воспоминание.

– Могу и другое рассказать. – Он на минуту задумался. – Во, у танкистов зема служил, чечен Леча, «дедом» уже был. Мы к ним в чайную ходили, а он продавщицу потягивал. Я как-то пришел под закрытие. Леча уже выгнал всех, дверь закрывал. Я у него спрашиваю: «Нохъч ву? (Ты чечен?)» Он вылупился на меня: русский, а по-чеченски гутарит. Потом распахивает дверь: «Заходи, брат!» Продавщица нам стол накрыла, выпивку поставила. Я еще обидел его, говорю: «А у меня на улице жил алкаш, его тоже Леча звали». Они ведь утверждают, что чечен не может быть алкашом. Ха-ха! И бабы ихние, мол, не блядуют. А у нас на улице Мадина жила. Лет десять ей было – да, она на класс младше меня была, – а сиськи уже – во! – отвел он руки на полметра от груди. – И такая профура! Мы ее толпой драли. Поставим раком в сарае – и по очереди, человек десять. А ее братья старшие гонялись за нами, обещали поубивать всех. У них же братья отвечают за моральный облик сестры. Если замужем взбляднула, муж выгоняет ее, пусть родня разбирается, наверное, чтоб кровной мести не было. А дети остаются с отцом, он их отдает на воспитание матери или своей сестре. Братья Мадины поняли, что она быстрее дает, чем они будут убивать, отправили ее в горы к родственникам. Те зарезали ее, как барана. Там же, в горах, власти никакой, по законам предков живут.

– Дикарь.

– Зато у них мафии нет, – продолжил Макс. – Открыл я магазин или кафешку, наехали на меня – весь тейп под ружье и на мою защиту.

– Это и есть мафия.

– А ведь точно! Чужак там обязательно под крышей какого-нибудь тейпа, отстегивает им. Иначе – покойник, – согласился он. – Пора и мне на кого-нибудь наехать.

– И получается?

– Еще как! – Он провел ладонью по лицу, пробуя щетину. – Когда небритый, подваливаю ночью к киоску, пушку газовую сую в кормушку и говорю: «Я солнцевский. Дай бутылку и закусь. Хозяину скажешь, чтобы из дани вычел». И дают! Главное – в глаза ему смотреть с презрением, – рассказал он и вспомнил: – Представляешь, подваливаю к одному киоску, а там – кто бы мог подумать! – Тата собственной персоной. Какими судьбами, спрашиваю. Да вот, отвечает, на «субботнике» побывала: пятнадцать человек драли ее на халяву целую неделю, а потом бросили за городом голую, чуть не замерзла. Хорошо, нашлась добрая душа, подвезла ее всего за минет. Говорит, так зубы стучали от холода, что чуть не откусила. И знаешь, что ее больше всего огорчает? Жаба давит: столько денег потеряла, до сих пор подсчитать не может! «Даже если брать оптом, по сто баксов...» – передразнил он Тату и заржал. – Такие вот дела, студент! Учись, пока мы с Татой живые! – пожелал он и ушел.

Не успела закрыться за ним дверь, как приперся Хмурый. Тоже без стука. В Сибири народ всё больше лагерный, к стуку относится нервно. Желтые ботинки были при нем, как и зеленый костюм-тройка и свитер-гольф. Очки новые, опять с золотой оправой, но слишком широкие для его узкого лица, отчего нос казался еще длиннее.

– Новость слышал? Камилъ квартиру купил в Москве, трехкомнатную, на Преображенке, – сообщил он с порога. Лицо его вместе с очками было повернуто в одну сторону, а глаза смотрели в другую, отчего создавалось впечатление, что Женя двуликий. – Как раскрутился, а?! – восхищенно и без зависти сказал он. – А тут горбатишься на дядю!

– Ты же говорил, что Стас твой друг.

– Ну да, но все равно, – произнес он после заминки, наверное, думал о другом, но хмурился при этом не мрачнее обычного. Он подошел к столу, взял конспект – темно-синюю общую тетрадь, открыл его. – В этом году заканчиваешь?

– Да. И ты бы мог.

– Зачем? – возразил Хмурый. – Всё, чему там учат, в жизни не пригодится.

– Как будто ты знаешь, что в жизни пригодится.

– Догадываюсь, – надменно выдал он, отшвырнул конспект и прошелся к двери и обратно. Правый ботинок тихо поскрипывал, и казалось, что это внутри Жени что-то изнашивается, просит замены. – Надо учиться у природы. Слиться с ней, стать частью ее. Надо усовершенствовать себя. Еще при жизни достичь абсолюта.

– Что ты сейчас читаешь?

– Кастанеду, – ответил он.

– Всё ясно. Детские болезни тяжело переносятся взрослыми. После свинки, допустим, становятся импотентами.

– А ты его читал?! – возмутился Женя.

– Не всего, но вкус понял.

– И что? – поинтересовался он.

Как бы ни горел Хмурый какой-нибудь идеей, переубедить его было легко. Но не надолго. Вскоре его переубеждал другой.

– Есть талантливые люди и есть не очень. Как бы ни старались последние, они никогда не станут первыми.

– Не скажи, – возразил он. – Если поставить цель и очень постараться, то обязательно достигнешь. Мы не знаем скрытые в нас возможности. Надо верить в себя.

– Ну, да. Для того чтобы стать гением, надо, во-первых, верить в свою гениальность, и уже только во-вторых, родиться гением. Кстати, ты должен обзавестись новой одеждой. Купил?

– Спортивный костюм, – признался Хмурый. – А как ты догадался?

– Каждый новый жизненный этап ты начинаешь в новой одежде. Только желтые ботинки вечны.

– Я и кроссовки купил, – буркнул он.

– Что случилось в фирме?

– Мафия наехала, – ответил Женя. – Вышли на нас по нашей рекламе. Первый раз дали в газете, – и через день заявили двое. Один обычный, даже немного интеллигентный, а второй – амбал с двумя извилинами и обе на лбу. Мы бы со Стасом забили их за нечего делать, – похвастался он и добавил с сожалением и восхищением одновременно: – Но тогда бы нам хана!.. Они предложили «крышу», обещали с властями помочь – у них все чиновники в нашем округе и даже выше куплены. Хотят раскрутить нас до десяти тысяч баксов прибыли в месяц, десятую часть – им. Стас выговорил у них неделю, мол, надо с американским компаньоном согласовать. А что обговаривать?! В Москве без «крыши» только бабки семечками торгуют у метро, но и они «мусорам» отстегивают. Отвез я им бухгалтерский отчет и дань. Мы затемнили треть, думали, проскочим. Куда там! У них бухгалтера покруче нашего. Как наехали на меня – думал, живым не вернусь!

– Объяснил бы, что ты служащий, а не хозяин.

– Объяснял, – сказал он. – Позвонили они Стасу, а он говорит, что это я ошибся, перепутал с отчетом для налоговой инспекции. Они сделали вид, что поверили, но предупредили, что они не налоговая, не обманешь, а за попытку пришьют. Оно мне надо – погибать из-за чужих денег?!

– Чем собираешься заняться?

– Еще не решил, – ответил Женя. – Хочу куда-нибудь поближе к природе. Спортсом позаниматься, помедитировать. Я уже забыл, когда последний раз бегал утром. Целый день работаешь, потом пьянки за полночь. Надоело всё! Переберусь куда-нибудь, где поменьше людей и суеты. Сейчас можно купить за тысячу баксов дом в деревне, – проболтался он и сразу пожалел об этом, причем скривился так, что нос, казалось, изогнулся буквой S. – Пойду я. Надо бандитам деньги отвезти и собрать выручку по магазинам, в которые отдали товар на реализацию, – сказал он и вышел из комнаты широким шагом, отчего правый ботинок заскрипел громче

Комнату заполнял мрак позднего зимнего вечера, густой и малоподвижный, словно окоченевший на морозе, и подсиненный светом от монитора. Стук в дверь вяз в этом мраке, казался чужим: стучат в соседнюю дверь.

– Да!

Их было трое. Слабый свет из коридора как бы вталкивал в комнату их громоздкие фигуры в зимней одежде.

– Включатель слева.

Второй из вошедших нащупал на стене включатель. Комната резко наполнилась слепящим светом. Все какое-то время были неподвижны, привыкая к нему. Первый был высок и строен, одет в черную зимнюю куртку нараспашку, темно-зеленый костюм, как у Хмурого, но свитер-гольф был серого цвета, а ботинки – черного. Скорее всего, это Стас, шеф Жени. Два других, пониже и пошире, чем-то напоминали бандитов, расстрелянных напротив мэрии, может быть, нездоровой пухлостью лиц, будто после долгого голодания стали обжираться высококалорийной пищей. Одеты в темно-синие куртки и

кепки-«жириновки». От бандитов их отличала внутренняя дисциплинированность, которая чувствовалась в движениях и прищуре глаз. Потерянные бойцы кэгебэшного отряда.

– Где твой сосед? – спросил Стас.

– Женья?

– Да, – ответил он и подошел ближе, чтобы смотреть в глаза поверх монитора.

– Думаю, там, где ты предполагаешь.

Он смутился, но быстро оправился и посмотрел уже не с тупой агрессивностью, а с любопытством.

– Рассказывай, что знаешь, – потребовал он, сменив к концу фразы тон на просительный.

– Он исчез с деньгами для?..

Стас понял недосказанное, ответил:

– Да. И немного из магазинов прихватил.

– Подозреваю, что он сейчас где-нибудь в деревне, расположенной у леса, в области, граничащей с Московской: там цены на дома ниже.

– А точнее? – попросил Стас.

– Точнее не знаю. Месяцев через девять он вернется и сам расскажет.

Теперь с любопытством посмотрели и держиморды.

– Он обещал вернуться? – задал вопрос Стас.

– Нет. Сейчас он уверен, что никогда больше сюда не вернется. Через какое-то время ему надоест безделье в глуши, тут он вдруг вспомнит библейские заповеди и якобы под их влиянием займется новым делом. Цикличность у него, как беременность, примерно девять месяцев. Кроме Москвы ему некуда ехать. За границей было бы интересней, но у Жени типично русское противоречие: аллергия на иностранные языки и физиологическая потребность, чтобы все его понимали.

Стас улыбнулся по-американски – в тридцать два зубы, довольно белые, и посмотрел как на союзника.

– Жил за границей? – спросил он, уходя от неприятной темы. Скорее всего, больше его потрясло предательство, а не потеря денег.

– Всё никак не получается. Раньше коммунисты не выпускали, а теперь денег нет. Да и скучно там будет без компьютера. Может, съезжу, когда ноутбук куплю.

– Так ты тот самый его сосед, который рехнулся на компьютерах? – спросил он иронично, но как человек уверенный, что к его вопросу отнесутся с юмором.

– У бедных свои причуды.

Стас еще раз прорекламировал своего дантиста и сообщил:

– В Штатах таких называют, – он задумался, подбирая аналог на русском языке, – картофельная мышь. Они, сидя за компьютером, трескают чипсы.

– А мы, как обычные мыши, на сухари нажимаем.

Стас покивал головой, соглашаясь и соболезуя одновременно. Он переступил с ноги на ногу, оглянулся на сопровождающих. Ему хотелось продолжить разговор, но воспитание не позволяло надоедать без дела.

– Так говоришь, вернется через девять месяцев? – задал он вопрос с улыбкой, которую быстро скомкал. Видимо, вспомнил, что всё время улыбаются только идиоты и просто янки.

– Подозреваю, что роды будут преждевременные, семимесячные.

Стас усмехнулся, протянул, прощаясь, руку поверх монитора и сказал:

– Пусть позвонит мне.

Пожатие было сильное и теплое.

Стас развернулся и приказал держимордам:

– Пойдем.

– Теперь куда? – спросил один из них.

– Домой, – устало ответил Стас.

Уходя, они выключили свет и плотно закрыли за собой дверь.

У подъезда их поджидала «вольво» зеленого цвета. Стас сел за руль, сопровождающие – сзади. Выпуская клубы белесого дыма, машина поехала в сторону Петровки. Двигалась медленно, словно с трудом раздвигала промерзшую темноту.

Темно было и в Ингином окне. Она теперь редко бывает дома.

Load game.⁸

Инга в фиолетовом халате сидела перед трельяжем, любовалась своим отражением. Лицо красиво, потому что в нем ни единой мысли. Она почувствовала взгляд и медленно повернулась к окну. Лицо ее напряглось, точно никак не может вспомнить что-то очень важное. Она встала и, глядя через плечо, как бы маня за собой, ушла к кровати, исчезнув из виду. В ее комнате сразу же погас свет.

К сожалению, мечты сбываются...

**Ощерились храмы
куполами,
чтобы к людям
не сошел
босой бог.**

Инга снова поменяла духи. Теперь у нее цветочные, летние, – под время года. Аромат их, опередив хозяйку, ворвался в комнату и завис над монитором. Инга, как обычно, остановилась перед комнатой Макса. Не знает еще, что он перебрался в бывшую Женину комнату.

По идее там должен был поселиться Рамиль, тем более что живет теперь с Настей, круглолицей хохлушкой, настолько домовитой, что всю коммуналку считала входящей в круг ее забот, иногда немного навязчивых. Хоть Настя была на полголовы длиннее Рамиля, сумела внушить ему, что он на голову выше. Она тоже торговала в Лужниках, там и познакомилась. Они уступили комнату Максусу потому, что на днях собирались уезжать в Башкирию, на родину Рамиля.

На Инге были белая майка, светло-серые шорты, кремовые туфли на низком каблучке и сумочка через плечо. Все вещи дорогие и по отдельности красивые. По отдельности они и воспринимались. Лифчика не было, поэтому во время движения груди колыхались чуть вразнобой, левая запаздывала. Инга разулась и с ногами забралась на кровать.

– В Интернете сидишь? – спросила она. – То-то я никак не могу дозвониться до вас.

– У нас телефон отключили. Точнее, забрали номер. От нас можно позвонить, а к нам нет – в лучших традициях русского абсурда. :-)⁹

– Так даже интереснее! – сказала она. – Вас выселяют?

– Все еще выселяют. Обломилась на Антонине Михайловне. Она уже нарезала несколько кругов по всем инстанциям, нет в московском правительстве чиновника, который бы не знал ее. Наше РЭУ теперь боится тронуть старушку. Так что, пока Антонине Михайловне не найдут равноценную замену, мы отсюда не выедем.

Инга пригладила шорты на бедрах и, старательно избегая встречи взглядами, на одном дыхании выпалила:

– Я замуж выхожу.

– И правильно. А то пора уже любовника заводить, а ты все еще не замужем! *:о)¹⁰

– Тебе всё шуточки, – отбилась она.

– Могу и серьезно: люди женятся, когда любви еще нет или уже нет. ;–)¹¹ У тебя первый случай.

Инга хотела огрызнуться, но вдруг обмякла и с остатками агрессивности задала вопрос:

– И как ты вычислил?

– Слепой спросил у зрячего: «Как ты видишь?» > :->¹²

– И всё-таки? – настаивала она.

– В ответ зрячий пожал плечами, мол, не знаю. Слепой повторил вопрос. > ;–>¹³

– Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится и одновременно не нравится? – сменив нейтральный голос на высокий, перешла она к активной защите. – Что ты слишком – как бы это сказать? – прощательно-умный. Рядом с тобой все время чувствуешь себя голой перед одетым.

– Но ведь я раздеваюсь по малейшему твоему желанию.

– Ты это делаешь, как профессиональная стриптизерша: вроде бы всё снял, а все равно одетый, – бросила она.

– Я не могу научить тебя видеть.

– Тогда сам научись закрывать глаза, – посоветовала она и сразу улыбнулась немного вымученно. Сменив голос на нейтральный, сказала: – Ну вот, не хватало нам поссориться на прощанье.

– Ссора – это ускоренный выплеск другого человека из себя. 8 :-)¹⁴ А то мы как бы и не расставались. Впрочем, и вместе мы как бы не были.

- Может быть, – молвила она.
 - В церкви будете венчаться?
 - Сначала в загсе распишемся, потом поедem в церковь, – сообщила она с довольной улыбкой, видимо, представила, как красиво будет смотреться под венцом.
 - Всё, как у взрослых! :->¹⁵
 - Всё будет очень скромно. Я так настояла, – сказала она. Достав из сумочки розово-золотое приглашение, положила на столик возле монитора: – Приходи.
 - Боязно?
 - Немножко! – призналась она низким голосом. – Если тебе, конечно, не будет неприятно.
 - Нет, что ты. :-I¹⁶
 - А у тебя как дела? – переменяла она тему разговора.
 - Закончил институт. Теперь я – дворник с дипломом, люмпен-интеллигент. :’-)¹⁷
 - А другую работу не хочешь подыскать? Я могу помочь, у меня много знакомых в фирмах, – предложила Инга.
 - По профессии сейчас смысла нет устраиваться, потому что зарплату не платят по полгода, а торговать, воровать и убивать я не умею и не хочу. Мне больше нравится виртуальный мир. [:] Там я никому не мешаю и мне никто. Работа дворником дает мне на это время и деньги. Нам, кстати, зарплату повысили. За три участка выходит неплохо, не меньше, чем у тебя. Не получается сеять разумное, доброе, светлое – буду убирать грязное.
 - Я бы так не смогла, – сказала она. – Это ведь страшно, когда никакого будущего.
 - А счастье обычно там, где боишься искать. 8 :-)¹⁸
 - Тебе виднее, – произнесла она. – Подружку не завел?
 - Не дождавшись ответа, она посмотрела на дверь, видимо, собралась уходить, но вспомнила что-то и осталась сидеть. Она никак не решалась задать следующий вопрос.
 - Макса нет дома. Пьянствует где-то с Олегом, заявятся под утро. Они теперь при деньгах: с чеченскими друзьями разворовывают кредиты МВФ.
 - Инга смутилась, что угадали ее вопрос, и, переключая внимание, сказала:
 - Странная война, да? В одном конце страны убивают друг друга, а в другом вместе пьют и рожают детей.
 - Это не война, а разборка в коммунальной квартире, где проходная комната хочет пользоваться кухней, ванной и туалетом, но не желает там убирать и не пропускает через свою территорию. (:I¹⁹
 - Всё равно ужасно это! – возмутилась Инга. – Мало бед всяких – катастроф, землетрясений, наводнений, так еще и сами друг друга убиваем!
 - В России самое страшное бедствие – собственное правительство. :-7²⁰
 - Ладно, хватит о грустном, – сказала Инга. – Приходи завтра обязательно.
 - Постараюсь. Могу передать Максy приглашение. Я обычно не сплю, когда они приползают.
 - Не надо, – решила она, вставая с кровати. – И ничего ему не говори.
- После ухода Инги на розово-золотом приглашении обнаружили ее ключи от этой квартиры.

В метро на площадке между турникетами и эскалаторами стоял милиционер, старший сержант, лет сорока пяти, и зорко всматривался в людей, проходящих мимо, успевая отслеживать и входящих и выходящих. Пользуясь чеченской заварушкой, московский удельный князек Лужков обложил данью инородцев. Даже придумали новую национальность – кавказскую. Милиционер и высматривал представителей этой национальности. Отсутствие у кого-либо московской регистрации делало милиционера богаче рублей на пятьдесят – это больше, чем мэр платил ему в день. Поэтому милиционер с Лужковым не делился.

Внизу тусовались еще два, младшие сержанты. Видимо, сверху место подходнее, поэтому там старший по званию. Складывалось впечатление, что вся столичная милиция несла службу в метро, где удобнее отлавливать и обдирать иногородних. Вот младшие сержанты остановили молодого кавказца, скорее всего, грузина, которые и сами с чеченцами не ладят. Невысокого роста, худощавый, с интеллигентным лицом, он шел под руку с русской девушкой. Заметив движение к нему милиционеров, высвободил свою руку и привычным жестом достал паспорт из внутреннего кармана пиджака. Пока один милиционер поверял регистрацию, другой обшманил кавказца. Молодой человек стоял неподвижно с поднятыми руками. Поражало полное отсутствие эмоций на его лице и на девушкином,

которая ждала чуть в стороне. Унижение было настолько велико и повторялось так часто, что уже не воспринималось как таковое.

Зато нищим стало раздольнее. Буквально на каждой станции в вагон заходили мужчина-калека или женщина с ребенком и канючили, начиная с фразы, уже до боли знакомой жителям столицы: «Люди добрые, мы сами не местные...»

На выходе из метро два парня и две девушки совали женщинам буклеты французской косметики, якобы бесплатные, – приманку лохотрона. Этот вид облапошивания оказался настолько прибыльным, что расплодился с рынков по всему городу. Уже внешность зазывал должен был отпугивать, но жадность оказывалась сильнее.

Рядом с метро рабочие в грязных оранжевых безрукавках раскидывали лопатами из кучи черно-синий асфальт по выдолбленному участку дороги, а большой каток уминал. Лужков объявил войну плохим дорогам – первая российская беда принялась за вторую. Побеждала дружба, потому что главным было участие, а не результат.

Навстречу шел юноша в белой рубашке с коротким рукавом, черном галстуке и брюках. Он вглядывался так, будто никак не мог вспомнить, где раньше встречались, а потом остановился, загородив дорогу, и произнес:

– Извините, можно вас спросить?

– Мне ничего не надо. :-)

– Вы неправильно поняли, я не коммивояжер! – улыбаясь во весь рот, сказал он. – Вы верите в бога?

Судя по назойливости и хорошей одежде, саентолог или мормон. Эти ребята даже с богом умудрились заключить выгодную сделку. Ловить души старались неподалеку от храмов других конфессий, правильно полагая, что если человек вляпался один раз, во второй ему будет легче это сделать.

– Гюго утверждал, что религия – это встреча дурака и мошенника. Ты кто? ; –)

Вербовщику не понравились оба варианта, поэтому ответил не сразу:

– Ну почему сразу мошенник?! Вы меня не поняли...

– Я все понял. Мне ничего не надо. :-(

– У нас, в кругу друзей... – продолжал он, улыбаясь, размельчать бесплатный сыр.

Лохотронщики у метро работали с лучшим знанием людей: по крайней мере, не совали буклеты явным «отказникам».

– Следовательно, я похож на дурака? *:o)

Ловец душ запнулся, помолчал какое-то время, наверное, договаривал про себя вбитую в него вербовочную речь, а затем, с появившимся на лице вполне нормальным извинением, ответил:

– Конечно, нет!

– Значит, когда увидишь такого же, как ты, – к нему и приставай. :->

От него хлынула волна такой беспощадной, слепой ярости, что сразу вспомнились славные времена коммунистического единобожия и предшествующей им инквизиции. И снова улыбка, но уже для другой жертвы, которую ловец высматривал среди прохожих.

Церковь видна была издали, золотые и колючие купола проглядывали в просвет между домами. Купола ассоциировались с золотозубой улыбкой цыган: безвкусица, фальшь и скрытая агрессивность. Если и нужен посредник, то явно не такой. Можно было с точностью до сантиметра сказать, где начинается церковная территория, потому что до нее тротуар был замусорен и заплыван, а после – вылизан. Где ни где валялись бумажка или окурок, свежие, появившиеся после уборки. Несмотря на то, что ни милиция, ни просто бандиты возле церкви не беспредельничали, нищенствовали здесь всего две старухи. Да и те ухоженные. Создавалось впечатление, что это для них один из способов убивать свободное время, нехлопотный и прибыльный. Они тихо болтали и поглядывали на верующих не столько с ожиданием денег, сколько с обычным любопытством приподъездно-скамеечных товаров. Впрочем, много денег здесь не получишь, потому что в церковь ходят в основном те, у кого дела не лучше. Хорошая жизнь делает людей атеистами. Свадебных машин и никаких других у церкви не было. Значит, Инга еще в загсе.

Вдоль ограды шла симпатичная девушка, зомбированная плеером. Минуя, просыпала, как грузик щебенку, шершавые, приглушенные звуки музыки. Если бы захотел с ней познакомиться, не докричишься. Зато и гадость не услышит. Еще одна разновидность виртуального мира.

А в виртуальном мире если не видел любимую, выходящей замуж за другого, значит, она все еще твоя.

**Рук
спасательный круг
замкнется иглой,
что укажет курс –
из прошлого в прошлое.**

Макс, подложив под спину подушку, полулежал на бывшей Жениной кровати, небрежно застеленной общажным клетчатым одеялом, из-под которого кое-где выглядывала грязноватая простыня. Одет он был в мятую белую рубашку с закатанными по локоть рукавами и темно-серые брюки от костюма. Пиджак и галстук висели на гвозде, вбитом в стену. Справа от него полулежала Кристина. Худая и маленькая, метр с кепкой, со взъерошенными, коротко стриженными волосами, в свои двадцать лет она выглядела подростком, сбежавшим с уроков. Вот только грудь была непропорционально велика, за что, наверное, Кристина и была выбрана Максом. На левой щеке у носа имела две родинки. Как и большинство женщин с дефектом лица, она была очень женственна. Этому не могли помешать даже манера одеваться под мальчишку (утверждала, что у нее нет ни одного платья или юбки) и пацанячьих ухватки. Олег сидел у стола так же неуклюже, как костюм на нем. Он ослабил оранжево-салатный галстук, но пиджак снять не решился, чтобы не так заметно было, что рубашка из белой превратилась в серую. Макса обстирывали подружки, а Олегу приходилось самому. Но женщины стирают, чтобы стало чистым, а мужчины – чтобы не было грязным. Олег влюбленно смотрел на Кристину.

Большой стол был передвинут к левой стене. На нем в углу у окна стоял большой серо-черный японский телевизор. Звук Макс делал такой, чтобы и сосед слышал, а когда передавали рекламу, добавлял громкости. Макс был, наверное, единственным в мире человеком, который любил смотреть рекламные ролики по многу раз и следовал их рекомендациям, начиная от марки телевизора и заканчивая продуктами питания, загромождавшими остальное пространство стола: консервы, йогурты, кексы, чай, пиво, жвачка трех производителей. Исключение составляли желтые бананы с синими овальными лейблами фирмы-экспортера – любимое лакомство Кристины, и копченые куры и белый хлеб – слабость Макса. Он никогда не ел черный хлеб, утверждая, что белый для белых людей, а черный для черных, но замечал, что все-таки лучше есть черный хлеб на Черном море, чем белый на Белом. На ближнем к кровати углу стояло глубокое блюдо, из которого выглядывал одноразовый желтоватый прозрачный шприц. Судя по легкой заторможенности, с которой троица повернула голову к двери, чтобы посмотреть на вошедшего, и по остеклененности взглядов, шприц недавно побывал в деле.

– Ширнуться не хочешь? – предложил Макс. – Там еще полкуба осталось.

– Я на виртуальной игле сижу, а два кайфа не смешивают. (:I

– Ты прав, – согласился Макс и тут же попросил Олега: – Плесни пивка, что-то сушняк палит.

Олег перевернул бутылку горлышком вниз над бокалом с названием пивного ресторана, недавно открывшегося на Большой Дмитровке. Пиво полилось, громко булькая и разбрызгиваясь по столу.

– Тетя Ася, хватит полстакана! – попробовал остановить его Макс слоганом из рекламы стирального порошка.

Пока Олег догнал, все пиво вылилось из бутылки, часть – на стол.

– Садись, хавай, – предложил Макс, беря у Олега полный бокал. – Бери курицу, пиво – вместе клево идут.

Свободный стул был из Олеговой комнаты. После отъезда Жени и Рамиля исчезли и стулья из их комнат.

Копченая курица под пиво, действительно, шла хорошо. Упругое мясо размягчалось плотной жидкостью, словно плавилось в ней, смешиваясь, образуя вкус, который приобретает пища, приготовленная на костре. Создавалось впечатление, что сидишь где-то на природе, светит солнце и все вокруг зелено, а не в душной комнате и за окном не падают лохматые комки снега, которые язык не поворачивается назвать снежинками.

– Что, намантулился? – задал вопрос Макс, заметив, с каким аппетитом едят.

– Угу... Я чего пришел. Снег уже неделю идет, я не успеваю убирать три участка. Придется вам выйти на свой. С=:~)²²

– Не было печали, черти накачали! – сказал Макс и, опустив верхнюю губу в шапку пены, отпил пива из бокала.

– Мастерша наезжает. Я хотел отказаться от участка Рамиля, но там какое-то начальство живет. И в моем доме тоже. Приходится их в первую очередь убирать.

– Да пошла она! – беззлобно ругнулся Макс. – Пусть выгоняет. Бабки есть – что-нибудь снимем. Все равно дом скоро продадут.

– Не думаю, что продадут до конца лета. :–/23

– Почему? – поинтересовался Макс.

– После победы коммунистов на парламентских выборах капитализм затаил дыхание, ждет, чем закончатся президентские, которые будут летом. Обратил внимание, что дом на углу с Петровкой строили днем и ночью, а после выборов перестали, пара человек там бродит, охрана? А если и на следующих победят коммунисты, то четыре года нас никто не тронет. 8 :–) Вчера стою в булочной в очереди, туда свежий хлеб подвезли, выгружали, а впереди два деда с пионерским задором и комсомольским ожесточением сначала искали русскую национальную идею, не понимая, что этот поиск и есть национальная идея, а затем повели предвыборные дебаты: один за Ельцина, другой за Зюганова. Надоело им спорить, а уступать никто не хочет, вот они и спросили меня: «За кого молодежь – за Ельцина или Зюганова?» Я ответил: «За Клинтона». >; –> Больше деды не спорили.

– Я тоже заметил, что в последнее время всё начало притормаживать. – сказал Макс и отдал Олегу пустой бокал. -- И Беслан – это наш поделщик-чечен – мутит: обещал на той неделе кредит подогнать и до сих пор не сделал.

– Наверное, обиделся, что наши загнали их в горы и добивают там.

– Да нет! – возразил Макс. – Когда в Грозном бои шли, он частенько по нервному шел. Мы же с ним в одной школе учились, только я на три года старше. А сейчас я его подкалываю чеченами, которые за нас воюют, а он меня – правозащитниками и журналистами, которые на них работают.

– Предательство – это один из способов выживания нации. :–7

– Еще тот способ! – язвительно произнес Макс. – Я у Беслана спрашивал, как он относится к этому, нашему известному правозащитнику. «Хорошо, – говорит, – он же нам помогает». – «А вообще?» – «Пидор!» – отвечает Беслан. Чечены отблагодарят всем, кто им помогал. Они ведь людей делят на чеченов, трусливых братьев ингушей и прочий сброд. А на сброд никакие правила не распространяются. Особенно журналистов любят. При мне был там один случай. Журналист написал разгромную статью на председателя колхоза. Вырезали всю семью журналиста, даже грудному ребенку голову отрезали.

– Ужас, – лениво и без особых эмоций бросила Кристина и плавно, будто боялась расплескать жидкость в глазах, перевела взгляд с Макса на стол. После минутного размышления попросила: – Олечка, дай банан.

Выхватила его, точно с ветки сорвала. Очистив весь, швырнула желтую разлапистую кожуру с синим овальным лейблом на стол, но недокинула. Кожура шмякнулась на пол. Разломив мякоть, одну половину попыталась засунуть в рот Макс, который собирался что-то сказать.

Выплюнув банан на пол, Макс рыкнул:

– Отстань.

Кристина надкусила свою половину банана и ударила Макса кулаком в грудную клетку.

– Не бей в грудь: и так молоко пропало! – дурашливо взмолился он.

Девушка засмеялась, чуть не подавившись бананом.

Пришлось Макс, хлопая ее по спине.

– Не боишься, что и тебя отблагодарят?

– Уверен! – весело сказал Макс. – Знаешь, почему чечены не за руку здороваются, обнимаются двумя руками? Чтобы обе руки были заняты, кинжал не вогнал в живот. Они мастера на подлость! Когда в школе учился, подрался с одним, Майербек. Я посильнее его, руки подлиннее, вешаю ему на дальней дистанции, близко подобраться и ударить в ответ не даю. Он понял, что будет битым, и начал переговоры. Я, как дурак, расслабился, подумал, что он сдался, а Майербек подобрался поближе и, когда я меньше всего ожидал, – в челюсть мне. Я устоял на ногах и так его отметелил, что он до конца школы лучшим другом меня называл. Друг с топором! Так что, на всякий случай, мы загранпаспорта смастерили. На следующей неделе проверим документы – смотаемся в Египет. Там сейчас лето. Заодно и покупаемся. Да, малая? – спросил он Кристину.

– Нет, – ответила она, вредничая.

Олег заулыбался, будто она сказала что-то остроумное.

Кристина улыбнулась в ответ, чтобы позлить Макса.

– Что это у тебя на плечах, Олег? – поинтересовался Макс. – Перхоть, что ли?

Олег испуганно повертел головой, пытаясь увидеть собственную спину, а затем подбежал к бывшему Ясиному зеркалу, висевшему на стене, и вывернул голову так, что позавидовал бы гусь. Сколько уже раз Макс подкалывал его подобным образом, и все время Олег принимал всерьез.

– Эх ты, братан! Я же купил тебе шампунь от перхоти, импортный, его по телику уже полгода рекламируют! – растягивая слова, назидательно произнес Макс.

Олег всхлипнул от огорчения и выбежал из комнаты.

– Куда он полетел? – задала вопрос Кристина.

– Вешаться с горя, – спокойно ответил Макс.

– Ты серьезно? – толкнула его Кристина локтем в бок.

– Серьезней не бывает, – подтвердил Макс. – В самоубийстве ведь что главное? Подойти к делу серьезно, чтобы с первого раза получилось. Со мной в восьмом классе училась одна прибацанная. Решила она застрелиться, потому что некрасивая и никто ее не любит. Нет бы расспросить опытных людей, узнать, как лучше сделать, а то приставила пистолет снизу к подбородку и нажала курок. Пуля прошла голову насквозь, но не убила. Только повредила язык и глазной нерв. И стала эта дура шепелявой и косоглазой – без смеха не глянешь, без слез не расскажешь! А на вторую попытку духу не хватило.

– Пойду посмотрю, что он делает, – решила Кристина, отнесясь к побасенке Макса слишком серьезно.

– Давай, – разрешил он. – Сейчас братан мимо пробежит, в ванную, с двумя флаконами шампуня. Выльет на голову оба. Проследи, чтобы не захлебнулся шампунем.

– Шутишь, да?! – произнесла девушка с улыбкой, с которой обычно была, но не ударила и к Олегу не пошла.

Ее улыбка наводила на мысль, что Кристина даже глупее, чем старается иногда показать. Она была бы хорошей парой Жене.

Угадав, наверное, чужую мысль, Макс вспомнил:

– Вчера Хмурого встретил, привет тебе передал, просил позвонить. Он у Камиля живет. Торгуют вместе, контейнер на рынке держат. Говорит, наш телефон не отвечал, вот Женя и решил, что нас выселили.

– Стас, бывший шеф его, просил позвонить.

– Хмурый уже покаялся перед ним. Грозится вернуть все до копейки, – рассказал Макс. – Зачем тогда воровал?!

– Мне кажется, что верующими становятся те, кто знает, что нагрешит, но хочет поделиться ответственностью. 8 :-)

– Черт их знает! – весело сказал Макс и предложил: – Ешь еще, не стесняйся! Хочешь, жвачку бери, без сахара. Или тебе больше с крылышками нравится? – обыграл он рекламу гигиенических прокладок. – Малая без ума от них. Говорит, прямо улетает!

Девушка снова ударила его в грудную клетку и произнесла последний аргумент спора:

– Дурак!

Макс обхватил ее голову рукой и сдавил, прижав к себе. Кристина жалобно запищала, пытаясь вырваться.

– Я мстю и мстя моя ужасна! – озвучил свои действия Макс и отпустил девушку.

Кристина тут же набросилась на него, причем ей явно нравилось, что Макс так легко с ней справляется.

Наблюдать, как милые тешатся, еще скучнее, чем их ссору.

**Восходящее солнце
приподнимет макушкой
одеяло облаков
и запалит розовым
холодные капли пота
на зеленой шерсти земли,
взопревшей
от ночных кошмаров.**

Антонина Михайловна не стала заходить в комнату, лишь просунула в приоткрытую дверь сухую голову и с надеждой и в то же время с готовностью выслушать отказ, попросила помочь. Русский че-

ловец уверен, что все человечество обязано помогать ему и что обязательно пошлет его подальше. Договариваться об этой помощи Антонина Михайловна начала недели две назад, когда ей наконец-то подобрали квартиру в старом доме в районе Нового Арбата и пообещали выделить машину для перевозки вещей. Случилось это после победы Ельцина на президентских выборах и после исполнения бравым генералом лебединой песни – подписание пакта о капитуляции в разборке с чеченцами. Макс шутил, что их дом отдают как контрибуцию.

В комнате Антонины Михайловны было всего два стула, деревянные, такие уже лет сто не делают. Да и остальной мебели всего-то платяной шкаф, темно-коричневый, наверное, из того же гарнитура, что и стол в Жениной комнате, овальный раздвижной стол, железная кровать и тумбочка для посуды, на которой стоял черно-белый телевизор с отломанным переключателем каналов. Вещи были упакованы в коробки, тюки и узлы. Скорее всего, Антонина Михайловна сделала это две недели назад и с тех пор спала на голой сетке. На посеревших от пыли, желтоватых в сине-красный цветочек обоях выделялись более светлые прямоугольные пятна, наверное, раньше там висели фотографии или картины. Пол выметен и вымыт, даже в углах за мебелью ни соринки. И окно вымыто. Березке на парапете дома напротив казалась отсюда чуть длиннее и тоньше.

Макс и Олег курили, рассматривая мебель. Рядом с ними стоял Ихтияр, на котором поверх одежды был длинный темно-синий фартук, что делало татарина похожим на дореволюционных дворников. Видимо, Антонина Михайловна наняла его – уж слишком суетился. Да и не тот он человек, чтобы бесplatно что-нибудь сделать.

– Начнем?

– Сейчас, докурим, – сказал Макс. – Каждая работа, большая или маленькая, начинается с большого перекура. – Добив сигарету, он хотел швырнуть окурочек на пол, но заметил, как скривилась Антонина Михайловна. – Уже не ваша комната! – весело поддел он старушку.

– Ну да, – согласилась она и сразу сникла, будто на произнесение этих слов ушли последние силы.

Шкаф оказался тяжелым. Он слабо пах апельсинами, что было странным, потому что пенсии Антонине Михайловне хватало только на хлеб, чай и картошку. Может быть, Макс угощал. Старушка шкандыбала рядом, то забегая вперед, то отставая, и охала, когда углом шкафа задевали стены, отковыривая штукатурку, причем жалела не свою, а чужую собственность, которую скоро будут ремонтировать, если не снесут и не построят новый дом.

У входа в подъезд ждала машина-фургон. Шофер, одетый в коричнево-желтую ковбойку и замасленные черные джинсы, стоял чуть в стороне и лениво наблюдал за погрузкой. Рядом с ним оставилась женщина с девочкой лет пяти. Такое впечатление, что им перегородили дорогу, ждут, когда освободится. Глазели молча. Ни одно из колес грузовика их не заинтересовало. У мамы в руках два натрамбованных полиэтиленовых пакета, наверное, шопингуют. Столешников превратился в переулок ресторанов, баров, кафе, банков, турбюро и магазинов и позабыл, что такое очереди. А на углу с Петровкой достроили дом и отрыли часовенку, наверное, для замаливания грехов, обретенных во время строительства и при получении разрешения на него.

По мере того как из комнаты выносили мебель и вещи, она становилась просторнее и светлее. Взяв последний узелок, Антонина Михайловна обвела комнату взглядом, то ли удивляясь, как она изменилась, то ли запоминая получше, затем перекрестилась незаметно, как привыкла при коммунистах. Хотела всплакнуть, но сдержалась. лишь потерла глаза кулачком.

Когда погрузили в машину все вещи, шофер захлопнул створки фургона. связал их черной запальческой проволокой и пошел в кабину. Ихтияр направился за ним, видимо, поедет помочь при разгрузке.

Антонина Михайловна протянула Максу зажатые в кулачке деньги, приготовленные заранее:

– Это вам, ребята, за помощь.

– Да вы что?! – обиделся Макс. – Мы – не государство, пенсионеров не грабим!

– Вы же помогли... – забормотала старушка.

– Удачи на новом месте и здоровья! – пожелал ей Макс и, направившись к подъезду, позвал: –

Пошли, братва.

Женщина с девочкой двинулись дальше, в ювелирный магазин «Алмаз».

– И нас скоро выселят, – сказал Макс, когда поднимались по лестнице.

– Предлагают перебраться в квартиру на той стороне переулочка.

– И что там? – поинтересовался Макс.

– Сарай загаженный и без телефона. Я отказался. Чтобы стал сговорчивее, пообещали отключить свет, газ и воду. Я решил, поживу, сколько можно, а потом, если ничего лучше не предложат, перейду в другое РЭУ или сниму комнату. Для меня главное – телефон, чтобы Интернетом можно было пользоваться.

– Что это такое? – спросил Макс.

– «Паутина», в которой гибнут слишком любопытные. Я мечтал попутешествовать по всему миру – и мечта исполнилась. Правда, мир этот – виртуальный. >:-> Зато и мечта осталась. >:->

– И нам пора попутешествовать, засиделись в Москве. Махнем в Голландию. Там, говорят, наркота прямо в магазинах продается! – сообщил Макс. – В России больше нечего делать. Кончился бандитский беспредел, начался ментовский: наглеют не по дням, а по часам.

– Государственный террор пытается отвоевать прежние позиции. Это агония имперской эпохи – эпохи фальшивых героев. Герой-пионер заложил родного папашу. Героиня-комсомолка заблудилась, тем самым засветив группу, и никого не выдала, потому что, как рядовой боец, ничего не знала. Герои-интернационалисты под дулами автоматов заставляли чужой народ жить так же плохо, как и они. Герои-защитники Белого дома обороняли его почему-то под стенами американского посольства и пытались остановить колонну, уходящую из города: мол, ребята, поворачивайте и нападайте, нечего лишать нас подвига! Герой-телеведущий в обычный рабочий день, возвращаясь в гнездышко, нес в клювике три пачки денег, каждая из которых превышала его годовую зарплату. У нас ведь прямых не убивают, таких можно по кривой объехать.

– Делиться не хотел, вот и прислали к нему пару адвокатов на «бмв», – согласился Макс. – К нам тоже собирались.

– Наехали на вашу фирму?

– Не успели, – ответил Макс, остановившись у двери своей комнаты. – Мы разбежались: война в Чечне кончилась, разворовывать больше нечего.

– Найдете. В этой стране много чего плохо лежит. :->

– Постараемся. В любом случае на дорогу надо наскрести. Если сдать телики и другое барахло, хватит только на визы, а еще билеты и на первое время, пока осмотримся, – сказал Макс. – А не найдем, в Чечню мотанем. Там теперь закон – автомат.

– Не боишься, что убьют за то, что русский?

– Нет! – уверенно ответил Макс. – У победителей раны не болят. Уверен, что они благодарны Ельцину за эту войну: отомстили за репатриацию. А вот в рабстве можно очутиться. Они такое даже в советские времена проделывали, заставляли в горах овец пасти. Все-таки лучше в Европу ехать, в страны непуганых лохов, – закончил он и вошел в свою комнату.

Свет отключили после пяти вечера. Видимо, электрик из РЭУ, пьяница и склочник, которого держали только потому, что больше никто не соглашался, сделал это по пути с работы. Он отлично знал, кто живет в квартире, поэтому и сделал так, чтобы до утра его не нашли.

Компьютер отключился с тихим всхлипом, подмигнув на прощанье монитором.

В соседней комнате истошно завопил Макс. Наверное, по телевизору показывали новый рекламный ролик. Уже через минуту Макс влетел в комнату.

– Слушай, ты же в электрике рубишь? – спросил он с порога.

– Рублю, но распредщит закрыт на замок.

– Замок – это не проблема, – пообещал Макс и обернулся к Олегу, подошедшему следом. – Иди за инструментом.

В корыте с засохшим цементом в углу у входной двери моча была только на самом дне. В последнее время всё реже стали пользоваться подъездом, как туалетом. Ходят в кафе, открывшиеся по соседству. Замок на распредщите был влажен. Наверное, полили жидкостью от ржавчины. Олег дотрагивался до него брезгливо, словно замок был в моче. Сначала внимательно осмотрел, потом попробовал ключ из связки, где их было десятка два, плюс несколько отмычек. С первой попытки не получилось, и Олег попробовал второй ключ, третий...

– У меня неподалеку от дома подстанция стояла, – вспомнил Макс. – Пришли электрики ремонтировать ее, а сами с бодуна, похмелиться надо. Открыли ее, посмотрели, что без бутылки не разберешься, и пошли в магазин. А в это время пацаненок любопытный залез туда. Возвращаются электрики из магазина, а внутри подстанции стоят детские резиновые сапоги и дымок из них поднимается.

– Чушь. :-/ Придумал бы что-нибудь поправдоподобнее.

– Это ты зря! – с ухмылкой сказал Макс. – Недавно Хмурому такого понарасказывал! И он всемоу поверил. Что значит – умный парень! Обещал в газете опубликовать.

– В какой?

– В каком-то московском брехунце, он там внештатным сотрудником, – ответил Макс.

– А с торговлей – всё?

– Ага! – подтвердил Макс. – Они начали подниматься, на трех рынках по контейнеру держали. А потом одна фирма предложила им ну очень дешевый товар, но с предоплатой за две недели. Мол, из-за границы привезем. Пацаны и повелись на халяву. Сгубила жадность фраеров. Влетели на десять тысяч баксов – все, что к тому времени наварили плюс кредиты. И ведь догадывались, что дело нечистое.

– Национальная особенность – наступать на грабли до тех пор, пока не сломаются. :-7

Олег открыл замок, высунул из петель и, придерживая двумя пальцами, показал Макс.

Внутри распредщита все было под толстым слоем пыли, кроме тумблера, над которым белой краской написана единица, и одного из контактов, соединяющего его с сетью. Контакт был заведен за другой так, чтобы при неловком движении цепь закоротило.

– Я бы этого электрика!.. @=²⁴

– А мы его пару раз поили, – вспомнил Макс. – Божился, что будет другом до гроба.

– До вашего?

– Получается, что так, – согласился Макс. – А от ювелирного магазина тоже здесь тумблера?

– У них отдельный щит. Где-нибудь в коридоре неподалеку от входной двери, чтобы утром, как войдут, сразу отключить сигнализацию.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Макс.

– После армии дружка отца устроили во вневедомственную охрану электриком по сигнальным системам.

Контакт удалось вывести из-под другого и соединить с родной клеммой.

– Так ты знаешь, какая сигнализация в нашем ювелирном и как ее отключить? – задал вопрос Макс.

– Довольно примитивная, я даже удивился. Думал, в Москве увижу что-нибудь супер. У нас такие же стояли. На окнах – противоударная, а в зале между прилавками два излучателя, когда пройдешь между ними, срабатывает. Я еще подумал, что если из нашей квартиры сделать дыру в магазин и спуститься сразу за прилавок – никакая сигнализация не поможет.

– Менты сразу вычислят, кто украл, – заметил Макс.

– Нет, это я так, теоретически.

Тумблер был тугой, переключился с громким щелчком, от которого вздрогнул Олег. И сразу из открытой квартиры донеслась игривая музыка, а потом задорный женский голос предложил что-то там покупать.

– Завтра купим замок и поменяем, чтобы больше не отключали, – сразу отреагировал Макс.

На горизонте море

вцепилось в небо –

туда умирать поплыву.

Перед тем, как войти, Макс постучался. Это, наверное, и его самого удивило, потому что замер в дверях, всматриваясь в подсвеченную лишь работающим монитором комнату. От Макса сильно шибало потом. Если бы он еще и дышал тяжело, можно было бы подумать, что только что отмахал марафонскую дистанцию на рекорд. В это было трудно поверить, хотя бы потому, что Макс, после того, как продал телевизор, почти все время проводил в Олеговой комнате. Его почти не было видно и слышно в квартире.

– Не спишь? – спросил он.

– Не знаю! %-)²⁵ Включи свет.

От света лампы заболели глаза. Макс как бы размылся, превратился в темное пятно с радужной оболочкой. Резкость постепенно улучшилась. На Максe был черный джинсовый костюм, мятый и грязный. На левом локте светлело пятно штукатурки.

Гость перехватил взгляд, несколько раз хлопнул ладонью по рукаву, стряхивая штукатурку.

– С одной стороны завидую тебе: имеешь интересное дело, – признался Макс, – а с другой, разве это жизнь?! Будто срок тянешь! Мне старый рецидивист говорил, что есть зеки по жизни. Тюрма – она внутри тебя, даже когда на воле. Сам себя сажаешь.

– Хотел бы я с тобой не согласиться, но... :-(

– Мы сваливаем, попрощаться пришел. Если что, искать кто-нибудь будет, ты ничего не знаешь. Мы уехали неделю назад, куда – не сказали, – сообщил Макс.

– А я еще поживу. Мастерша говорит, что скоро освободится комната с телефоном.

– Взрослый уже, а в сказки веришь, – сказал Макс, наслонявил ладонь и дотер остатки штукатурки с рукава. – Выпачкался, как свинья!

– И где?

– Да тут, не отходя от кассы, – ответил Макс. – Помыться бы надо, а воды нет. – Он помолчал и, хмыкнув, добавил: – Случись что – и потушить нечем.

– Вон, в банке вода, бери.

– Перебьемся, – отказался Макс. – В сауне-люкс помоемся. Мы теперь богатые, погуляем.

– На чем наварились?

– Да так, взяли, что плохо лежало, – ответил Макс. Он подошел к окну, посмотрел на темную улицу. – Со второго этажа никогда не прыгал?

– Не приходилось.

– Припечет – прыгнешь! – улыбаясь, сказал Макс. – Спать не собираешься?

– Пока нет.

– Правильно, играй дальше, – он подал на прощанье руку. – Ну, бывай! Удачи тебе, «брат молочный»!

Дверь за собой Макс закрыл осторожно, словно боялся хлопнуть и разбудить спящих.

Играть сразу перехотелось. Хоть и редко встречались в последнее время, но без Макса и Олега в квартире станет жутко.

За окном шел нудный, осенний дождь. Свет уличного фонаря выкрашивал в желтый цвет мокрую мостовую. В окне напротив было темно. Инга теперь живет в особняке за городом. Комнату не продает потому, что новые соседи могут не понравиться бабе Вале. Умрет старушка, тогда Инга и продаст всю квартиру, потому что она наследница и бабы Вали. С тех пор как Инга вышла замуж, больше не встречались. Несколько раз болтали по телефону, когда в их фирме меняли пароль для входа в Интернет.

Даже в кровати, под одеялом, чувствовалась сырость, будто постельное белье, матрас и подушка пропитались брызгами от капель, разбивающихся об оконное стекло.

Капли застучали громче, слились в шум штормового моря. Оно было темносерое, с белесыми полосками пены. Такого же цвета было и небо, грозное, затянутое тучами. Небо и море сливались, казалось, совсем рядом, почти у берега, и невозможно было различить линию горизонта. Сплошная стена, тяжелая и неподвижная. Лишь на самом верху с грузной стремительностью ртути неслись облака и у берега от стены как бы отваливались волны, огромные, с широкими шапками пены, и беззвучно разбивались о волнорез и валуны, покрытые растрепанными, зеленокоричневыми водорослями. Брызги подлетали высоко и падали на мокрые камни волнореза и серый песок пляжа. Разбитая волна отступала и словно делала глубокий вдох, подрастая и усиливаясь за счет следующей, обзаводилась седым гребнем и вновь билась грудью о камни, подбрасывая, чудилось, к облакам бледносерые брызги. Они пахли дымом. Запах все усиливался, становился горше, дер горло...

Are you sure you want to end the game? Press Yes or No.²⁶

Продолжение следует.

1 Команда выйти из программы.

2 Для продолжения нажмите любую клавишу (англ.)

3 Укус (укр.)

4 Файл не может быть скопирован в себя (англ.)

5 Ресинхронизация не удалась. Файлы слишком различны (англ.)

- 6 Типы дисководов или дисков несовместимы (англ.)
- 7 Диск не годится в качестве системного (англ.)
- 8 Загрузить сохраненную игру (англ.)
- 9 Интернетовская система условных обозначений: Улыбка общего назначения. Для левшей — (-:
- 10 Инт.: Клоун.
- 11 Инт.: Улыбка саркастическая.
- 12 Инт.: Улыбка дьявольская.
- 13 Инт.: Улыбка саркастическая дьявольская.
- 14 Инт.: Мудрец.
- 15 Инт.: Усмешка едкая
- 16 Инт.: Безразличие показное.
- 17 Инт.: Слезы счастья.
- 18 Инт.: Робот.
- 19 Инт.: Яйцеголовый.
- 20 Инт.: Замечание едкое.
- 21 Инт.: Недовольство, огорчение, депрессия.
- 22 Инт.: Начальник.
- 23 Инт.: Скепсис.
- 24 Инт.: Стронник ядерной войны.
- 25 Инт.: Более 12 часов у монитора.
- 26 Вы уверены, что хотите закончить игру? Нажмите Да или Нет (англ.)

Александр РЕДЬКОВ

По ту сторону Вислы

Рассказ

В этой статье рассказывается о людях, живших в восточной части Галиции, о солдатах и офицерах 6-го полка Стрельцов Подхаланских, входивших в 1939 году в состав 22-й Горно-пехотной дивизии Войска Польского. Эта дивизия не оставила яркого следа в сентябрьской оборонительной войне, но её солдаты выполнили долг перед своим отечеством – Польшей, сполна.

30 августа 1939 года 2-й батальон походной колонной подходил к железнодорожному вокзалу. По брусчатой мостовой мимо синагоги, мимо маленьких каменных домиков по тихому зеленому городу Дрогобыч в строю шли молча. Команды «запевай» не было. Приказ «остановиться» дали на привокзальной площади. Затем последовала команда «грузиться поротно».

Дошла очередь и до пятой роты.

– Теш, отдавай приказ на погрузку своему отделению, – сказал командир взвода Петр Дуб. Этот двадцатисемилетний подофицер¹ ещё не имел случая проявить себя, но привлек внимание взводного: блондин, высокий, с хорошей выправкой и поставленным голосом.

Теш дублировал приказ. Солдаты начали заходить в вагон. Поезд был обычный, пассажирский. В плацкартных вагонах неудобно было размещать нехитрый солдатский скарб. Приказано было взять с собой, кроме обмундирования, штатный боезапас батальона, который пришлось нести на себе.

– Теш, – не унимался Дуб, – размещай людей, чтобы всем хватило сидячих мест. Гранаты и патроны не кладите на верхние полки, туда только амуницию.

Командир взвода? был среднего роста, с синими глазами, острым тонким носом и треугольным подбородком. Он только что окончил офицерское училище. Командир роты Камарницкий был в отличной форме: плотно сбитый, со строевой выправкой, он уважал в людях то, что составляет суть человека. Стоя на перроне, он следил, чтобы его рота погрузилась в отведенные для неё два вагона. Для офицеров батальона выделили отдельный вагон.

Хотя Камарницкий не думал о дезертирах², но решил проследить, чтобы все его бойцы сели в вагон.

Взводные подошли и отрапортовали, что погрузка окончена, все в вагонах, отставших нет, по дороге никого и ничего не потеряли.

– Когда состав тронется, – обратился Камарницкий к своим взводным, – один останется с ротой, а двое других могут идти в офицерский вагон, это приказ командира батальона.

В вагонах стоял гул голосов. Все рассаживались своими компаниями, никто не знал, сколько и куда они будут ехать. Шум голосов в вагоне смолк, когда поезд тронулся. Люди прильнули к окнам вагона в надежде ещё раз увидеть своих родных и близких, посмотреть на природу родных мест. Каждый вспоминал что-то своё, родное. Наконец строения Дрогобыча скрылись в утреннем тумане рождающегося дня.

– Командир, – обращались солдаты к Николаю Тешу, – скоро будут кормить? А когда будет остановка и где?

Взводного Дуба оставили в наряде первым, он опять стал доставать Теша: «Посмотри, все ли на месте». Николай, как и большинство в роте, только вторые сутки как снова надел форму. Он ещё не привык к этим переменам в жизни. Лезли в голову самые разные мысли. Будет война или нет? Почему не приехала проводить его жена Юлия. Четыре года назад, когда он учился в подофицерской школе в шестом полку Стрельцов Подхаланских³ в Самборе, она приезжала к нему и привозила их грудную дочь Марию.

А теперь её не было, но и к другим тоже никто не пришел. Мысли шли в такт стука вагонных колес. «Надо быстрее вживаться, а там, глядишь, если всё обойдётся без войны, останусь в армии, а если повезёт, то поступлю в офицерское училище».

Мысли о переменах в жизни не покидали его. «Вот Вольчак Ян, лесник – высокий шатен с правильным овалом лица, старше меня на семь лет, на гражданке был моим начальником». Николая поражала работоспособность Яна. «Справедливый человек, – говорили о нём на делянках, – лишнего не скажет, остерегается хвастать, но уж если что посулит, считай – получил».

«А вот как обернулось, не стану к нему придираяться, всё-таки пулемётчик, если война, то там он будет в цене, стреляет хорошо, сам знаю. Его село Опака от нашего Залокице всего в паре километров. Между нами поле, на котором мы вместе пасли коров. Многие там познакомились, переженились, а может быть, мы с ним даже родственники. Да и взводный думает, что я всё знаю, всё умею. Ну что ж, это к лучшему, может, и пригодится».

Солдаты продолжали ходить по вагону.

– Слушай, Блажи, ты что, не можешь найти себе место? Садись в то купе, где я.

«Странно, хотел этого здоровяка из Городка назначить пулемётчиком вместо Вольчака. Да нет, сам ротный сказал, что Баселюк нужен для другого».

Бойцы стали уничтожать свои сухие пайки и то, что у них осталось от домашней еды. В большинстве своём они оказались в казармах двое суток тому назад по мобилизации⁴. Им вручили повестку – куда явиться и что с собой иметь. Родные снабдили их едой раза в два больше, чем было предписано. Командиры смотрели на это сквозь пальцы, и поэтому к еде в казармах многие не притрагивались.

– Теш, смотри, чтоб не пили водку, заметишь, отбирай, – не унимался Дуб.

– Да где ж она, родимая, – с упреком отвечали бойцы, – всю дома оставили, а пиво можно?

– У кого есть пиво? Сдать! – встревожился взводный. В ответ раздался дружный смех. Ребята-срочники не понимали, почему так ведут себя солдаты из запаса.

Колёса поезда равномерно стучали, унося эшелон всё дальше от родных мест.

По плану Верховного командования 22-я Горно-пехотная дивизия должна была оборонять участок границы со Словакией. Но потом командование решило этой дивизией усилить армию генерала Шиллинга, т.е. армию «Краков». А в эшелонах об этом, кроме командира дивизии, полковника Леопольда Рагиниса, никто не знал. Немецкая разведка работала отлично. Генерал Шиллинг не знал, что в его распоряжение направляется отобилизованное, полнокровное, шестнадцатитысячное подразделение. Составы шли из четырёх разных городов: Самбор, Санок, Дрогобыч, Перемышль. В Перемышле было грузиться тяжелее всего. Требовалось погрузить артиллерию: полевые 75мм пушки, а также дивизион дальнобойных орудий. Вся артиллерия была на конной тяге. Лошадей с трудом заводили в вагоны.

Рядовой Михаил Малик – атлетического сложения, неприхотливый в быту – второй раз в жизни должен был ехать так далеко поездом.

Теперь, находясь в вагоне, он мечтал, что на станции отправит весточку своим родителям, сестре, что он жив, здоров и едет кудато в глубь Польши, а когда прибудет на новое место, сообщит свой адрес.

Составы 22-й дивизии спешили. Никто не знал, когда начнется война и начнется ли вообще. В офицерском вагоне было много свободного места. Командир батальона Юзеф Мичка не разрешил заносить в вагон вещи, которые не принадлежали офицерам. Мичка был кадровым военным, действовавшим всегда прямолинейно и резко, исповедовавшим лишь культ кулака, силы, атаки в лоб. Он хотел удобства и комфорта для себя и офицеров. Командир понимал, что война будет, и по дороге к ней он не хотел никакой усталости, никаких неудобств. Он никогда не лукавил, не водил человека за нос, не сулил несбыточного.

– Капитан Камарницкий, у вас в роте всё в порядке?

– Так точно, пан командир, – ответил ротный.

– Как взводные?

– Все в норме, пан майор.

Мичка стал командовать батальоном только в начале августа. Предыдущий командир заболел воспалением лёгких.

– У вас новый взводный, только из училища.

– Справится, – ответил капитан, – он из семьи военных. Его отец был в легионе вместе с полковником Беком⁵.

– Будем надеяться, – ответил майор.

Наступил полдень. Поезд подъезжал к Тарнову. В городе стояли полчаса, меняли паровоз. Народу на станции не было, шли одни воинские эшелоны, и полиция никого не пускала. На соседней колее стоял санитарный поезд. При виде вагонов с красными крестами многие солдаты упали духом. Повели разговоры: куда, в какое место лучше, если ранят, а после ранения – отпустят домой или снова в строй?

Поезд тронулся, санитарный эшелон скрылся с глаз. Настроение снова улучшилось, были шутки, анекдоты, кто-то кого-то разыгрывал. Разговоры о войне заканчивались сами собой. Никто не верил, что немцы начнут войну на два фронта. Ведь известно, чем закончилась для Германии война в 1918 году. Многие надеялись, что Англия и Франция выполнят свои гарантии по отношению к полякам⁶.

– Командир, – обращались к Тешу солдаты, – а в Германии на наши деньги купить можно будет? Теш удивился.

– А вы что, уже собрались в Германию?

– Да нет, мы просто так, для интереса.

«Неужели они не понимают, что если окажутся в Германии, то это – война. Точно где-то взяли водку, поэтому пошли глупые вопросы. Ладно, главное, чтобы в меру. Может, и Дуб не заметит, следующий наряд не его. Поручик Бахминский в армии давно. Этот поймёт».

Поезд двигался на запад, бойцы в такт стука вагонных колес запели песню. Пели старые народные, про расставание с родным домом, с семьей.

«Нужно поднимать настроение, – решил Теш. – Уныние нам ни к чему. Может, марш Домбровского, нет, не надо, не поймут. Лучше “улары, улары”, если нет – “подхаланы”. Мы все-таки Стрельцы Подхаланские, и у нас на фуражках орлиные перья. Да, для парада, – красиво, но в атаке....»

– Теш, садитесь к нам, угощайтесь, всё домашнее.

– Да, Крушевский, у вас еды на целый месяц хватит.

– А что, пан командир, может, действительно скоро всё кончится? Наши договорятся с немцами полюбовно, и нас всех отпустят по домам.

– Всё может быть, ребята, нужно надеяться на лучшее.

– Пан командир, у вас есть дети?

– Да, трое, младшему две недели.

День подходил к концу. На ночь в наряд заступил поручик Бахминский. Передавая распоряжение командира батальона своим подофицерам о том, что на ночь нужно поставить дневальных в вагонах, он заметил недоумение на их лицах. Бахминский покачал головой, сразу видно – из резерва. Затем распорядился насчёт кипятка. Проводники с неохотой выполняли его просьбу.

Для батальона эта первая ночь в пути. Люди устали от неизвестности. «Спать или ходить, про-верять дневальных? – раздумывал Теш. – Нет, лучше спать. Неизвестно, что будет дальше. А завтра будет день, будет видно». Да и спать можно было только сидя, облокотившись на карабин. Это сплошное мучение, а не поездка на войну. Быстрее бы уж конец путешествию.

Майор Мичка был в раздумье, пригласить ли в вагон солдата Яна Вольчака, родного брата своей жены Юлии?! Какие-то умники назначили его родственника пулемётчиком. Дали ему ручной пулемёт «BROWNING»⁷. Хотя Ян по всему подходит: и рост, и атлетическая фигура, и в армии служил. Командир роты решил, что у пулемётчика денежное довольствие больше, – так это в мирное время, а если война? Ведь пулемёт будут стараться уничтожить в первую очередь. «Что я скажу сестре? Надо перевести его в писаря... Ладно, как прибудем на место, а пока пусть потаскает своего десятикилограммового друга. Не всё ему быть в начальниках».

– Дневальный, принесите чаю, позовите офицеров, ужинать будем.

Командир 22-й Горно-пехотной дивизии полковник Леопольд Эндель-Рагинис был штабным офицером и командовал таким крупным воинским соединением впервые. Его дивизия должна была прибыть на место своей дислокации в ночь на 1 сентября 1939 года. Полковник нервничал, это была его первая боевая задача. И от того, как он её выполнит, зависело отношение к нему его нового командира – генерала Антония Шиллинга. Стук колёс смолк. Не доезжая несколько километров до Кракова, состав остановился. Никто не знал причины. Стоянка затянулась на несколько часов. Кто-то вывел из строя переводную стрелку. Хотя приказа на проведение диверсий в польском тылу ещё не было, но некоторые представители пятой колонны⁸ решили действовать на свой страх и риск. В вагоне наступило оживление. Поручик Бахминский отдал приказ «отбой». Солдаты нехотя замолчали, пробовали дремать.

Ремонт закончился. Эшелон с опозданием продолжил свой путь. Днем 31 августа поезд остановился где-то западнее Кракова, на одиноком железнодорожном разъезде.

Начальник генерального штаба Польской армии генерал Вацлав Стахевич при планировании маршрута надеялся на большую секретность. И поэтому решил произвести выгрузку подразделений подальше от посторонних глаз. Все страдали от такой секретности.

В батальоне было два деревянных ящика. Один – около двух метров длины и весом более тридцати килограммов. Второй был наполовину меньше в длину, но зато тяжелее первого. На обоих стояло клеймо («Kb.Ur.»), которое обозначало, что товар производится на экспорт в Уругвай. К этим ящикам прилагался пакет с уведомлением: «Вскрыть только по боевой тревоге».

После построения батальона в походную колонну был дан приказ на выдвижение в район Окулича, находившегося за несколько десятков километров от разъезда.

– Как будем нести эти ящики? – спросил замкомандира батальона капитан Качмарек, маленький, юркий, с насмешливыми глазами.

– Ты мой зам, тебе и решать, – ответил Мичка.

– Может, вскроем, посмотрим, что там, и понесем по отдельности?

– Я тебе вскрою! Ведь есть приказ вскрыть по тревоге. – Найди где-нибудь лошадь с телегой, погрузишь все тяжёлое на неё и повезёшь за нами.

– А если никто не согласится?

– Пригрози. Лучше найди еврея, те согласятся быстрее, они похитрее. Да, возьми у начфина денег, потом заплатишь.

– Есть! – ответил Качмарек.

Шли долго, к вечеру добрались до места, обозначенного в приказе начальником генерального штаба генералом Стахевичем. Объявили привал. Стали располагаться в редком, пронизываемом солнцем лесу. Неожиданно подошли два офицера из первого Самборского батальона.

Майор Мичка встречался с ними в штабе полка. Поздоровавшись, один из подошедших офицеров сказал, что они расположились в двух километрах от них, а матчасть и продовольствие их батальона отстали. Но весь полк здесь вместе с командиром подполковником Мечиславом Добжаньским.

– У вас есть полевые кухни?

– Нет, – ответил командир батальона.

– У нас тоже матчасть и продовольствие грузились отдельно, хорошо, что боеприпасы взяли с собой. – Гости попрощались.

– Командиры рот, ко мне! – приказал комбат. Подошли ротные. – Выставить караулы! Ходят тут всякие, как у себя дома.

– Так это наши.

– Хорошо, что наши. Этих знаем. Плохо будет, когда придут чужие.

Солнце клонилось к закату. Петр Дуб подошел к Николаю:

– Как будем спать на земле? Палаток нет.

– Нарубим еловых веток, положим шинели, одну полу на землю, другой накроемся, солдатская жизнь, – ответил Теш. Он умел в лесу на морозе снять шкуру с зайца, ошипать, опалить птицу, развести костёр, мог быстро настлат еловые ветви для ночёвки, смастерить над ними плотную зелёную крышу. Его и в полночь не пугал смутный шум в горах, ворчание зверя, если, конечно, с ним было его проверенное ружьё.

– Пан подпоручик, костры разжечь можно?

– Не знаю. Спрошу у ротного.

– У солдат сухпайки остались?

– Может быть, у кого-то остались, а может, и нет, – ответил Теш.

Подпоручик закричал:

– Безобразие, выдали на трое суток, почему не проследили?

– А я что, и за этим должен следить?

– За этим тоже.

– Ну и дела, – вздохнул Теш.

Ян Вольчак достал памятку. В ней писалось, как бороться ручным пулеметом «BROWNING» против танков врага. Танки у врага фанерные, оббитые жестью, на бензиновом двигателе. Поэтому пуля, выпущенная по борту танка, должна была этот танк вывести из строя. Бензин загорится, и от неприятельского танка не останется и следа. Но также можно было стрелять и по смотровым щелям, чтобы лишить танк зрения. Там ещё что-то писалось, но Вольчак читать дальше не стал. Он думал, что танкисты не будут сидеть и ждать, пока их будут расстреливать. И неизвестно, кто кого быстрее лишит зрения.

Подпоручик Дуб явно был доволен. Сходив к командиру роты, он получил от капитана Камарницкого разрешение разжечь костры: три – на отделение. Подозвав всех своих командиров отделений, он объявил им о распоряжении начальства.

- Каких размеров можно разжигать? – спросил командир первого отделения.
- С Марицкий костёл, – ответил командир взвода.
- Больше глупых вопросов нет?
- Нет! – вторили ему подофицеры.
- В дозор выделить по одному человеку из каждого отделения.
- Так точно, пан подпоручик!

Подъём был не как в казармах, его задержали. Команду дали на час позже. Ночь выдалась сухая, сравнительно теплая, да и лето закончилось. На календаре оборвали лист «31 августа». Наступил первый день осени 1939 года. Где-то очень далеко загрохотало. Но скоро прекратилось. «Наверное, гроза», – решили бойцы. Солдаты, проснувшись, стали приводить себя в порядок после столь необычной ночёвки. Зарядки не было. Так решил комбат.

В расположении их подразделения протекала безымянная речка. Этим воспользовались бойцы для мытья и приготовления чая. Дали команду на завтрак. Полевые кухни и продовольствие ещё не подъехали. Питались тем, что у кого осталось. В это время из штаба полка пришёл связной с пакетом. Майор Мичка вскрыл пакет, в нём было краткое сообщение. Война с Германией началась. Приказано было привести батальон в боевую готовность. Комбат, поразмыслив, решил объявить боевую тревогу после завтрака. «Где эти кухни? Где продовольствие? – подумал майор – Хорошее начало – голодными в бой! И неизвестно, накормят ли в обед?!»

– Ротных ко мне! – приказал вестовому майор. Вскоре его ротные были перед ним: – Панове, я получил приказ о начале боевых действий. Немцы утром бомбили наши города. На наших границах идет бой. Заканчивайте с завтраком поскорей. Через десять минут объявляю боевую тревогу. Итак, сверим часы. У всех одинаково? Значит, через десять минут для нас начнётся война. Честь имею, панове офицеры! Идите в свои роты!

Через несколько минут капитан Камарницкий был уже в расположении своей роты. Он буквально летел туда, словно пуля из «ВИСа»⁹, так назывался пистолет, по первым буквам фамилий его создателей.

- Взводных ко мне! Готовьтесь к построению!

Подпоручик Дуб прилетел от капитана словно стрела. Он размахивал руками, голос его напоминал кошачий крик:

- Быстрее заканчивайте с едой, никуда не расходиться. Кто не справил нужду, это его проблемы!

Бойцы понимали: что-то случилось. Майор Мичка перед строем объявил боевую тревогу. Он также коротко сказал о начале войны с немцами. После этого сообщения солдат распустили. Буквально тут же появились телефонисты из роты капитана Болеслава Хаврылюка, они установили связь со штабом полка. Аппарат зазвонил. Подполковник Добжаньский отдал приказ о строительстве оборонительных позиций и сказал, что он будет через час. В батальоне был снова произведен общий сбор. Командир полка сообщил, что бои ведутся по всей линии границы с Германией, т.е. на севере, на западе, а также в районе Млавы, и показал рукой на северо-восток. «Врагу нигде не удалось прорвать наши позиции, и очень скоро враг будет разбит. Нужно выстоять в этих оборонительных боях, пока союзники не перейдут в наступление. И тогда наша конница ворвётся на улицы Берлина. Берлин будем брать мы, поляки, а не французы. От нас до него ближе». Дали команду, все закричали «Ура!», запели гимн Польши. После построения продолжилась рутинная работа: копали маленькими сапёрными лопатками траншеи полного профиля. Окоп должен быть глубоким, закрывающим полностью солдата.

- А для пулемётов «МАХИМ» гнезда копать?
- Копать
- Так их же нет.
- Подвезут.

Тяжелые пулемёты и миномёты ехали отдельно. Майор вскрыл пакет. В нём была инструкция по применению противотанковых ружей. В техническом описании стояла дата: ружьё образца 1935 года. «Да, перестраховщики», – подумал он. Дальше шли тактико-технические данные этого оружия: вес, длина, дальность стрельбы, скорострельность, в какие части танка стрелять и с какого расстояния.

- Капитан Качмарек, вскройте ящики с клеймом «KB.UR.»

В первом были три ружья, во втором – боеприпасы к ним.

– Найдите где-нибудь кусок толстого железа, но только сталь, а не чугун. Связавшись по телефону с командирами своих рот, майор Мичка объяснил, что ему нужно по три человека из каждой

роты, отлично стреляющих и для которых под силу вес десять килограммов и длина 1 м 80 см. От этих солдат будет зависеть жизнь и судьба батальона.

Командирам рот была поставлена непростая задача. Из взвода подпоручика Петра Дуба в распоряжение комбата отправили Блажея Баселюка. Этот лесоруб-гигант был двухметрового роста. Призывался он из небольшого местечка под названием Городок, что в двадцати пяти километрах западнее Львова.

- Капитан, нашли железо? – спросил майор.
- Да!
- Ставьте здесь.
- Есть, пан майор!
- Какая у него толщина?
- Сантиметра два-три.
- Считайте от этого куска сто шагов. Там остановитесь.
- Готово, пан командир!

Комбат взял ружьё и несколько патронов к нему, предварительно приказал солдату вытереть смазку на ружье. Оружие было готово к стрельбе. Подойдя к капитану, майор сказал:

- Сейчас испытаем этого красавца.
- Боец, постелите здесь шинель! – Приказание было выполнено. Комбат лёг, зарядил ружьё, прицелился, выстрелил.

Мичка посмотрел в бинокль. Цель поражена.

- Солдат, сходи, посмотри, пробита насквозь?

Вскоре раздался голос бойца:

- Насквозь!
- Хорошо, значит, этим будем бить их танки.

В роту Блажи и ещё двое солдат пришли с длинным ружьём, а также с небольшим количеством боеприпасов к нему. Это были совсем другие патроны. Их гильзы в два раза крупнее обычных, а пули имели тяжелый стальной сердечник. Ротный Камарницкий решил оставить этот расчет около себя. Он сам будет указывать цель для стрельбы.

- Пробовали из него стрелять?
- Нет, не разрешили, патронов мало, показали дыру в куске стали. Сам командир батальона пробовал. Попал с первого выстрела. Да, кусок железа был куском обычного рельса.
- Здорово стреляет комбат, – похвалил Блажи.
- Ты должен будешь также, – сказал ротный.

Среди дня бойцы услышали ржание лошадей. Наконец–то подъехали полевые кухни, привезли и тяжелые пулемёты с расчетами. Матчасть и продовольствие нашли свой батальон.

- А ты говорил, зачем копаем?! Вот видишь, пришли пулемёты. Теперь пусть сунутся!

Кашевары разогрели обед. Ели все: и те, кто из запаса, и привычные к такой еде солдаты-срочники. К вечеру вдалеке вновь были слышны отголоски разрывов.

Теперь это поняли все правильно. То была канонада далекого боя. На минутку все прислушались. Кто-то стал спорить, из чего стреляют? А может, это бомбы? И кто это стреляет, наши или немцы? Далёкий шум утих, и споры тоже утихли. Когда стемнело, объявили отбой. Ложились с тревогой – что завтра? В караул заступили не как обычно. Это был первый ночной караул на войне. Разводящий напутствовал бойцов, идущих на пост.

- Смотрите в оба, не спите, а то спящего ножом по горлу.
- Как ножом?
- А ты что, забыл – война?! На войне или ты, или тебя. Ладно, не трусь. Они там ещё все, на границе. Досюда далеко, может, обойдётся. И мы сразу пойдём на Берлин.
- Ну, счастливо!

Второго сентября комбата Мичку ожидал сюрприз. Зазвонил телефон. Комполка Добжаньский приказал увеличить оборону батальона на несколько километров вправо. По приказу командира дивизии один батальон из пятого полка Стрелков Подхаланских передавали в другое подразделение.

– Решай, майор, этот вопрос своими силами, резервов у меня нет. Разрыв в один батальон на фланге – это много.

Комбат вызвал ротных. В этот момент снова позвонил комполка:

– Половину участка обороны берёт на себя пятый полк.

– Не по уставу, пан подполковник.

– Не учи меня, зато точно не перепутают.

Пятый полк Стрелков Подхаланских дислоцировался до войны в городе Пшемысль.

– Камарницкий, слушай боевую задачу, – обратился майор Мичка. – Пошлём подпоручика Дуба, пусть создаст там импровизированную оборону силами своего взвода. При встрече с другими бойцами спросить пароль. Он у нас такой: мы – «Дрогобыч», а они – «Пшемысль».

– А если ответа не будет?

– Действовать по обстановке – война!

– Там должны быть солдаты пятого полка.

Капитан Камарницкий сокрушался:

– Несколько десятков бойцов на такое расстояние.

– Что, Камарницкий, не согласны?

– Пан майор, такими силами оборону?

– Это всё же лучше, чем открытый фланг и ничего, – ответил майор. – В штабе знают, если что, помогут. Выполняй!

– Есть, пан майор! – ответил капитан Камарницкий.

– Подпоручик Дуб, слушайте боевой приказ! Вашему взводу занять оборону на нашем правом фланге, установить контакт с соседом – с пятым полком нашей дивизии. Приказ не обсуждать, выполнять немедленно.

– Есть, пан капитан! – ответил подпоручик Петр Дуб.

Придя в себя после приказа, взводный решил, что ему не повезло. Оборону силами взвода, какую оборону?! Его бойцы будут один от другого на расстоянии десятков метров. Приказ нужно выполнять.

– Взвод, слушай команду! Сниматься с позиций! На всё двадцать минут. Командир отделения Теш, возьмите с собой двух солдат и идите в разведку.

Николай Теш стал раздумывать, кого с собой взять? Выбор пал на одного срочника, а второй солдат был средних лет, из запаса. Он выбрал их по простой причине: они не курили, от них не будет пахнуть табаком, не зажгут спичек. Этому учил дед, когда ребёнком брал с собой на охоту. Зверь чувствует другой запах за несколько километров. Теш решил воспользоваться этой наукой.

– Вам необходимо установить контакт с нашим соседом, – продолжил подпоручик и сообщил пароль. – Затем от них метрах в пятидесяти оставите одного бойца. Пусть начнет окапываться – это для него будет позиция. Другого поставить также через пятьдесят метров на одной линии. А сам – на встречу к нам. Будем тебя ждать. Как придёшь, начнем выдвижение.

Всё прошло гладко, встретились с соседями, стали строить новую линию обороны для своего взвода. Подходила ночь. Взводный решил обустроить ночлег. На позициях оставили в дозоре по два человека от отделения. Остальные отошли в тыл, где-то метров на двести. Решили вырыть три блиндажа. Стали рыть котлованы, чтобы в каждом разместить по отделению. На пол котлованов положили тонкие жерди, на них лапы ели, подстилка была готова. Сверху натянули брезент. Ребята на четвереньках заползали в эти укрытия, светя перед собой фонариками. Там был настоящий рай в сравнении с вагоном и первым ночлегом под открытым небом. Ночь опустилась на землю и всех словно усыпила. На следующий день взводный, подпоручик Дуб, решил провести занятия по приёмам штыкового боя. Но сначала завтрак. Его доставили в термосах прямо в расположение. Завтрак состоял из сытной солдатской каши с добавлением свиной тушёнки, а также сладкого крепкого чая. Повара не пожалели сахара. Часть хлеба бойцы оставили на сухари, они уже были научены, что кухня на войне может куда-то пропасть. После завтрака командиры отделений со своими бойцами, оставив дозорных на позиции, сделали три куклы, которых бойцы отделений стали колоть по очереди. Николай Теш только успевал менять команды: «Коли коротким! Удар длинным! Выпад, удар! Бей прикладом!»

Он, командир, сам не занимался этим уже четыре года, но навык брал своё. Очень скоро Николай вспомнил все приемы этих упражнений и начал показывать тем, у кого не получалось.

Да, вначале эти занятия ни он, ни другие подофицеры проводить не очень стремились, но затем втянулись. Тяжело в учении, легко в сражении. После обеда начались занятия по освоению матчасти. Каждый боец должен привести в порядок своё личное оружие. Тем временем на фронте произошли большие перемены. Немцы нащупали брешь в обороне армии «Лодзь», их танковые клинья устремились в глубь Польши. Генерал Шиллинг не располагал точными данными об обстановке на

своём участке фронта. Ему докладывали, что две его дивизии разбиты, что немцы могут вырваться на оперативный простор. Командир армии «Краков» просил разрешения на отход его соединений в глубь страны, на 100-150 километров, за реку Нида. Верховный Главнокомандующий Польской армии маршал Рыдз-Смиглы разрешил отступление. Так, 4 сентября 22-я дивизия получила приказ на отход к небольшому городку Стопница. Батальонный капеллан, узнав, что часть должна занять оборону в этом месте, сокрушался – там ведь находился покаянный костёл. Его построили в 1362 году при Казимире Великом. Если будет бой, его точно разрушат.

– Думайте о людях, а не о зданиях. Здания можно восстановить, а жизнь человека бесценна, – ответил ему один из энергичных и физически закалённых сержантов батальона Зигмунд Вовк.

Арьергард на пути отступления не оставляли, так как соприкосновения с противником не было. Шли еще по территории, не занятой врагом.

6-й полк Стрельцов Подхаланских в составе 22-й Горно-пехотной дивизии построился в походные колонны и тронулся в путь на восток в направлении на Михов.

Стоял знойный сентябрь. Лето было очень сухое, и в этой местности ещё в августе не выпало ни одной капли дождя. Идти было легко, дороги сухие, но и для противника это тоже было хорошо. Его авиации ничто не мешало: ни слабая польская авиации, ни погодные условия. Шли в колонне, ведя друг с другом негромкие разговоры. Где-то впереди, когда колонна находилась на возвышенности, кружили самолёты. Их было девять штук, над чем они кружили – не было видно, закрывал лес. Самолёты по очереди с высоты падали вниз, у самых верхушек деревьев они взмывали вверх. Во время падения от их фюзеляжей отделялись маленькие точки, которые с очень большой скоростью неслись на землю. Потом раздавался грохот разрывов. Снизу вверх поднимался черный дым. Похоже, горела резина. Батальон шел навстречу этим взрывам. Самолёты, отбомбив, улетели. Но один пролетел вблизи колонны, помахал крыльями, словно предупреждая: «Я вас вижу, я не прощаюсь и скоро вернусь».

Подойдя к лесу, командир полка решил объявить привал, а ночью продолжить путь. 2-й батальон шёл первым. Майор Мичка через связного узнал: ему поручили разведать, что бомбили.

Лес, а точнее сосновый бор, занимал небольшую площадь, а дальше тянулись поля. Там, в голом поле самолёты врага заметили батарею 75-мм пушек на конной тяге. Вот над кем кружила девятка юнкеров, прославленных «штурк». Приказом командира 22-й Горно-пехотной дивизии полковника Рагиниса артиллерийский полк, входивший в состав дивизии, был разделён по-дивизионно между стрелковыми подразделениями. Первый дивизион вошёл в состав 6-го полка Стрельцов Подхаланских.

Михаил Малик шёл рядом с орудием и впереди себя увидел, как комья земли поднимались вверх, осколки бомб разлетались вокруг. Он услышал грохот. Пригнувшись, посмотрел в небо. Там самолёт с белыми крестами падал прямо на него. Солдат успел рассмотреть лётчика в кабине. Больше он ничего не помнил. Очнулся только вечером. Солнце вот-вот скроется за горизонт. Михаил лежал в глубокой воронке. Всё его тело было присыпано землей, только голова на поверхности. Во рту стоял запах крови, мучила тошнота. Повернув голову, он потерял сознание. Второй раз пришёл в сознание рано утром. С волос стекала роса. Он решил пошевелить рукой, она поддалась. Освободиться от земли оказалось нетрудно. «Рука цела. А ноги?» Пошевелил ногами – слушают. Попробовал перевернуться – получилось. Земля покрывала его тонким слоем. «Надо вставать. Где свои? Где батарея?» Шумело в голове. С трудом поднялся, посмотрел по сторонам. Кругом воронки от бомб. Никого. Голова кружится, стоять трудно. Он потихоньку садится на землю, смотрит вниз, в ушах – загустевшая кровь и странный шум. Хочется кричать. Кричит и не слышит себя. От головокружения он снова ложится.

Днем, когда солнце хорошо прогрело землю, Малик в третий раз пришёл в себя. Головные боли были не такие сильные. Хочется пить, он понемногу слышит звуки. Где-то жужжит оса, вот пролетела птица. Михаил встает на четвереньки, где-то должна быть фляга. «Ах, да, на ремне!» Снимает. Она пуста. Он не понимает, откуда в ней дырка. Еще одно усилие, и боец на ногах. Нужно идти. Куда? Догонять своих, на восток. Впереди лежит мертвая лошадь, валяется какое-то железо. Наверное, попали в пушку. Лезут разные мысли в голову, он их гонит прочь. «Нет, они ускакали, батарея спаслась, самолёты бомбили мимо».

Эскадрилья Ю-87¹⁰, а в просторечии «штуки», вернулась на свой аэродром. Командир доложил об удачно выполненном задании. От польской батареи не осталось и следа. Уничтожили всех и всё. Бомбы попали точно в орудия. Командир немецкой эскадрильи просил разрешения на повторный вылет:

- Там на дороге целый пехотный полк. Противовоздушной обороны у них нет.
- Разрешите, это просто удача!

– Нет, пришёл приказ перенацелить бомбардировщики на срыв польских перевозок. Бомбить только тех, кто идёт к фронту, а тех, кто в другую сторону – не трогать!

Немецкое командование считало эти части неспособными к активным боевым действиям.

6-му полку Стрельцов Подхаланских в этот раз повезло. Они мирно спали в сосновом бору. Разведка вернулась ни с чем. Кругом воронки, какие-то куски тряпок, железо, пара мёртвых коней. В дальнейшем полк продолжал путь только в ночное время. Командир боялся дневных бомбардировок.

Этой части везло. Она не наткнулась во время марша на немецких диверсантов, которые в ночное время нападали на другие польские колонны. Пятая рота шла в авангарде батальона. Путь ей указывал идущий впереди боец с керосиновой лампой. Другие бойцы светили себе под ноги ручными фонариками, у кого они были. Через пару дней глаза солдат привыкли к ночной темноте и к такому режиму. Днём спать, в сумерках начинать марш, а под утро принимать пищу.

Начпрод полка жаловался, что продовольствие заканчивается. Просил командира разрешить зарезать лошадь и этим мясом накормить солдат.

– Рано ещё, – говорил подполковник Добжаньский, – экономьте.

– И так экономим, порции урезал, – отвечал ему начпрод, кадровый военный, которого не надо было ни в чём убеждать. Он понимал командира с полуслова.

Кашевары батальона майора Мички на свой страх и риск прирезали раненую лошадь. Мясо добавили в кашу, солдаты и офицеры были довольны. Утром, во время очередного привала, солдаты отделения Николая Теша доложили, что рядом с лесом не убрано картофельное поле.

– Вот бы накопать картошки! – спросили они разрешения у своего командира.

– Вы никого там не заметили?

– Нет.

– А если кто увидит и наведет самолеты?

– Мы осторожно и быстро.

– Пан подпоручик, ребята хотят накопать картошки на поле, что у леса, – обратился Николай к взводному командиру.

Все были голодны.

– Смотрите, аккуратно, чтоб не заметили!

– Выставьте дозорных, чтоб следили за воздухом, а также смотрите, чтобы вас никто не заметил с земли, – приказал командир взвода.

Николай Теш разделил своё отделение: одно наблюдало за небом, другое – за землёй. Выкопав для обеда картошку, бойцы расположились на отдых.

Капитан Камарницкий сделал выговор подпоручику Петру Дубу.

– Следующий раз без своей инициативы! А вообще, молодец, хорошо, что всё обошлось.

Михаил Малик брёл в одиночестве уже третий день. Головокружение уменьшилось, но тошнота не проходила. Зрение и слух не пришли еще в норму. Он старался обходить населённые пункты, большаки, идя лишь лесными дорогами, полями. Ориентироваться пытался по солнцу. Его путь лежал к Висле. Из разговора их командира батареи с командиром артиллерийского полка, который случайно услышал, он понял, что идти они должны за Вислу, где для них будут приготовлены оборонительные позиции.

Идти было трудно. Михаил часто дышал, где придется: то в стогу сена, то в заброшенном сарае, но в основном прямо под открытым небом. На лесной дороге он встретил беженцев. Они шли из Катовице на северо-восток, в район Вильно к своим родственникам. Но немцы обогнали их. И вот теперь эта семья решила вернуться – понял Малик из их рассказа. Они также говорили ему, что немцы едут на машинах и танках по всему шоссе. Наших солдат они давно не видели, только колонны пленных, которых гонят немецкие конвоиры на запад.

– Поехали с нами в Катовице, – предложил ему глава этой семьи.

– Нет, – сказал Михаил, – мне надо искать свою батарею. Они там сражаются за Вислой. Я иду к ним.

– Счастливо тебе! – сказали беженцы.

– Да где твоя шинель?

– Пропала при бомбежке, – ответил Малик.

– Отдай ему своё зимнее пальто, – попросила мужчину хорошо одетая женщина, лет за сорок. Наверно, его жена.

– Ладно, – согласился тот.

Михаил получил в подарок тёплое драповое пальто, а также еды: несколько варёных картофелин и хлеба.

Он проспал дольше обычного. Путь его проходил по тем местам, где ещё вчера немцы бомбили колонны отступающих польских войск, беженцев.

Пройдя несколько часов, он увидел на поле одиноко пасущуюся лошадь. На животном были оборваны поводья. Знакомая упряжь. Да это артиллерийская лошадь! Точно такие же были у них в батарее. Он подошёл ближе. Кобыла не испугалась, приняла за своего. Михаил погладил лошадь, дал картошину. Затем с трудом залез на неё. У Михаила закружилась голова – следствие тяжёлой контузии. И он упал. Лошадь не убежала, она стала лизать его лицо. Малик встал, взял её за узду, и они вместе пошли на восток. Так прошёл целый день. Михаил понял, что с животным ему идти тяжелее. Он решил привязать её к дереву, но передумал: «А может, её никто не найдёт или немецкий лётчик подумает, что там внизу польская кавалерия и расстреляет её?!»

Рассвело. Михаил отправился в путь, лошадь продолжала брести за ним.

Увидя вдалеке небольшую деревню, он направился к домам. Навстречу ему вышла женщина.

– Солдатик, у нас ничего нет. Два дня назад наши остановились на ночлег, а вчера немцы заехали. Всех кур и свиней увезли с собой.

– Мне ничего не надо. Возьмите лошадь, она хорошая, смирная.

Женщина обошла лошадь и увидела на крупе тавро¹¹. Она поняла, что животное казённое. Её не оставят, заберут свои, если вернутся назад, либо немцы. Скажут – это трофей. Но слишком жалко ей стало этого небритого молоденького солдата в гражданском пальто. – Ладно, оставляй, может, и моего сына кто-нибудь пожалеет. Он ведь тоже где-то воюет.

Малик пошёл дальше.

– Стой, подожди, – сказала женщина и ушла в хату. Через минуту она вынесла большую бутылку молока.

– На, возьми, тебе пригодится.

– А вы?

– Мы как-нибудь проживем.

– Спасибо вам, до свидания!

– И тебе счастливо, солдатик.

По дороге на Стопницы разведка донесла, что в Буско противник.

Командир 22-й Горно-пехотной дивизии полковник Рагинис упросил командира армии «Краков» генерала Шиллинга атаковать неприятеля.

«Война идет восьмой день, а мы ещё не были ни в одном сражении. Солдаты рвутся в бой!» Генерал Шиллинг разрешил.

Майор Мичка получил от подполковника Добжаньского боевую задачу: произвести силами одной роты разведку боем в сторону Буско. Перерезать дорогу, идущую из Кельц в Буско. Обеспечить безопасность шестого полка Стрельцов Подхаланских с севера на дороге в сторону Стопниц. Остальным ротам его батальона присоединиться к основным силам полка и вместе атаковать противника.

Майор Мичка связался с командиром полка:

– Кого и где я должен атаковать, пан подполковник?

– Немцев!

– Каких? – спросил комбат.

– Тех, которых обнаружим. Войдём с ними в соприкосновение и атакуем!

– В каком направлении?

– На Сташев, – ответил комполка.

«Да, – подумал майор Мичка. – Пойду туда, не знаю куда. Найду то, не знаю что! Но приказ есть приказ, его не обсуждают, а выполняют!»

Капитану Камарницкому была поставлена задача: 9 сентября идти на Буско. Занять там по своему усмотрению оборонительную позицию. Продержаться до вечера. А дальше идти к Висле, в район Осека, где соединиться с главными силами полка.

Утром 9 сентября бойцы сложили свои ранцы и шинели на ротные обозные телеги. Атаку назначили сразу после артподготовки. Минут двадцать слышались нечастые орудийные выстрелы. Стреляло, может, одно, может, два орудия. Орудийные выстрелы смолкли. Раздалась команда «в атаку!» Зазвенели свистки взводных. Стрельцы пошли в первую свою атаку на этой войне. Впереди был холм,

по-военному – высота. Рота шла быстрым шагом вверх. Взойдя на высоту, все увидели, что внизу, на дороге, медленно двигалась колонна врага. Танков в ней не было. Солдаты перебежками стали спускаться вниз.

«Не стрелять!» – неслись команды. – «Подойти поближе!» За 150 метров от колонны капитан Камарницкий дал команду «ложись!»

– Баселюк! По головной машине – огонь!

Раздался выстрел. Пуля попала грузовику в мотор. Машина встала.

– Рота, огонь! – прозвучала команда капитана. Над головами бойцов что-то просвистело. В середине немецкой колонны раздался взрыв, через несколько секунд в том же месте прозвучал другой, более сильный. Среди немцев началась паника. Они выскакивали из грузовиков, пробовали бежать в сторону, как им казалось, спасительных кустов на другой стороне дороги.

– Примкнуть штыки, в атаку. Быстро, марш! – командовал командир роты.

– В атаку! – подхватывали взводные.

– Не дать им уйти! – кричал подпоручик Дуб. – Вперёд!

Николай Теш короткими перебежками направился к вражеским грузовикам. Прямо перед ним оказался немец. Он не бежал от поляка. Николай выстрелил. Немец пошатнулся и нехотя стал падать на землю. Теш побежал дальше. В середине колонны путь загородил фашист. Противник сделал выпад в его сторону, Николай Теш легко отбил штык врага прикладом карабина. Затем направил ствол своего оружия немцу в грудь и нажал на спуск. Выстрел. Он бежит дальше. Больше Николаю в этой атаке стрелять не пришлось. Бой продолжался минут пятнадцать. Теш услышал команду командира взвода:

– Командир первого отделения, помогите санитарам!

– Сержант Вовк, разберитесь с пленными.

– Теш, подсчитайте потери.

«Как он торопится», – подумал Николай. Их роте повезло. Потерь в первой атаке не было, только легко раненные. В другом взводе – один тяжёлый. Пуля попала в грудь. Солдаты сделали самодельные носилки, чтобы нести его.

Капитан Камарницкий начал допрос пленных. Это оказались саперы из пятой танковой дивизии. Они ехали после разминирования польского минного поля. Немецкие сапёры сложили мины в грузовик и везли их в центре колонны. Комбат выделил роте Камарницкого для усиления 81-мм миномет. Это его мина сделала столько шума. Повезло. Мины выполнили свою задачу.

– Что будем делать с пленными, пан капитан? – услышал Камарницкий вопрос своих взводных.

– Возьмём с собой в Буско. А дальше оставим там. Отдадим местной полиции.

– Есть!

«Строиться!» – послышалась команда. Рота вступила в молчаливый городок. Солдат никто не встречал. Будто все ушли от войны куда-то на восток. Дойдя до рынка, рота остановилась. К ней подошли местный бургомистр и начальник полиции.

– Вы что? – взволнованно повторял местный начальник, показывая рукой в небо, где высоко кружил самолёт. – Явно немецкий разведчик.

– Хотите, чтобы нас всех разбомбили? – Капитан, поразмыслив, отдал команду:

«Рота, шагом марш, покинуть город!» Пройдя несколько шагов, Камарницкий остановился.

– Пан бургомистр, возьмите у нас пленных, – обратился он к главе городка.

– Вы что, зачем они мне?

– Нам они тоже не нужны, – сказал капитан. Немного помолчав, добавил: – Вам всё же придется пленных у нас забрать. Это приказ!

– Пан полицейский, теперь они ваши!

– Рота, шире шаг, запевай! Солдаты, идя чеканным шагом, дружно запели: «Одетые в сталь и броню, мы маршем пойдем на Рейн». Они были горды, что одержали победу, первую свою победу над врагом. Выйдя из города, рота спустилась в городской парк, через который протекала небольшая река. Название этой речки никто не знал. Словно коромысло, через реку был переброшен каменный мостик. Русло делало поворот, на котором был оборудован местный пляж. На песке стояла одинокая кабина для переодевания. Пляж был пуст, 9 сентября никто не купался. Подразделение разместилось у воды на отдых. Был солнечный тёплый день, старожилы не помнили такой сухой осени. Ребята отдыхали: кто – на тёплом песке, кто – упал в душистую осеннюю траву. Караульные подвели к командиру роты местных ополченцев. Они были вооружены, кто чем. В основном охотничьи ружья, но были

и карабины. Двое из ополченцев несли ящик, в нём были бутылки с мутной жидкостью, их горлышки плотно обвязаны спичками.

- Что, бимбер с собой принесли? – раздался после вопроса хохот солдат¹².
- Да, бимбер, – отвечали ополченцы.
- А если серьезно, что это у вас? – не унимались любопытные.
- Когда подойдут танки, увидите, – отвечали любопытным.

В роте не было противотанковых гранат, были только противопехотные. Они мало что могли сделать с танком. Для борьбы с танками у роты было противотанковое ружьё и десяток патронов к нему. Капитан разрешил ополченцам присоединиться к своему подразделению. На другом берегу сплошной стеной росли ели. И что за ними – не было видно. Сидя на пляже, Николай увидел, как песок перед ним запрыгал маленькими фонтанчиками. «Стреляют», – мелькнуло у него в голове. Он быстро упал на живот, достал саперную лопатку и стал окапываться. Бруствер готов. Вокруг него свистели пули, стреляли из-за елей. Теш стал стрелять в сторону деревьев. Бойцы услышали шум мотора. На мост вполз немецкий танк. Танк, а не танкетка. Рота перенесла огонь на него. Пули поляков свинцовым горохом ссыпались с его брони. Это был танк Т-IV. Вскоре это ему надоело. Его оружие плюнуло в сторону обороняющихся. Снаряд пролетел над головами поляков, не причинив им вреда, зато танковые пулемёты заставили солдат прекратить огонь.

Все лежали, боясь поднять головы. Танк, стреляя, тронулся вперёд. Ещё мгновение, и он сползёт с моста. Чудо! В танк летит бутылка. Её бросил ополченец. Она разбивается на моторном отсеке. Танк охватывает пламя. Он разворачивается поперёк моста, загородив другим танкам дорогу. Открылись люки. Из них выпрыгивают танкисты. Комбинезоны на них горят. Они прыгают в воду с моста. Воды там по колено. Немцы пытаются сбить с себя пламя. Это им удается. Ведя одного под руки, танкисты скрываются в зелени. Никто по ним с польской стороны не стреляет. Немцы тоже прекратили огонь. Все учатся воевать. Как только они скрылись в посадках, одновременно, с обеих сторон, открыли огонь. Ещё минута, и немецкая пехота пробует перейти реку. Николай Теш бросает гранаты в немцев, идущих к нему. Бросок, одна, вторая граната. После второй он увидел немца, лежащего к нему вперёд ногами. Подошвы его были подбиты большими медными гвоздями. «Не помогли фашисту его медные гвозди. Лежит, не прошёл», – подумал Николай. Атака захлебнулась. Солнце клонилось к закату.

Капитан Камарницкий вспомнил приказ майора Мички – «продержаться до вечера, а потом – в сторону села Осека».

- Отходим! – скомандовал командир роты. – Раненых не бросать.

Николай развернулся и стал уползать в сторону леса. Повизгивая, проносились над ним мины и с резкими хлопками рвались где-то впереди. Ползти было трудно. Он привстал и перебежками бежал к спасительным зарослям. Достигнув их, стал дожидаться других. Через полчаса все, кто остался в живых, кого вынесли с поля боя товарищи, собрались в лесу. Никто не ожидал, что их атакуют так быстро.

- Где были часовые? – слышались отовсюду вопросы. – Проспали! Где они! Куда идти?

Капитан Камарницкий взглянул на карту, потом на компас.

– Туда! – указал он рукой направление. Рота, всё, что от неё осталось, двинулась на Осек. До него километров сорок. Пройдя примерно половину пути, остановились на ночлег. Ночь выдалась на редкость тихая, спокойная.

Проснувшись утром, капитан Камарницкий отдал приказ произвести поверку личного состава, доложить о потерях, указать точное количество раненых. Во втором взводе командиры отделений стали спрашивать друг у друга, где подпоручик Дуб, кто его видел.

Никто не мог дать вразумительного ответа. Один боец сказал, что они вместе бежали к лесу, другой, – что он остался лежать на берегу реки. Среди бойцов взвода его не было.

- Кто пойдет докладывать капитану? – спросил Теш у двух других командиров отделений.
- Ты! – ответили они в один голос.

Николай подошёл к командиру роты:

- Пан капитан, командир 3-го отделения 2-го взвода Теш прибыл для доклада!
- Где подпоручик Дуб? – спросил Камарницкий.
- Не могу знать! В расположении взвода его нет.
- Докладывайте!
- Во взводе 14 человек.

- Сколько раненых?
- Легко – четверо. Тяжёлых нет.
- Был один. Умер ночью, – тихо ответил Николай.
- Хорошо, можете идти! – сказал командир.

Проверка окончилась. Прозвучала команда «вперёд!»

Не доходя километра три до Осека, сделали ещё один привал. Во время привала на поляне, где отдыхала рота, появилась группа офицеров во главе с подполковником. Все встали. Это был командир 6-го полка Стрельцов Подхаланских Мечислав Добжаньский со своим штабом.

Чуть позже подошла ещё одна группа людей. Несколько солдат несли самодельные носилки, на них лежал майор Юзеф Мичка. Он был ранен осколком в грудь. Солдаты опустили носилки на землю. Подошёл подполковник Добжаньский.

- Как вы, майор?
- Я в порядке, а вот батальон...
- Что, батальон? – пытался утешить его Добжаньский.
- Его больше нет.
- Как нет? – и он показал на солдат, сидящих на поляне.
- Капитан Камарницкий, идите сюда!
- Камарницкий? – переспросил Мичка.
- Да, Камарницкий.
- Ну хорошо, хоть кто-то остался жив.
- Пан подполковник, капитан Камарницкий прибыл! Разрешите обратиться к командиру батальона?
- Разрешаю!
- Ваше приказание, пан майор, выполнено! Рота продержалась на позициях до вечера.
- Потери?
- Ладно, потом, – остановил его командир полка.
- Есть! – ответил Камарницкий.
- Вольно, капитан!
- Пан подполковник, ранение у пана майора тяжёлое?
- Не знаю, – ответил Добжаньский.

Майор Мичка сокрушался: «Как так – в первом бою осколком в грудь?! Как же так – раздавить танками весь батальон?»

- Не весь, – ответил ему командир полка.
- Успокойтесь, отвезут вас в госпиталь, подлечат, а там снова в строй. Мы будем вас ждать. Вы отличный боевой офицер, отличный командир батальона. Я горжусь вами!

Отойдя от раненого майора, подполковник подозвал к себе ротного Камарницкого.

- Потери большие?
- Большие, – ответил капитан. – Больше половины личного состава. В одном взводе нет командира.
- Как без командира? – спросил Добжаньский.
- Поставил на должность командира отделения Николая Теш.
- Справляется?
- Так точно, пан подполковник, – ответил капитан.
- Постройте роту. Хочу поблагодарить солдат.

Рота построилась повзводно. Отдельно стояли ополченцы.

– Бойцы, – обратился к ним командир полка, – благодарю за честно выполненный долг перед отечеством, перед Польшей!

- Ура, солдаты!
- Солдаты ответили трехкратным «ура».
- Теш!
- Я, – ответил боец.

– Выйти из строя! – сказал командир полка.

– Есть! – Николай вышел на несколько шагов вперед. Добжаньский подошёл к нему:

– Я, командир шестого полка Стрельцов Подхаланских, назначаю вас командиром взвода.

– Есть, пан подполковник, – ответил Теш.

– После построения, – тихо сказал комполка, – подойдите к начальнику штаба. Он сделает запись в ваших документах. Надо узаконить назначение. – И громко: – Кругом, встать в строй!

– Батальон, – да я не ошибся! Батальон, разойтись!

– Капитан, продолжайте путь без нас. Выходите к позициям наших войск у Осека, да смотрите, несите майора и других раненых аккуратно. Донесите майора, это моя просьба!

– А вы, пан подполковник?

– Я и штаб будем искать других. Ведь должен кто-то ещё прорваться. Не может быть, чтобы больше никто... Надо их найти и вывести к своим. Подполковник Добжаньский знал цену оружию, мужеству, дисциплине и военной тактике, слову и делу.

– Так точно, пан командир!

– Стой, кто идёт?

– Свои!

– Кто, свои?

– Шестой полк Стрельцов Подхаланских, второй батальон, – был ответ бойцов, посланных вперёд капитаном Камарницким.

Солдаты вышли на боевое охранение 55-й пехотной дивизии в районе села Осека. Пройдя передовые позиции, рота оказалась в центре села. Решалась ее дальнейшая судьба. Перед тем как пойти в штаб дивизии и доложить о себе, капитан проследил за отправкой раненых в тыл. Подойдя к майору Мичке, он сказал:

– Пан майор, я узнал, раненых везут в Жешув или Люблин.

– Капитан, для меня всё равно – куда. Лишь бы быстрее вынули из меня эти «крупповские» подарки¹³, заштопали и снова в строй.

Подшли санитарные машины. Майора и других раненых стали грузить.

– Куда? – спросил капитан офицера медицинской службы.

– В Люблин, – ответил он.

Роту не отправили в тыл. Командир полка, на чьи позиции вышла рота Камарницкого, решил за счет этой роты сделать себе какой-нибудь резерв.

– Капитан, займите эти окопы, – указал он пальцем место на своей карте.

– Понятно!

– Да!

– Вопросы?

– Кто соседи на моих флангах?

– Успокойтесь, вы будете в центре, о флангах можете не волноваться!

В Осеке бойцы увидели, что здесь подготовлена прочная оборона. Впереди траншей полного профиля натянута проволочная заграждения. Стояли таблички: «Осторожно, мины». В селе были зенитные орудия. За траншеями замаскированы противотанковые пушки. Ходили спешенные кавалеристы. В яблоневом саду, по направлению к Висле, стояли танкетки с 20-мм орудиями. Переночевав в блиндаже с деревянным накатом, на нарах с соломенной подстилкой, получив нормальный горячий обед, бойцы приготовились к отражению немецких атак.

– Едут! – раздался голос дозорных.

Солдаты выбежали из блиндажей и заняли свои места в окопах.

Немецкая колонна нагло, без разведки катилась прямо на позиции роты капитана Камарницкого. Стрельцы ждали команды «открыть огонь!»

Бойцы услышали – что-то зашумело над их головами. Потом, через мгновение в колонне врага раздались взрывы. Там было море огня. Взрывы гремели один за другим. Всё смешалось. Горела вражеская техника. Залп за залпом накрывал неприятеля. Казалось, никому и ничему там не спастись. Стреляла польская артиллерия. Снаряды ложились точно в цель.

Бойцы роты капитана Камарницкого никогда не видели такого массированного огня. Стрельбу вел не один артиллерийский дивизион. Расстреляв авангард немецкой колонны, артиллеристы перенесли огонь вглубь. На передовой наступил миг тишины. И вдруг – свисток и громкая команда «вперёд!»

Бойцы выскакивали из своих траншей. После увиденного им хотелось показать, что и они умеют воевать. Рота пошла вперёд. За ней пошли и другие роты, расположенные на флангах. Бойцы увидели, как их много. Разрывы виднелись всё дальше. Огонь снова перенесли. Послышались слова: «Ещё Польша не сгинела!» Да, солдаты пели гимн. На глазах были слёзы. Слёзы радости и гордости. Мы их победим. Мы идём в атаку. Пели гимн все, кто шёл сейчас здесь, под Осеком, в атаку. Вперёд, ещё вперёд! Сейчас погоним их назад. Порыв был велик, и, казалось, ничто не могло остановить этих бе-

гущих в наступление солдат. Впереди атакующих взорвались вражеские снаряды. Вверх взметнулись комья земли, перемешанные с металлом. Цепи залегли. Это немцы поставили заградительный огонь.

Николай Теш упал на живот, сжался в комок, руки убрал под грудь. Послышалась команда «отходим!»

– Жаль, не получилось, получится в другой раз! Они стали отползать. Потом перебежками бежали к своим спасительным окопам. Добравшись до траншей, Теш услышал передаваемый по цепочке приказ командира роты:

– Взводным проверить наличие людей и доложить о потерях!

Николай быстрым взглядом осмотрел своих солдат.

– Где капрал Вольчак? – поинтересовался взводный.

Все молчали.

– Кто видел Вольчака? Где пулемётчик?

– Я, – отозвался рядовой Крушевский.

– Где он?

– Вольчак бежал впереди меня. Снаряд разорвался прямо под ним. Я упал, – продолжал Крушевский, – закрыл голову руками.

– Так на ней же каска, – вставил какой-то остряк.

– Не мешайте, – оборвал резко остроты Николай.

Дальше пытал его вопросами командир взвода.

– Открыл глаза – впереди яма. Ни Вольчака, ни пулемёта, нет, – закончил свой рассказ Крушевский.

– А причем тут пулемёт? – спросил кто-то из солдат.

– А чем будешь обороняться, если немцы в атаку пойдут, или думаешь, другой тебе сразу дадут? – ответил рядовой Крушевский.

– Молодец, – похвалил его командир.

– Больше никто не видел капрала?

– Я тоже видел, как в него попал снаряд. Он был правее от меня, – сказал другой боец из их взвода.

– Потери?!

– Один убит, – сказал Николай Теш командиру роты. – Это пулемётчик, капрал Ян Вольчак. Пулемёта также нет.

– Плохо. Не знаю, когда дадут другой, – сказал Камарницкий, покачивая головой. – Вольчак, Вольчак, жаль, расстроится майор. Говорил же он мне перевести капрала Вольчака в писаря, не успел.

– Да, хороший был солдат, – вставил Теш.

– Вы его давно знаете, то есть знали?

– Давно, – ответил Николай. Наши сёла рядом. Он был моим начальником на гражданке.

– Так, может, вы сообщите семье?

– Нет, пан капитан. Пусть лучше официально.

– А это точно, что убит? – продолжал командир роты.

– Два свидетеля. Прямое попадание немецкого снаряда, – закончил свой отчёт Николай Теш.

Немцы в этот день больше не атаковали в лоб польские позиции в районе Осека. Они открыли яростный артиллерийский огонь. Снаряды рвались у траншей, а также на переправе, поднимая горы земли, тучи пыли, фонтаны воды. Тяжёлая артиллерия и обозы армии «Краков» благополучно переправились через Вислу. Генерал Шиллинг докладывал Верховному главнокомандующему маршалу Рыдз-Смиглы: «Армия оторвалась от противника. Переправлена через Вислу вся артиллерия, автотранспорт, а также личный состав. Готовы к новым боям. Командующий армией “Краков”, генерал Шиллинг». Днём 12 сентября связной принёс в роту приказ: «Отходить за Вислу!» При подходе к реке по роте пошёл шёпот. Как будем переправляться? Вплавь, на лодках, а может, по мосту? В основном люди были с Карпатских гор. В горах речки хоть и широкие, но неглубокие, поэтому многие плавали плохо, может, и не умели совсем. Бойцы увидели, что мост цел. Узкий понтон покачивался, как живой. Рота, подгоняемая сапёрами, втягивая головы в плечи, быстро перебежала по нему. Вода вокруг бурлила от разрывов. Не все достигли другого берега Вислы.

Ян Вольчак открыл глаза. Он лежал в глубокой воронке от снаряда. Повернув голову вправо, затем влево, он увидел свой пулемёт. Приклада у него не было. Ствол пулемёта имел форму хода коня,

как в шахматной партии. «Всё, пулемёт готов! А я – ещё нет», – подумал про себя Ян.

Смеркалось. Капрал выполз из воронки, у него кружилась голова. Впереди себя он увидел очертания каких-то деревянных строений. «Осек», – решил он, – значит, мне туда». С трудом поднявшись на ноги, натянув воротник шинели на голову, Вольчак направился к домам. Стало прохладно, дождей по-прежнему не было. Поэтому многие бойцы пошли в атаку в шинелях. Строения оказались брошенной усадьбой. Не найдя там никого, он побрёл к густым кустам. За ними Ян увидел большой стог сена: «Отдохну в нём немного и пойду дальше искать своих». В копне он вырыл небольшое углубление, лёг в него и заснул. Выработав многолетнюю привычку вставать рано, Ян проснулся. И вдруг услышал, что с другой стороны стога доносится мирное сопение спящего человека. Он вытащил штык из ножен, что висел у него на поясе, и осторожно подкрался к спящему. Вольчак увидел солдатские ботинки и ноги в обмотках, торчащие из сена. Лицо спящего было закрыто драповым гражданским пальто.

– Кто здесь? – громко спросил Ян.

– Я, – ответил голос из стога.

– Кто я? – повторил вопрос капрал. Михаила за полгода службы научили отвечать, когда его спрашивают, по-уставному.

– Рядовой Малик, 1-я батарея 22-го полка лёгкой артиллерии.

Ян плохо расслышал фамилию, последствие контузии. Но понял – перед ним свой. На всякий случай переспросил:

– Поляк?

– Да, поляк, рядовой Малик.

Теперь Ян услышал всё.

– Эй, там, в стогу, вылезай!

Михаил с опаской вылез из стога. Не сразу в похудевшем, обросшем щетиной солдате Ян узнал своего двоюродного брата. У них разница была около тринадцати лет.

Подойдя ближе, Ян спросил:

– Михаил, это ты?

– Я, – ответил брат. И они обнялись.

– Как ты здесь оказался? – спросил Ян. И Михаил рассказал ему свою историю.

– А ты?

– Ходил в атаку. Взрыв. Очнулся в яме. Никого кругом. Вот ищу своих.

– Я тоже.

– Что тоже? – спросил Вольчак.

– Ищу своих, – ответил ему кузен.

– Так, хватит воспоминаний, – прервал паузу Ян. – Нужно идти.

– Ты куда?

– Туда.

– Там немцы. Наши – в другой стороне! И показал рукой на восток.

– Значит, я вчера перепутал и пошёл не в ту сторону, – схватился за голову Ян.

Идя по нескошенной осенней траве, они услышали шум машин.

– Ложись! – крикнул Вольчак.

Из леса на большак выползла, словно огромная змея, немецкая колонна. Солдаты лежали в поле, из-за высокой травы их не было видно.

– Сейчас наши начнут стрелять, надо уползть подальше отсюда, – сказал Ян брату. Они ползли минут двадцать, стрельбы не было слышно.

– Что такое? – задал вопрос Ян

– Наверное, ушли, – ответил Михаил.

– Как, без боя? – недоумевал капрал.

– Был приказ, и ушли, – спокойно отвечал ему брат.

– Нам тоже нужно за реку, но к ней надо подойти, чтобы нас никто не заметил, – сказал Ян.

Целый день они искали подход к реке. И только под вечер, опасаясь быть увиденными, вышли на берег Вислы. На другом берегу они увидели лодку. Около неё сидел немолодой мужчина.

– Кажется, наш? – немного с сомнением спросил Михаил у Яна.

– Наш, а может, и нет.

– Так, гражданский, – сказал Михаил.

– А может, диверсант?

– Не знаю, – ответил младший брат.

Ян стал махать руками, подавать знак «гребите сюда» в надежде, что лодочник заметит их. Лодочник действительно их заметил. Но стал сомневаться – подплыть или нет? И так сегодня много перевёз. Но коммерция есть коммерция. И лодочник погреб к другому берегу. Не доплыв метра два, затормозил веслами. Лодка остановилась.

– Что надо? – спросил перевозчик. Волосы у него торчали дыбом, руки дрожали.

– На ту сторону, – ответил Ян.

– Там немцы, – сказал мужчина.

– Здесь тоже.

– Мы ищем своих!

– Кого своих? – спросил лодочник.

– Польские войска.

– Так где они? – спросил их собеседник и отвел лицо в сторону, с жадным блеском в глазах.

Наступило молчание, которое прервал перевозчик:

– Если вас поймут немцы, то... а ведь у меня семья... дети малые, их кормить надо.

– Мы заплатим, – ответил Ян.

– Да кому нужны сейчас ваши деньги?!

Опять наступила пауза.

– Кольцо подойдёт, золотое, обручальное? – быстро сообразил Ян.

– Только сначала дайте кольцо.

– Обманешь! – крикнул Михаил.

– Вы что? Я христианин.

Ян вошёл в воду по колено и бросил кольцо в лодку.

Перевезя и высадив их на тот берег, лодочник показал рукой: на Львов – сюда, на Люблин – туда.

Стемнело, дул тёплый ветер, и зелёный лес гулко шумел.

– Давай укладываться спать, – сказал Ян. – А утром решим, в какую сторону идти.

– Давай, – ответил Михаил. У него всё ещё не прошли головные боли. Он также плохо слышал и в этот день сильно устал. Так что это для него было лучше всего. А куда идти, пускай решает Ян. Он старший брат, да ещё и капрал.

Утром Ян сказал Михаилу:

– Надо идти к Львову. Там наши точно будут обороняться.

– К Львову, так к Львову, – ответил Михаил.

Рота под командованием капитана Камарницкого располагалась на свою семнадцатую военную ночёвку. Эту роту передали как отдельную часть одному из полков 55-й пехотной дивизии. В штабе этого полка капитан Камарницкий пытался объяснить, что они должны прибыть в свой 6-й полк Стрельцов Подхаланских, в свою 22-ю Горно-пехотную дивизию. Начальник штаба полка, с суровым лицом и недоверчивым взглядом, связался по телефону с командиром 55-й пехотной дивизии. Его ответ был лаконичен: «Оставить роту в распоряжении командира полка». Чуть позже добавил в трубку: «Ни он, ни в штабе армии «Краков» не знают, где находятся 6-й полк и 22-я дивизия!»

Солдатам запретили на ночь разжигать костры. Опасались огнём и дымом выдать место своего расположения. По данным разведки со всех сторон был враг. Где-то совсем рядом раздавался шум двигателей.

– Танки, танки! – рота запаниковала.

– Наши, наши танки! – снова раздались крики.

Многим было любопытно посмотреть на танки. И они побежали на шум двигателей. Сквозь ночную темноту Николай Теш увидел свет фар. По лесной дороге шли танки. Они казались необычно чёрными, обутые в широкие чистые ленты гусениц, они выглядели красавцами и казались намного крупнее, чем тот немецкий танк на мосту. Колонна быстро скрылась из виду. Посыпались вопросы: «Сколько их? – 22». – «Нет, 23»!

– Пан командир, – обратился кто-то к Николаю, – сколько?

– Я не считал.

Солдаты шли к своему лагерю и обсуждали только что увиденное.

– А пушки у них такие же, как у немецкого, там, на мосту.

– Нет, у наших крупнее.

– Да нет, одинаковые.

– А я таких и не видел. Хорошие. Да откуда они взялись, наверное, резерв. Побольше бы нам таких!

В лагере обсуждение танков стало угасать, переходили на другие темы.

– Если появились танки, значит, скоро пойдём в атаку. Да пора уж, а то пятый день всё идём, не знаем куда.

Командир роты, обращаясь к взводному Николаю Тешу, сказал:

– Давайте команду «Отбой»!

В ночь с 18 на 19 сентября рота получила приказ идти в сторону Томашова-Любельского, там шёл бой. Танки из Варшавской Бронетанковой бригады пытались овладеть городом. Немцы были выбиты польскими танкистами из предполья города. Войска армии «Краков» увязли в боях за Томашов. Фашисты подтянули крупнокалиберную артиллерию и свежие танковые части. Поляки несли большие потери в танках от немецкого артиллерийского огня. Командование группировки решило продолжать штурм города пехотой. Перед броском оно усилило 1-й полк стрелцов пехи, входивших в состав Варшавской Бронетанковой бригады, батальоном из 55-й дивизии. Солдатам роты Камарницкого была поставлена боевая задача: вместе с бойцами этого батальона участвовать в штурме.

– Пан взводный, а как ночью стрелять?

– Как днём, нажимаешь на спуск.

– Да нет, не видно же.

– Так ты на вспышку, – раздался чей-то голос.

– Наши зажигательными снарядами подожгут несколько строений, – ответил Теш.

– Ну, – не унимался боец.

– Что, ну, – ответил другой.

– Мы их будем видеть. А они нас – нет.

Капитан Камарницкий после рекогносцировки, обходя взводы, беседовал с взводными.

– Атака ночная, будет трудно. Постарайтесь.

– Мы справимся, – отвечали взводные.

Взвилась сигнальная ракета. Раздались взрывы артподготовки. Среди артиллерии, открывшей огонь по врагу, находилась батарея первого дивизиона 22-го артиллерийского полка из Перемышля, дивизиона, входившего в состав их родного 6-го полка Стрельцов Подхаланских. В городе загорелись несколько зданий. Снова все в роте услышали звук свистка командира. Это был сигнал. Пригнувшись, взводы пошли вперёд, в темень. Перед немецкими окопами колючая проволока была порвана прошедшими здесь польскими танками.

Батальон танков 7-ТР буквально отутюжил первую линию немецкой обороны, но он был без пехоты. Немцы, после того как польские танки ушли, снова заняли свои позиции. Бойцы ворвались в окопы. Сопrotивление врага было сломлено. Рота оказалась на улицах города. Фашисты открыли шквальный пулемётный огонь. Атакующие залегли. Перед Николаем Тешем прошла пулемётная очередь. Пули попали в булыжную мостовую и свечкой ушли вверх. Николай упал и быстро пополз в сторону разрушенного дома. Заполз в проём стены, присел на корточки, прижавшись спиной к целой стене. Раздался взрыв. Теш успел упасть на пол. Весь сжался, ожидая следующих разрывов. Немцы открыли огонь из пушек. В небо взмывали ракеты, освещая всё холодным светом. Пока Николай лежал, у него промелькнула мысль: «Так почему же не пришла провожать его жена Юлия?» Когда его увозил Якуб Работецкий по повестке в Самбор на телеге, она стояла у крыльца и, маша вслед, кричала: «Я приеду к тебе послезавтра!»

Днём 18 сентября невысокая, смуглая, с большими голубыми глазами и тёмными волосами, Юлия Теш с четырехлетней дочкой Марией стояла около сельской церкви.

Церковь была греко-католической, постройки середины XVIII века. Хотя она католичка, но решила поставить свечку за здоровье своего мужа. Костёл находился от них в пятнадцати километрах, в Подбуже. «Бог один», – подумала Юлия. И вдруг за селом она увидела самолёты. Их было три. Они развернулись и пошли на неё. Женщина испугалась, взяла ребёнка на руки и прижала к себе. Самолёты пролетели над ними.

– Видела? – спросил лысоватый старик, проходивший рядом.

– Что? – спросила Юлия.

- Что на них нарисовано?
- Нет.
- Красные звёзды.
- А это что? – спросила женщина.
- Знак большевистский.
- А откуда они?
- А я знаю... – сказал старик и пошёл дальше.

Верная своему слову, 30 августа она приехала в Самбор. Придя на кпп казарм 6-го полка Стрельцов Подхаланских, стала просить, чтобы ей разрешили встретиться с мужем. На руках она держала дочь. Дежурный стал спрашивать, из какой он роты, батальона. Юля не знала, сказала, что позавчера уехал по повестке.

- А может, не сюда? – спросил дежурный.
- Нет, сюда. Он здесь учился в подофицерской школе.

Дежурный куда-то позвонил и попросил женщину подождать. Шла мобилизация, люди прибывали и убывали. Шла комплектация частей. Через полчаса дежурный сообщил, что здесь такого нет.

- А где он?
- Не знаю. Жди, скоро напишет тебе письмо с адресом. Поезжай домой. Надо же, – не унимался дежурный, – позавчера забрали, а сегодня жена тут как тут.

Юля вышла на улицу и стала расспрашивать у проходящих солдат и офицеров про мужа. Но никто ничего не знал, все куда-то торопились.

Открылись ворота, и колонна солдат, по четыре человека в шеренге, вышла из военного городка. 6-й полк Стрельцов Подхаланских отправлялся на фронт. Юля сказала маленькой Марии: «Там твой папа». Ребёнок закричал: «Папа, папа»!

Некоторые солдаты, проходя мимо Юлии, давали ребёнку конфеты и другие сладости. Приехав в село, Мария всем рассказывала, разводя руками перед собой: «Это мне папа дал столько конфет».

Мысли быстро пробежали в голове Николая. «Причём тут Юлия? Не пришла, значит, не смогла. Это будет потом. А сейчас война, нужно уцелеть, победить и вернуться к жене, детям – домой».

Обстрел закончился. Выглянув из проёма, он услышал команду «на отход». Польские солдаты закрепились в немецких окопах первой линии. Стали ждать, немцы не атаковали. Командир роты разрешил спать по очереди, повзводно.

Вечером в тот же день снова была атака. Новый удар не достиг цели. Противник подтянул в этот район резервы, у него было численное превосходство во всём. При приближении к центру города польская пехота снова была остановлена заградительным артиллерийским огнём. Солдаты продвигались ползком, мелкими группами. Стоило кому-то приподняться, его тотчас же настигала пуля, он падал, обливаясь кровью. Польская артиллерия не смогла подавить большинство вражеских огневых точек. После второй неудачной атаки полк, а вместе с ним и роту 6-го полка Стрельцов Подхаланских, вывели из города. Теш стоял в траншее, на бруствере которой росли пожелтевшие одинокие травинки. Он прижался к сухой стенке окопа, пропуская идущих в тыл раненых, они были перевязаны окровавленными бинтами, тяжёлых несли товарищи на плащ-палатках.

17 сентября 1939 года рухнули все надежды Польского Верховного Командования на успех в этой оборонительной войне. Границу Польши на Востоке перешли части Красной армии СССР. Верховный Командующий маршал Рыдз-Смиглы, пытаясь спасти армию для дальнейшей борьбы за пределами Польши, отдал по радио следующий приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию, Венгрию кратчайшими дорогами. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки разоружения наших частей с их стороны. Задача для Варшавы, Модлина, Хеля, которые должны обороняться от немцев, без изменений».

Командир 55-й пехотной дивизии, полковник Станислав Калабинский был прям и твёрд и поэтому решил отозвать свой батальон из Варшавской бригады. Прекратить бессмысленные, по его мнению, лобовые атаки в Томашове-Любельском и идти на помощь Львовскому гарнизону. 22 сентября бойцам этой дивизии дорогу преградили части 22-го моторизованного корпуса немцев. Необходимо было перейти шоссе днём. Оно простреливалось немцами с господствующих высот. Подходы к нему прикрывались вражескими танками. Командир дивизии отдал приказ на прорыв. Артиллерия дивизии открыла огонь по врагу, выстреливая последние снаряды. Когда закончились снаряды, ар-

тиллеристам отдали приказ взорвать орудия. Дивизия одновременно тремя полками, всем, что от них осталось, пошла в атаку. Взвод Николая Теша был уже меньше отделения. Бойцы бежали, стреляя на ходу. Они верили в свою победу, своим командирам, верили, что это нужно Польши. Из-за поворота показался немецкий танк. Всё, сейчас от их взвода ничего не останется. Сержант Вовк побежал к немецкому танку. В руке у него было несколько ручных немецких гранат, которые он связал бинтами перед атакой. Его отец был на войне 1914-1918 гг., он рассказал сыну, как они боролись с новым, только что появившимся оружием – танками. Бойцы услышали взрыв, танк встал и загорелся.

– Вперёд, только вперёд! – командовал Теш. Цепи атакующих быстро редели, бойцы падали, так и не успев схватиться с противником в штыки. Немцы поставили сплошную стену огня...

Дивизия всё-таки взломала оборону гитлеровцев и прорвалась.

Оторвавшись от противника, рота в густом высоком лесу стала ждать дальнейших распоряжений. Часами тянулось ожидание. Про них забыли.

– Пан капитан, – обратился Николай Теш к Камарницкому, – сержант Вовк бросился с гранатами под танк на шоссе.

– Да, я запомню. Обязательно сообщу командованию об этом подвиге. Я не забуду.

– Разрешите посмотреть на местность из вашего бинокля, – продолжал Теш.

– Держите, – Камарницкий передал бинокль взводному.

Николай приставил бинокль к глазам, навёл резкость. Был мягкий день бабьего лета. Дул тёплый, лёгкий ветерок. Кружили птицы, тренируясь перед отлётом в тёплые края. На гребень высоты, расположенной перед ротой, выехали две крестьянские телеги. На одной был тощий мужик в самотканых штанах с заплатками на коленях, на другой – крестьянин в поношенном пиджаке и в клетчатых брюках. Около возниц лежали косы. Как будто здесь нет войны, а она идёт где-то далеко, за горами, за морями. Взгляд Николая привлёк отряд кавалеристов. У переднего всадника было что-то наподобие флага. Это действительно был флаг, белый флаг. Отряд польских уланов выехал из леса и направился через огромное поле к большаку.

– Пан капитан, смотрите, – протягивая бинокль Камарницкому, сказал взводный.

Командир роты взял бинокль и тут же опустил его. Оба стояли молча. Послышались возгласы бойцов: «Наши, наши идут!» По дороге шла колонна польских солдат. Все при оружии. У переднего в руках было древко, к которому привязали кусок белого материала.

– Взводные, пойдёте со мной к колонне, – приказал командир роты. Трое взводных пошли с ним. Подойдя к колонне, ротный спросил:

– Кто тут старший? – Из строя вышел офицер. Командир роты представился ему.

Капитан Камарницкий спросил:

– Что это значит?

Начальник колонны ответил:

– Мы получили приказ командира 55-й дивизии о прекращении сопротивления и сдаче в плен немцам.

Камарницкий задал вопрос, неизвестно кому предназначенный:

– А мы?

Но старший этой колонны вдруг стал рассуждать вслух:

– Ведь вы не солдаты 55-й дивизии. Значит, на вас приказ не распространяется.

– Капитан, всё зависит от вас. Вы можете отдать приказ о капитуляции вашей части. Можете продолжать воевать или прорываться в Венгрию, или распустить своих солдат по домам.

– Честь имею, панове. – Он отдал честь, слегка щёлкнул каблуками сапог и побежал догонять свою часть.

– Что будем делать, панове офицеры, – обратился Камарницкий к своим взводным. Все молчали.

– Разрешите? – спросил Теш.

– Да, – сказал капитан.

– Нужно попробовать прорваться в Венгрию.

– А как думают остальные? – Ответа не последовало.

– Стройте роту!

Рота – все три взвода – вышла на дорогу.

– Вперёд! – указал рукой ротный. Это было южное направление. Там находилась Венгрия.

Измученные бойцы двинулись в путь. Впереди послышался шум мотоцикла.

– Не стрелять! – закричал командир роты.

– Теш, со мной!

Мотоцикл с коляской остановился в двухстах метрах от колонны. В нём было два немца: один – за рулём, другой – в коляске, с пулемётом.

Камарницкий вытащил белый платок, повернулся к Николаю Тешу, и они вдвоём подошли к мотоциклу. Немец, сидевший в коляске, на польском спросил:

– Кто вы и что собираетесь делать? – Молчание. – Будете воевать или сдаётесь?

Капитан расстегнул кобуру, достал пистолет и протянул немцу. 24 сентября 6-й полк Стрельцов Подхаланских прекратил сопротивление в осенней кампании 1939 года. Так Николай Теш оказался в лагере для польских военнопленных. В сентябре 1939 года у немцев других военнопленных не было. Роту без офицеров влили в многокилометровую колонну польских военнопленных. Их гнали дорогой, идущей через поля, по равнинам центральной Польши. Идти было нелегко. Дождей в конце сентября по-прежнему не было, пыль стояла кругом от тысяч ног идущих в неизвестность людей. По бокам колонны шли немецкие охранники со сторожевыми собаками, специально обученными конвоировать людей. По дороге через село немцы разрешили пленным набрать из колодцев воды. Жители подходили к пленным, кто давал им еды, кто спрашивал про своих. Солдаты отвечали, что не встречали, не слышали, наверное, не хотели никого расстраивать плохим известием. Конвоиры смотрели на это свысока, любясь, как побеждённые берут скудную еду у своих соотечественников. Некоторым удалось убежать, крестьяне давали гражданскую одежду, они успели переодеться. Колонну погнали дальше. Люди крестили пленных, махали им вслед. Роту пригнали в небольшой городок и разместили на том месте, где был базар, на котором продавали скот. Там уже находилось несколько сот пленных. Место было обнесено проволочной изгородью. По углам немцы положили мешки с песком, сделали гнезда для пулемётов. Охранники этого лагеря не очень старались нести такую службу. Это были немецкие пехотинцы, а не жандармерия. Они за мешками лежали на шинелях, играли кто в карты, кто – на губной гармошке. Спали пленные прямо на земле под открытым небом. Утром подъехали полевые кухни, и повара, тоже польские пленные, стали раздавать завтрак. После завтрака, если его можно так назвать, пришёл ксендз – это было воскресенье. Отслужили службу.

Затем пленных построили в колонну по три человека. При выходе с базара охранники считали, делали какие-то записи. Немцы заставляли поляков строиться по своим подразделениям, не перемешиваться между собой. Они хотели, чтобы среди пленных был порядок. Теш подошёл к командирам отделений своей роты. Бойцы построились повзводно. Они попросили Николая встать в первую тройку. Гнали их, судя по указателям на дороге, в сторону Вислы, в сторону столицы. На перекрёстке дорог с указателем Варшава – налево, Белосток – прямо в колонну, примерно посередине, врезались немецкие солдаты. К их винтовкам были примкнуты штыки. Они разделили колонну на две части. Одну, головную часть направили прямо, другую развернули влево, погнали в сторону Варшавы. Рота 6-го полка находилась прямо по центру колонны, кто был впереди, пошёл прямо, остальные – в другую сторону. Один солдат, Крушевский, не захотел расставаться со своими земляками, выскочил из своей тройки и хотел перейти в другую колонну. Немец ударил его прикладом карабина в лицо. Крушевский закрыл лицо руками. Сквозь пальцы сочилась кровь, охранник ударил теперь уже в голову, солдат упал. Собака хватала его за обмотки, шинель. По обочине дороги шли, ехали на велосипедах, телегах жители близлежащих сёл. Было много свидетелей, и поэтому конвоиры не стали добивать пленного, они взяли его за ноги и оттащили к канаве. Что они с ним сделали, неизвестно. Роту погнали дальше. Николай Теш вместе с другими пленными оказался в небольшом городке. Их пригнали к тюрьме. Уголовных заключённых в ней не было, во время бомбежки они разбежались. Стены тюрьмы были выкрашены в белый цвет. По бокам – вышки, на стенах колючая проволока. Ворота открыли, за ними был проем, потом столбы с колючей изгородью, за ней плац. Пленных разместили на нём. Дали команду «вольно!», разрешили садиться на землю. Затем отсчитали человек пятьдесят и повели в какое-то помещение, где стояли скамейки. Пленным приказали раздеться догола. Выдали по куску мыла на несколько человек. Один из немцев сказал: «Сейчас будет баня». Солдаты подумали, что это смягчение режима. Они не мылись уже несколько дней, а может, и неделю. Хотя в плену были третьи сутки. Вода холодная, и мочалок не было. Последовала команда: «Мытье закончить!» Войдя в комнату, где осталась их форма, пленные увидели людей в чёрной немецкой униформе, а также там находился человек в белом халате. Халат не полностью закрывал его зелёный мундир, и на петлицах виднелись эмблемы с двумя пронзающими молниями. Немец в чёрной форме отдал команду на польском языке: «Построиться в одну линию и встать смиренно!» Пленные стояли голые, держа руки вдоль

бёдер. Человек в белом халате прошёл мимо их строя, дали команду «одеваться». К одному пленному подошёл охранник, что-то сказал, и его увели. Остальным велели идти на плац. Банный день продолжался до ночи. Среди пленнх пошёл шёпот: «Ищут евреев, смотрят обрезание». К Николаю подошёл солдат из его взвода – Беркович. Весь сентябрь боец сражался вместе с ними. Он сказал: «Пан командир, у меня не заметили, что мне делать?» Николай посоветовал: «Говори, что твоя фамилия Берковский», внешне он не был похож на еврея. Их разместили в камеры. Утром – подъём, скудный завтрак, и пленнх погнали дальше. В день они проходили километров двадцать-тридцать. По указателям солдаты догадывались, что их гонят на север к границе с Германией, они не понимали, зачем?! Ведь война закончилась, почему не распускают по домам? Конвоиры стали по всяким пустякам придираться к пленным: если те не подчинялись требованию немца, то для них это плохо заканчивалось. Вскоре охрану сменили. Подъехали молодые ребята в мундирах с двумя молниями в петлицах, точно такими же, как у того, в бане. Во время привала несколько немцев подошли к пленным, одетым в танковые комбинезоны. Головы у танкистов были перевязаны, кто-то был ранен, кто-то – обгоревший. Эсэсовцы завели разговор. Польский один из них знал. Стали спрашивать: «О, польские танкисты! Что, у вас были танки? Надо же, мы тоже участвовали в польской кампании. Но польских танков не видели. Пехоту видели, кавалеристов тоже видели, кое-где пушки попадались. Видели даже ваш польский самолёт, правда, сбитый – лежал на поле, а вот танкистов видим в первый раз. Как вы воевали?» Танкисты отвечали, не видя никаких подвохов. Немцы смеялись: «Что, на телеге, оббитой жостью?» Танкистам это не понравилось: «Нет, мы воевали на 7ТР». Фашисты не унимались: «А это что такое?». Один из охранников решил сосричь: «У вас кроме сабель да бочки с пивом ничего не было». Поляки в ответ: «Это такие танки, которые вам было очень трудно подбить». И так далее...

После привала их погнали дальше, как животных. Охранники специально натравливали овчарок на пленнх, те хватили людей за ноги, за шинели. На следующей остановке к танкистам подошли эсэсовцы с офицером и приказали проследовать с ними, углубились в кустарник, росший по краям дороги. Раздались выстрелы, больше танкистов в колонне никто не видел. Пленные стали уставать, выбиваться из сил. Немцы подогнали грузовик и стали подбирать тех, кто упал и не мог идти. Места оказалось в нём не так много. Следующие, падавшие от усталости, были застрелены конвойными. Другие пленные этого не знали. Колонне не разрешали останавливаться и подбирать отставших, но выстрелы позади себя слышали все. Наконец, как сказали немецкие солдаты, невольники оказались в «Рейхе». Колонна пересекла польскую границу с Германией на севере. Проходя по первому немецкому городку, польские пленные испытали на себе фашистскую злобу. На улицу выбежало всё население – смотреть на «недочеловеков». Повсюду раздавались крики: «Теперь вы ответите за всё!» Молодёжь кидала камни, палки в пленнх. Рядом с Николаем шёл солдат, камень попал ему в голову. Теш отдал свой платок, другой пленный посоветовал разорвать нательную рубаху и перевязать ею голову, но никто не разрешил останавливаться. Солдат зажал рану рукой и шёл, истекая кровью. Конвоиры еле сдерживали разъярённую толпу.

После того как колонна вышла из городка, остановилась, осмотрелась. Не один человек получил травму. Кто-то спустил собаку, кто-то камнями кому-то разбил голову, летели палки. Досталось и конвойным.

Мелькал однообразный пейзаж: пожелтевшие поля, поредевший лес, красные черепичные крыши на кирхах и хуторских постройках. На середине поля перед горой они увидели какие-то строения, обнесённые колючей проволокой. По бокам стояли вышки, на них пулемёты, по центру – широкие ворота, внутри – дощатые длинные бараки, их было несколько десятков. По территории лагеря ходили немцы, а также люди в польской военной форме. Вновь прибывших разместили на так называемом «апель-плацу». На нём проводились поверки, построения, показательные наказания. Мимо пленнх – близко они не подходили – быстрым шагом, можно сказать бегом, проходили обыватели лагеря. От них новые узники узнали, что те, кто родом из восточной Польши, т.е. той части, куда вошли большевики, подлежат выдаче «красным»¹⁴. Многие в роте, а от неё осталось два десятка солдат, решили скрыть, что они родом из тех мест. Люди не хотели попасть в лагеря СССР. Пленнх вызывали в специальное помещение по несколько человек. Вдоль стен с трёх сторон стояли столы, за которыми сидели молодые эсэсовцы, скорее всего рядовые, на погонах у них не было знаков различия, перед ними лежали стопки бумаги. Теш подошёл. Нужно было назвать имя, фамилию, год рождения, номер воинской части, звание, откуда родом, вероисповедание. Николай назвал всё правильно, кроме местожительства. Он сказал, что живёт в Замостье, там жили родственники, они носили такую же фамилию, как и он. Немец отпустил его обратно на плац. После проверки их уже не по подразделениям, а

по количеству стали распределять по баракам. Подходили, как потом выяснилось, старшие барачников с немцами. Они отсчитывали людей из вновь прибывших, один по-польски, другой по-немецки. Немец стеком¹⁵ показывал на пленных, чтобы те отходили в сторону, потом делал отметку в блокноте. Очередь дошла до Николая Теша. Он оказался в бараке. Помещение было прямоугольное, по бокам деревянные нары в три яруса, посередине – длинный стол со скамейками. Старший барака показал, где чьё место. Николай положил свой ранец и шинель на нары. На столе стояли кружки. Он достал свою, сделал монеткой метку и поставил на стол, ложку оставил при себе. Старший барака разъяснил распорядок дня. Режим был тюремный, только за нарушение следовало более суровое наказание – расстрел. Вечерело, с работы вернулись уставшие узники. Начались расспросы: кто, откуда, как попали в плен. Старые постояльцы были здесь давно, это солдаты 27-й пехотной дивизии армии «Поморье», которые попали в плен в первых числах сентября в Тухольских лесах. Наступила первая ночь в бараке. Как она медленно тянулась. Теш вспомнил семью, младшего сына. Как хотелось бы взять его на руки, поцеловать, как бывало перед войной, в прежней жизни. Затем подъём, завтрак, всех погнали на работу. Работали в карьере. Кололи камни вручную, с помощью кувалд. Разбитые валуны поднимали вручную. Транспортёры немцы специально убрали. Приходилось по узким тропкам нести эти камни. После первого рабочего дня Теш, как и другие новые пленные, еле дошёл до своего места. Он упал и ничего больше не помнил. На следующий день дежурному по барачу потребовалось много усилий, чтобы их разбудить. На второй день им уже не дали колоть камни, они только носили их наверх. Солдатам нужно было привыкнуть к такой работе, к новой жизни. Где-то в конце октября Николая Теша и ещё несколько человек неожиданно вызвали в канцелярию лагеря, приказали взять свои вещи и построиться у ворот. На всё им отвели десять минут. Пленных построили в колонну по четыре человека. Колонна была небольшая, её сопровождали конвоиры. Невольников повели на железнодорожную станцию, погрузили в так называемый «телячий» товарный вагон. Дали два ведра: одно пустое – для «параши», другое – с питьевой водой. На окнах железные прутья. Определили в группе старшего. Немецкий унтер-офицер дал ему буханку хлеба и сказал:

– Если кто убежит, отвечать будешь ты.

Вагон закрыли, состав тронулся. Теш предполагал, что там, наверное, узнали, откуда он родом и решили выдать большевикам. До пленных доходили слухи, что людей большевики вывозят вглубь страны, в лагеря. В Польше до войны в газетах писали, кто в СССР попадает по политическим статьям в тюрьму, тот домой не возвращается. Да и те, кто воевал в двадцатом году, рассказывали, что пленных «Советы» расстреливают. Николай не мог определить, где лучше. Неизвестность пугала его. Когда их гнали по дорогам Польши, немцы тоже расстреливали пленных. Поезд остановился, эта была всё ещё Германия. Их вели по тихому, сонному городку. Люди проходили мимо, кто-то останавливался. Несколько подростков подбежали, крикнули: «Швайн, полишен швайн!» Старый прохожий что-то им строго сказал, они замолчали и убежали. Выйдя из города, пленные долго шли, сколько по времени – никто не знал, хотя часы были, но людям было уже всё равно. Их завели во двор немецкой усадьбы. Точно такие же были в Польше. Вокруг дома хозяйственные постройки, телеги, рядом сельхозинвентарь, была и сельскохозяйственная техника. Работники занимались своим делом. На польских пленных никто не обращал внимания. Охранник подошёл к пожилому мужчине с хорошей выправкой. У бюргера на голове была фетровая шляпа с пером. Унтер-офицер отрапортовал, дал ему документы. Мужчина расписался. После этого они вдвоём подошли к полякам. Унтер-офицер сказал:

– Вы остаётесь у этого господина, будете у него работать и жить. Вас будут проверять, когда и как – вам знать незачем. Если кто-то из вас убежит, то каждого третьего мы повесим на воротах.

– Нет, – сказал хозяин, – только не здесь.

Конвоир продолжал:

– Хорошо, повесим в лесу на глазах у всех и снимать не будем. Заупокойную молитву ксендзу не разрешим отслужить. Все поняли?

Дальше он говорил и показывал рукой в сторону Литвы.

– Там уже красные, и они очень вас ждут. Если не они, то всё равно у нас есть с ними договор. Они вас выдадут нам. А я сказал, что мы с вами сделаем. До Польши несколько сот километров, кто хочет, может попробовать.

На этом он закончил угрозы. После их отъезда хозяин показал на старый сарай и сказал:

– Идите туда, обстраивайтесь, спальные места придётся делать самим. Там ничего нет, а утром во время завтрака я объясню, что нужно будет делать.

Он разговаривал по-польски. Зайдя в сарай, они увидели, что в стенах и на крыше имеются дыры. Инструмент им выделили, пленные занялись благоустройством своего жилья. Поляков было около сорока человек. Весь оставшийся день они провозились, заделывая стену, крышу, строя нары. Решили их делать только в один ярус. Сарай был огромный, они не знали, что в нём хранилось (может, сено), места хватало. Бауэр сказал, чтобы пленные вырыли несколько ям для туалетов. Охотников не нашлось. Нужно было принимать решение, наводить дисциплину. Среди поляков было несколько подофицеров. Николай и ещё два бойца разделили пленных на три группы. Приняв командование каждый над своей группой, уже в приказном порядке определили, кто будет чем заниматься. Кто – копать туалеты, кто – помогать плотникам. За ту половину дня, конечно, они не успели всё сделать. Утром их покормили, и хозяин сказал:

– Это очень плохо, что вы не успели, дальше будете после работы заниматься своим благоустройством.

Они понимали, что домой их отпустят нескоро. На помощь союзников рассчитывать не приходилось. После «благоустройства» на новом месте пленных вывели на работу в поле. Бауэр объяснил, что надо убрать оставшиеся овощи, подготовить поле к зиме. Оставшись одни в поле, польские пленные вдруг стали возмущаться, что по Женевским конвенциям военнопленных нельзя привлекать к физическому труду, который принесёт пользу врагу. Они должны находиться в специальных лагерях и ждать конца войны. Общество Красного креста должно выделять продукты для их содержания. Немцы, наверное, их получают, скоро приедут проверяющие, и всё должно нормализоваться. Все поддались на эти доводы и не работали. К обеду приехал хозяин, увидел, что они ничего не сделали, сидят у телеги, разожгли костры. Обед он им не дал, развернулся и уехал. Вернувшись вечером в свой сарай, они разложили миски, котелки, но еды им не предложили. На следующий день поляки так и не приступили к работе, занимаясь кто чем. Хозяин ничего не говорил, но и не кормил, но воду из колодца разрешил брать. Так продолжалось несколько дней. Запасы еды закончились. Вскоре некоторые пленные, в том числе и Николай, приступили к уборке овощей. Приехав, хозяин был удовлетворен и оставил работникам пару буханок и ещё какой-то еды, вечером они опять получили буханку хлеба. Утром следующего дня Николай Теш позвал к себе двух подофицеров и сказал:

– Нам нужно кончать с этой демагогией, никакого Красного креста, никакой помощи, никаких конвенций здесь соблюдать не будут. Поэтому нужно делать то, что они говорят, чтобы выжить. Вдруг через неделю–другую французы начнут наступать. Потом разберёмся, нарушали они конвенции или нет, а так мы никто, как они говорят, быдло и польская швайн». Поэтому подофицеры отдали команду своим подчинённым приступать к работе. Бауэр приехал проверить, что сделали в этот день. Резко развернул лошадь и поехал в усадьбу за термосами с едой. Сам наливал в котелки суп, второе, но в разговоры не вступал. Поляки тоже у него ничего не спрашивали. Гестапо работало хорошо, хозяин не хотел рисковать. Ужин, как показалось пленным, после голодных дней, после каменоломен, был хорошим. Сельхозработы закончились, группу снова определили в прежний лагерь для военнопленных...

Майор Юзеф Мичка попал в госпиталь в Люблин. Был прооперирован в тот же день. Хирург, сделавший операцию, навел его в офицерской палате. В руке он держал два кусочка стали, которые извлёк из его тела.

– Вот вам на память сувенир, – сказал он майору.

– Спасибо, – поблагодарил Юзеф, – когда мне в строй, пан доктор?

– Не знаю, я своё дело сделал. Остальное зависит от вас.

– Что, сильно меня там? – стараясь как можно спокойнее спросил Юзеф.

Ему трудно было говорить. Из рта пошла кровь.

– Вам нельзя волноваться и много говорить. У вас серьёзно задето лёгкое. Но вы – боевой офицер, командир батальона, я верю, вы выкарабкаетесь.

На Востоке Польши шло формирование новых частей из резерва. Нужны были офицеры. В госпиталь пришёл приказ: легко раненных офицеров отправить в первую очередь.

Верховное командование создавало «Румынский плацдарм» в надежде встать там насмерть всеми имеющимися силами и ждать англо-французского наступления.

Юзеф Мичка уговорил главврача, чтобы и его отправили этим транспортом.

– Я родом из этих мест. Для моего раненого лёгкого нужен горный воздух. Врач не устоял перед просьбой и пошёл на нарушение правил.

Майор Мичка вместе с другими офицерами отправился в дорогу. Ехать пришлось, сидя в кузове грузовика. Во Владимире-Волынском Юзеф почувствовал себя плохо, и его оставили в местном госпитале.

21 сентября 1939 года. В офицерскую палату Владимиро-Волынского госпиталя вошли вооруженные карабинами люди в гражданских костюмах с красными повязками на руках.

– Мы – рабочая милиция. Власть панской Польши в городе закончилась, – сказал один из них, пожилой мужчина с чёрными усами.

В палате стало тихо. В открытую дверь вошёл ещё один человек в советской военной форме. Его грудь была перепоясана двумя ремнями, на боку кобура с пистолетом. Тулья фуражки синяя, в петлицах гимнастёрки две шпалы¹⁶. На польском языке без акцента он произнес:

– День добрый, панове офицеры. В город вошла Рабоче-крестьянская Красная армия. С этой минуты вы являетесь военнопленными. Госпиталь берётся под охрану, в палате будет круглосуточный пост.

Лежащий рядом с Юзефом раненый сказал:

– Мы с вами дожили, панове офицеры, до четвёртого раздела Польши.

– Разговоры о политике не вести, – громко произнёс усатый милиционер.

– Почему? – спросил раненый.

– Запрещено!

– Кем?

– Нами – новой властью!

В десятых числах октября к госпиталю подъехали несколько крытых машин для перевозки уголовных преступников. В них погрузили всех польских офицеров, независимо от их состояния. Среди них оказался и Юзеф Мичка из Дрогобыча.

Колонна грузовиков под охраной броневых автомобилей направилась в глубь территории СССР. Ехали недолго. Когда военнопленные вышли из машин, последовала команда:

– Присесть, ладони положить на затылок, и в таком положении идти к железнодорожным вагонам.

Охрана называла такой шаг «гусиным». Затем, по очереди пленные офицеры зашли в тюремные вагоны. Там были небольшие купе, рассчитанные на несколько человек, но загрузили больше десятка. На окнах решётки, конвойные ходили взад и вперёд, тряся связками ключей. Это был советский тюремный вагон, который катил арестантов на восток. Через двое суток состав остановился в пункте назначения. Прямо к вагонам подогнали фургоны. Охрана соорудила специально деревянные настилы, по ним узников перегрузили в машины. Сколько везли – никто не знал, часы отобрали. Стояли, прижавшись друг к другу, воздуха не хватало. Было так тесно, что люди не могли повернуться. Машины остановились, снова дали команду на выгрузку. Спрыгивая на землю, люди становились в полный рост и не приседали. Вокруг стояли конвоиры с собаками, держа карабины наготове. Когда Юзеф хотел сделать шаг, чтобы спрыгнуть на землю, он почувствовал, что человек, стоящий рядом с ним, стал сникать и потихоньку опускаться. Сосед упал. Машин было много. Арестантов построили, конвоиры стали светить фонариками в пустые фургоны. Послышались крики охраны:

– Там кто-то есть! Эй, вылезай, что, заснул?

Один взял винтовку с примкнутым штыком и ткнул в лежащего.

– Ну что? – спросил старший.

– Наверное, готов, – ответил охранник.

– Бери ещё одного и вытаскивай.

Забравшись в фургон, они выкинули на булыжную площадь тюрьмы тело. Послышался глухой звук, ещё несколько раз в эту ночь заключенные слышали такой же звук. В машинах ехали пленники разных возрастов, многие были из госпиталей. Тела лежали около машин, потом офицер что-то крикнул солдатам, те взяли их за ноги и потащили к стене. Последовала команда: «Направо, шагом марш!» Колонна прошла небольшое расстояние. Открылись внутренние ворота тюрьмы. Пленные шли по проходу, справа и слева тянулись каменные стены, над головой «небо в клетку». Их по очереди вели в здание, потом по лестнице вверх на галереи. Открылась дверь на треть, дальше мешала цепь. Она была сделана специально. Согнувшихся арестантов по одному запускали в камеру. Тюрьма была старой постройки. Камеры большие, но и они были перегружены. Свет горел круглосуточно. Лампы, закрытые проволочными плафонами, находились высоко под потолком. Среди заключённых были люди разных возрастов и социальных групп. Встречались и «русские поляки» – граждане СССР. Те, кто в двадцатом году вместе с Красной армией шёл на Варшаву, имел за это советские ордена.

А теперь их всех посчитали членами «ПОВ»¹⁷, и они оказались здесь. Через какое-то время польских военнопленных стали вызывать на допрос к следователю. Задавали вопросы – кто такой, чем занимался, чем думаешь заниматься после освобождения? Спрашивали, что они думают по поводу прихода Красной армии на территорию Польши – это акт агрессии или освободительный поход? Ведь в СССР говорили, что армия взяла под свою защиту жителей восточной Польши от немецких войск.

На вопросы, что он будет делать, если его отпустят, и чем будет полезен новой власти, Мичка со своей прямоотой ответил, что он не получал приказа о капитуляции, что во Франции сформировано Польское правительство, создана армия и он отправится туда.

– Зачем? – спросил следователь.

Мичка был офицером и честно ответил:

– Сражаться с агрессорами.

– С какими?

– С теми, кто оккупировал мою родину, Польшу.

Следователь делал какие-то пометки в своих бумагах. После этого Юзефа больше не допрашивали. Через несколько месяцев содержания в Бутырской тюрьме города Москвы многих польских офицеров посадили в машины, затем в поезд и повезли в неизвестном направлении. На одинокой, глухой товарной станции поезд остановился. Заключённых погрузили в грузовики и повезли куда-то в лес. Вокруг колючая изгородь и вышки с пулемётами. По центру располагались бараки. Это был лагерь, но в нём находились только польские военнопленные. Здесь разрешалась переписка. Однако под строгой цензурой. Многие письма не доходили. Приезжали какие-то люди, которые агитировали, чтобы офицеры писали прошение о помиловании и просили советское гражданство. Призывали строить вместе с ними новое и счастливое общество. В конце весны 1940 года в барак, где сидел Юзеф Мичка, зашёл начальник лагеря с офицерами НКВД и зачитал список. Кто был в этом списке, должен проследовать в помещение режимной части. Юзеф и ещё несколько офицеров застегнули все пуговицы на мундирах, надели головные уборы и вышли из барака. День выдался погожим. Резвился тёплый весенний ветерок. Они ни о чём не догадывались. Когда Мичка вошёл в комнату, на него набросились два человека, связали руки и, выведя через другую дверь, посадили в машину. Грузовик, набитый польскими офицерами, выехал за территорию лагеря. Ехали по лесу долго, тряслись на ухабах. По прибытии на место дали команду: «Прыгай!» Затем поляков повели по песчаной лесной дорожке, по бокам которой росли маленькие сосенки. Отведя от места выгрузки примерно с километр, приказали остановиться на поляне, залитой солнцем. Там были вырыты большие ямы, около которых стояли офицеры в форме НКВД, на земле лежали лопаты.

Польских офицеров построили, вышел старший из охраны и зачитал:

– По решению Совета Народных Комиссаров, на основании записки товарища Берия, вы не представляете интереса для Советской власти и поэтому приговариваетесь к расстрелу.

Берия составил аналитическую записку для Сталина. В ней содержалась информация, что польские офицеры, попавшие в плен в 1939 году, в большинстве своём не могут быть использованы для построения социализма в СССР и от них нужно избавиться. «Давайте сделаем то же, что сделал Ленин вместе с Троцким в Крыму в ноябре 1920 года с теми офицерами армии Врангеля, которые остались».

Сталин не смог простить полякам того позора, который они нанесли ему, а также стране Советов в августе 20-го. Польские офицеры были расстреляны. Люди падали в ров, их присыпали землей. Так каждый день, по несколько сот человек!!! Тех, кто в 1939 году попал в плен к Советской власти. Кто честно ответил на вопросы о том, что они думают по поводу ввода Красной армии на территорию восточной Польши. О том, что они будут делать, если их отпустят на свободу, оказались в этой земле в районе Смоленска, а точнее, в Катынском лесу¹⁸.

Капрал Ян Вольчак и рядовой Михаил Малик шли несколько суток, пытаясь выйти из окружения. В конце сентября они набрали на одинокий дом в лесу. Это было лесничество. Дом был похож на тот, в котором жил Вольчак.

Ян подкрался к окну. Собаки, как ни странно, нигде не было. Он тихо постучал по стеклу. Большая луна безраздельно хозяйничала в небе.

– Кто там? – послышался вопрос.

– Свои, поляки, пустите переночевать, – ответил Ян.

– Не можем, места нет, дети малые, все болеют, уходите.

Поразмыслив, Ян снова постучал, теперь уж кулаком.

– Ну что вы хотите ещё? – слышалось опять из дома.

– Если не пустите, подождём дом, – пригрозил Ян.

Минуты три длилось молчание. Дверь открылась.

– Рядовой Малик, если через пять минут не вернусь, открывайте огонь, – сказал Ян и вошёл в дом.

В сенях не было света. Он споткнулся обо что-то мягкое. Снизу слышалось: «Идешь, как по Маршалковской».

– Извините, – сказал Ян.

– Кто здесь?

– Солдаты Войска Польского!

Капрал вышел на крыльцо и тихо позвал брата. Они с трудом нашли место, где лечь. Спали все вповалку, потеснее, чтобы не терять тепло. Мысли о доме вспыхнули у Яна в голове. Вспомнил жену, дочерей. Младшую ему хотелось послушать, как она говорит, читает стихи, которые он разучивал с ней.

Их разбудили громкие разговоры. Это собиралась уходить одна из групп.

Все эти люди по-разному набрели на этот дом. Здесь они перезнакомились и решали, что делать дальше.

Группа постояльцев ушла, Ян попросил у хозяина что-нибудь поесть. Они не ели несколько суток, пили воду из ручьев и болот. Без еды они не смогут идти дальше.

Хозяин, молодой мужчина с усиками и чуть воспаленными веками, сказал, показав на спящих людей, что эта армия съела всё, остались только старая брюква и свекла. Он держал это для корма свиньям, но теперь их нет. Ян попросил сварить эти овощи. После еды они уснули. Проснувшись, еле успели добежать до ближайших кустов. Расстройство продолжалось трое суток. Немного придя в себя, решили тронуться в путь. На это лесничество набрела следующая группа окруженцев. Бойцы рассказали постояльцам, что немцы встретились с большевиками в Бресте. Часть армии ушла за границу. Теперь каждый сам решает, что ему делать. В Варшаве – немцы, в Львове – красные.

Поразмыслив, братья решили собираться в дорогу, домой. Ян уговаривал брата найти гражданскую одежду и снять мундир.

– А где мы её найдем? Она на дороге не валяется.

– Да хотя бы с пугал снимем.

Однако Михаил решил идти домой в мундире польского солдата. Ему очень хотелось, чтобы родные увидели его в форме. Молодость есть молодость. И никакие доводы старшего брата не переубедили Малика.

Где-то в районе небольшого городка Мостистка солдаты увидели местных крестьян. Приблизившись к ним, спросили дорогу на Самбор.

– Будьте осторожны, «Москали» забирают всех наших в форме, – сказал один из крестьян.

– Да нет, они забирают только тех, у кого на погонах есть какие-то различия, как у тебя, – вступил в разговор другой.

Ян Вольчак решил не пытаться судьбу. Он снял с пугала обноски, которые были на два размера меньше, и надел на себя. Получилось как у клоуна.

– Лучше в таком виде домой, чем в форме в Сибирь убирать лёд, – ответил Ян на вопросительный взгляд Михаила.

– Может, вместе к нам, в Стебник? Переоденешься в нормальную одежду и домой, – предлагал младший брат.

– Нет, лучше уж сразу на Опаку, в лесничество.

За Самбором их пути разошлись. Малик пробирался домой днём, огородами. Его желание поскорее увидеть родителей и сестру были сильнее страха быть пойманным. Он всё чаще вспоминал разговоры тех, под Мостистой: «Берут только тех, у кого есть звание». А он – рядовой. И идёт он не искать свою часть, а домой. Михаил рывком отворил дверь. Мать и отец, не сговариваясь, стали снимать с него форму.

– Франя, неси скорее какую-нибудь одежду. – Сестра выбежала из комнаты, в прихожей стоял заросший, небритый, по пояс раздетый мужчина.

– Франя, рубаху! – крикнула мать.

Сестра от этого возгласа вышла из ошеломления. «Это же брат», – подумала она.

У Михаила закружилась голова, и он потерял сознание. Очнулся в больнице. Рядом была мать.

Она сказала, что у него воспаление лёгких, а также последствие контузии, нужен покой, и всё будет хорошо. Сосед и одноклассник Михаила, Изя Шейман, после прихода Красной армии одним из первых вступил в Союз пролетарской молодёжи. Он считал своим долгом доносить в НКВД на всех, кто вернулся домой из Польской армии. Донос на приятеля он написал сразу, как только увидел его входящим в дом родителей. Однако личность Михаила Малика не заинтересовала местное отделение НКВД¹⁹.

Малик вернулся домой где-то под Рождество, похудевший, но всё-таки к себе, в отчий дом. «Чем заниматься? Идти в слесарные мастерские? Здесь в Стебнике люди работали, получали зарплату. Нужно поправить здоровье, а там посмотрим, что к чему?!» – размышлял он.

Сразу же после выписки из больницы вечером прибежал Изя.

– Михаил, что собираешься делать? Вступай к нам, в Союз рабочей молодёжи. Нам нужны такие, как ты. Ты столько повидал, пережил. Смотри, что с тобой сделали «паны». Ты весь седой, худой, а какой ты был раньше?! Но теперь всё по-другому, теперь Советская власть, теперь все равноправны, можно бесплатно учиться, если хочешь, можешь поступить в институт. Да ты не держи на меня зла!

И он по своей наивности рассказал, что написал на Михаила донос в НКВД. Михаил удивился. Но Изя говорил, что у них в Союзе молодёжи всех заставляют говорить только правду. Михаил подумал, какой наивный этот Шейман, совсем по жизни юнец. Хотя они были одногодки, но у одного из них за плечами была война. Малик передумал идти в мастерские, а решил съездить к родственникам в Борислав, там были нефтешки, и заработки несравнимо больше, чем в Стебнике. Когда он приехал к дяде в Борислав, тот не сразу признал племянника. Война изменила его внешне и внутренне. Родственник сказал, что много мастеров было мобилизовано, уехало, но, «сам понимаешь, просто так никто никого не возьмет». Пришлось ехать домой, мать зарезала пару гусей, приготовила бутылку бимбера, ещё кое-какой еды. Нужно сделать подарок. Взяли польских денег. Флаги развевались другие, но деньги втихаря ещё ходили. Все это он привёз родственнику, тот всё взял, сказал: «Не переживай, отдам кому нужно, жди». До Опаки недалеко, и Михаил решил проведать Яна Вольчака. Снег пушистой, белой пеленой укрыл землю. На попутных санях по дороге, ведущей серпантинном километров пять вверх, он, не спеша, взбирался в гору. Из Борислава на Опаку напрямик через гору хотели сделать дорогу перед войной, прорубили просеку. В Опаке даже положили несколько десятков метров булыжника для новой дороги. На горе думали поставить вышки, чтобы качать нефть, не успели. Возница взобрался на перевал, дальше его путь лежал в Сходницу. Михаилу направо. Дойдя до села Опаки, он решил отдохнуть. До лесничества Вольчака было несколько километров. Поздним вечером он добрался туда. Его встретили радостно, обнимались, целовались. Перед расставанием в сентябре Ян попросил никому не говорить, что они вместе пробирались домой. Он запомнил тот разговор крестьян под Мостистой. «Берут всех, у кого на погонах что-то есть». Братья рассматривали друг друга. Ян изменился, набрал в весе, побритый, он был тем же паном, паном Вольчаком, паном лесничим, хотя власть новая, всё равно односельчане называли его паном. Комиссары заезжали сюда редко, да и из союза бедноты тоже ехать в Опаку никто не имел желания. Вольчак, продолжая разговор, сказал, что здесь очень сильны украинские националистические настроения, и поэтому красную власть не приветствуют. Ждут своих освободителей, чтобы повесить свои желто-блакитные знамёна. Скоро, наверное, Сталин с Гитлером переругаются и заново начнут делить Европу, и неизвестно, кто кого. Больше о политике не говорили. Переночевав, Михаил вернулся домой. Устроившись на работу, он вначале мало что в ней понимал, но время шло. В июне 1941 года ему и еще нескольким другим рабочим предложили ехать поучиться работать «по-социалистически» на Кавказ. Михаил согласился, и 21 июня в субботу он сел в поезд. На следующий день, 22 июня, где-то за Киевом гудели паровозы, собрался митинг. По вагонам пошли разговоры – «война, немцы напали». Малик стал решать, что ему делать: командировочное предписание на Кавказ, языка он не знал, кое-как понимал по-украински. Они ехали бригадой. Поляк он один, остальные – западные украинцы. Те считали, что нужно тикать до дому, какой Кавказ? Михаил был в раздумье. Украинцы продолжали:

– Ведь ты воевал, ты же знаешь, что немцы сейчас пойдут колоннами, а «москальи» побегут за Урал, и никто их не удержит. И что мы будем делать там, на Кавказе, а потом через немецкие комендатуры возвращаться? Давай купим билет на другой поезд и ближе к нам, к Львову! Затаимся где-нибудь у родственников, а потом спокойно вернёмся домой.

Так и решили. Добрались до Львова, но билетов до Дрогобыча не достали. Поезда ходили уже с перебоями, кто-то говорил, что железную дорогу разбомбили. Решили идти пешком, до него было

километров шестьдесят. Пошли в сторону Николаева, что на Днестре. Опять самолеты с белыми крестами над головами, опять убегания с дорог в кусты. Но хорошо, что шли домой по земле, не занятой фашистами. В Николаеве их остановил патруль, проверили паспорта. Старший патруля начал задавать вопросы, почему не в армии, почему далеко от дома? Один из украинцев сказал, что им нужно ехать в командировку на Кавказ. Выданное предписание их выручило. Советский офицер поверил, что они отстали от поезда, что они нефтяники и им нужно помочь. Их посадили в санитарные машины вместе с ранеными. Через несколько часов Михаил добрался до Львова. В госпитале он решил не испытывать судьбу. Показав документы коменданту госпиталя, он рассказал ему о своей командировке. Комендант куда-то позвонил, затем сказал Михаилу, чтобы шёл на вокзал. Попутчики его ещё раз решили сыграть в «русскую рулетку», они сбежали из санитарных машин. Скорее всего, они состояли в украинских националистических группировках и поэтому посчитали нужным где-то спрятаться, отсидеться, дожидаться прихода немцев. Малика посадили в эшелон. Поезд, набирая скорость, шёл на восток. Перенеся все злоключения эвакуации, Михаил только в конце лета 1941 года оказался в районе Грозного. Там его определили работать на нефтескважину. Так продолжалось до лета 1942 года. Случайно из разговора в пивной двух русских лётчиков Малик узнал, что в районе Бузулука формируется Польская армия. Михаил пошёл в Грозненский военкомат, сказав, что он польский артиллерист, имеет боевой опыт, воевал в сентябре 1939 года, хотел прибыть в формирующуюся Польскую армию на территории СССР. Русский офицер записал его данные. Прошло месяца два. Михаил получил повестку и предписание отправиться в Бузулук²⁰. Он сел в поезд. Какие это были поезда! В одних купе были стекла, в других – нет, холод, висела одна керосиновая лампа у проводника. Гражданские поезда ходили, словно черепахи. Он ехал несколько недель до этого затерянного города. Малик знал, что там свои, поляки. В чужой стране без знания языка ему было тяжело. Да и люди к нему относились с подозрением, с опаской, думали, что он шпион, недоумевали, что он здесь делает?! Ведь Польша до 1939 года была врагом для СССР. В военных академиях Советского Союза изучали польский язык, язык вероятного противника. В войсках говорили, что если не получилось в двадцатом, то нужно взять реванш как можно быстрее. Что нужно этих «панов» разбить. Добравшись до места, Малик узнал, что армия ушла, причём не только из Бузулука, но совсем из СССР. Михаил снова остался один, опять перед ним встал вечный вопрос: что делать? Его нигде не хотели брать на приличную работу, ночевал на вокзале, перебивался случайными заработками. Хорошо, документы были в порядке. В селе, расположенном в десяти километрах от города, жил старый поляк, его отца выслали сюда еще в XIX веке за участие в восстании²¹. С ним свела судьба Михаила. Так он прожил у него до весны 1943 года. Сосед старика как-то принес газету, в которой было написано, что в СССР Союз патриотов Польши формирует дивизию²². Каждый, кто считает себя поляком, гражданином Польши, может вступить добровольно в эту часть. Сборы были недолгими. В Бузулукском военкомате Михаилу Малику снова дали документы, в которых писалось, что он должен прибыть в район, где шло формирование этого подразделения. Старый поляк продал что-то из фамильных ценностей, дал денег Малику на дорогу. Были снова такие же поезда, тряска в холодных вагонах, но он все-таки добрался до лагеря на Оке, где находились части этой дивизии. Михаил увидел надписи на польском языке, солдат в польской военной форме. Он подумал, что всё, наконец-то дома. Когда он подошёл к шлагбауму и часовой окликнул его, он ответил, как его учили в Польской армии: «Рядовой Малик, первая батарея 22-го полка». Михаила определили в дивизионную артиллерию. Поставили номером в расчёт, правда, не к 75-мм пушке, а к 76-мм. Заставили изучать матчасть.

Глубокой ночью Ян осторожно подкрался к своему дому в лесу. Косая луна голубоватым светом залила тёмное пространство. Тихо, только бы собаки узнали и не залаяли. Он неуверенно постучал в окно. Никто не отозвался, Ян сделал ещё одну попытку.

– Кто там? – раздался вопрос из дома.

– Это я, Ясь.

Через мгновение дверь открылась. Свет керосиновой лампы осветил вход в дом. В дверях появилась Мария, высокая, красивая, в простом ситцевом платье, её волосы ложились на плечи.

– Ясю, Ясю, – позвала она.

Ян быстро взбежал на крыльцо, схватился за ручку двери и закрыл её за собой. Обняв и прижав к себе жену, прошептал:

– Наконец-то мы снова вместе, родная. – Они простояли молча несколько минут.

- Кто в доме?
- Только дети, но они спят.

Маленькая Влодзя притворялась спящей, она увидела своего отца в таком виде впервые. Вид у Яна был утомленный, он похудел, глубоко запали глаза, ещё резче выделялись скулы на овальном небритом лице. Её папа всегда носил хорошую одежду, а сейчас его трудно было узнать в этих лохмотьях с чужого плеча. Девочка подумала, что папа стал клоуном. После того как Ян поел наконец-то нормальной еды, пошли расспросы. Какая здесь жизнь, кто занял его место в лесничестве. Жена сообщила, что почти ничего не изменилось, место его пусто. Яну нужно было думать, как прокормить семью. Нужно всем сказать, что в армию его не взяли, а всё это время он находился у родственников под Жешувым. Наутро он пошёл восстанавливаться на работу в лесничество.

К Яну Вольчаку в лесничество приехала его сестра Юлия. Она сказала, что ей пришло письмо от мужа. Он находится в советском плену, был ранен, но сейчас идёт на поправку. Если Бог даст, может, когда-нибудь вернётся домой. Ян смотрел на сестру, он хотел хоть как-нибудь её утешить. Он решился и рассказал, что видел Юзефа раненым под Осекком. Это взбодрило Юлию. Новая власть начала национализировать частную собственность, уплотнять квартиры, вселять чужих людей, к тем, кто не представлял интереса для советской власти. К Юлии вселили людей с окраины Дрогобыча, это была семья по фамилии Беркович. Вначале Юлия Мичка настороженно приняла постояльцев, но потом, выяснив, что их сын, муж, единственный мужчина в этой большой семье пропал на войне, что он служил в 6-м полку Стрельцов Подхаланских, изменила своё отношение к ним. Она отдала в их пользование всю квартиру, кроме одной комнаты. Юля приехала за советом к брату, что делать дальше? Денег не осталось, старые запасы кончаются, кое-что продала. Шли разговоры, что в Львове людей без объяснения причины отправляют на «восток»²³. Ян посоветовал ехать в село Нагуевичи. Там жила их мать, пани Зося. У неё был свой дом, хозяйство, решили, что сестра переждёт там тревожное время, а как вернётся Юзеф из плена, то определятся, как жить. Переночевав у брата, Юля отправилась домой, чтобы собрать вещи. Шла осень 1940 года. Частые дожди размывали дороги, и Юлии пришлось очень долго и тяжело на крестьянской телеге добираться до Дрогобыча. Она сильно устала, ей хотелось одного – спать. Среди ночи раздался сильный стук в дверь, испуганная женщина подошла к двери и открыла сама. На пороге стояли люди в советской военной форме, один отодвинул её рукой.

- Кто здесь Юлия Мичка? – спросил один из военных.
- Вот, – показали одновременно испуганные старая Беркович и ее тридцатилетняя дочь.
- Собирайтесь, – продолжал офицер. – Возьмите с собой тёплые вещи, деньги, документы.

Женщина присела в прихожей. Берковичи помогли ей собрать вещи. Прощаясь с соседями, Юля сказала: «Передайте родственникам...», и вышла. Ее привезли в Дрогобычскую тюрьму. Этот застенок построен ещё австрийцами, он стоял на выезде из города. Австрийцы строили его на совесть. Мощные высокие стены отбивали всякую охоту к побегу. Проведя неделю в общей камере с такими же женщинами, как и она, в основном там содержались жёны офицеров и полицейских, родственницы чиновников Польского государства, Юлия не понимала, за что она здесь находится.

Вечером заключённых, построив в колонны, под конвоем вывели за ворота и привели на товарную станцию в Дрогобыче. На ту станцию, с которой грузился батальон её мужа Юзефа Мички в августе 1939-го, чтобы уйти в бессмертие. Погрузили в вагоны для перевозки скота, поставили ведра, бочку с водой. В другой колонне шли мужчины, это были гражданские. Женщины не знали, военные они или нет, они были без формы. Их также погрузили в соседние вагоны. Прицепили паровоз, состав тронулся. Ехали больше двух недель. Прибыли в город Кустанай. Название женщины прочитали, смотря в вагонные щели. Ссылных выгружали в тупике товарной станции. Колонну разделили: мужчин направили в одну сторону, женщин – в другую. Пешком заставили идти вместе с детьми по северо-казахской осенней степи. Осень в северном Казахстане совсем другая, чем в Прикарпатье. В восточной Галиции такая погода считалась суровой зимой. Охрана выделила им две подводы, на которых везли больных и вещи. Колонна шла дней пять. Конечным пунктом их маршрута был город Джетыгора. Через город протекала холодная река Тобол. Этот населённый пункт располагался в степи один на несколько десятков километров, вокруг не было ни одного человеческого жилья. Охрана сказала: «Теперь это ваше место жительства». Как там выживали люди, никто не знал...

P.S. Николай Теш после освобождения из лагеря военнопленных участвовал в тяжёлых заключительных боях с фашистской Германией. Был тяжело ранен в конце войны.

Кавалер польских наград, умер в Доме для военных инвалидов в городе Душники-Здруй в 1951 г., похоронен на местном кладбище. Он так больше никогда не увидел свою семью, свой родной дом. По прошествии 20 лет со дня погребения средств на содержание могилы не нашлось

Следы Юзефа Мички затерялись где-то в сталинских лагерях на территории СССР. Он был в числе тех польских офицеров, которых расстреляли органы НКВД в 1940 г.: Michniewicz Jan, Michniewicz Józef, Michniewicz Kazimierz, Michniewski Konstanty, Michnik Alojzy, Michno Ignacy, Michnowicz Alfons, Michoń Stefan, Michowicz Zdzisław Jarosław, Miciński Jan Zygmunt, Miciński Waclaw, Micka Józef, Micula Mikołaj, Miczek Frańciszek, Miczek Leopold, Miczulski...

Его жена Юлия Мичка, сосланная в северный Казахстан после ареста мужа, вернулась в Польшу после войны. Она умерла в городе Вроцлаве в середине 90-х годов.

Михаил Малик, командир взвода гаубиц, хорунжий²⁴, в 1943 году добровольцем вступил в возродившееся Войско Польское. В апреле 1945-го сумел сделать то, что у него не получилось в сентябре 1939-го. Он открыл огонь из своего орудия по фашистскому Берлину. После войны переехал в город Перемышль, где умер от старости.

Ян Вольчак остался жить в своём селе Опака. Всем говорил, что никогда не был в армии и никогда не воевал. В 1942 году у него родилась третья дочь – Евгения. В январе 1946 года во время секретной операции НКВД против УПА²⁵ в агитаторе, переодетом под «бандеровца», он узнал местного чекиста. Ян машинально поздоровался с ним, назвав его по имени-отчеству. Чекисты решили избавиться от опасного свидетеля. Они заставили Вольчака раздеться до нижнего белья и босиком повели к оврагу. Темнело быстро, и этим воспользовался Ян. Он прыгнул в овраг и побежал. Конвоиры открыли огонь. Темнота спасла его. Преследователи решили, что в таком виде в морозы он не выживет. Оставив засадку в доме Вольчака, остальной отряд ушёл из села. Через несколько суток его, обмороженного, нашли соседи в пустующем сарае. Это не прошло для Вольчака бесследно. Он серьёзно заболел, его парализовало. Прележав парализованным более десяти лет, он умер у себя дома в конце 50-х годов XX века. Его похоронили на сельском кладбище в селе Опака.

Выражаю благодарность всем, кто помогал в моей работе. Большую благодарность хочу выразить семье Теш за предоставленные фотографии, письма, документы. Ирине Татаринич за помощь в редактировании текста.

Примечания:

- ¹ Подофицер – лицо младшего командного состава в Польской армии.
- ² Дезертирство – самовольное оставление военнослужащим воинской части с целью уклонения от военной службы.
- ³ Стрелки Подхаланские – войска, обученные ведению боевых действий в горно-лесистой местности. На головных уборах носили в качестве украшений орлиные перья.
- ⁴ Мобилизация – перевод Вооруженных сил государства с мирного положения на военное. Состоит в призыве военнообязанных из запаса, укомплектовании кадровых частей и военных учреждений до штатов военного времени.
- ⁵ Юзеф Бек – министр иностранных дел в предвоенной Польше.
- ⁶ 23.08.1939 г. Франция заявила, что в случае немецкой агрессии поддержит Польшу. 25.08. 1939 г. был подписан Англо-Польский договор о взаимопомощи.
- ⁷ Пулемет «BROWNING» – ручной пулемёт образца 1928 г. производился в Польше. Перед войной в войсках насчитывалось 13 000 штук.
- ⁸ Пятая колонна – название широкой тайной вражеской агентуры в тылу противника, появилось со времён гражданской войны в Испании 1936-1939 гг.
- ⁹ Пистолет «VIS» назван по первым буквам фамилий его создателей – Петра Вильневчица и Яна Скршипиньского. К сентябрю 1939 г. было выпущено 45 000 штук.
- ¹⁰ Ю-87. нем. (Sturzkampfflugzeug) – пикирующий одномоторный бомбардировщик.
- ¹¹ Тавро – клеймо, выжигаемое на коже сельскохозяйственных животных, служащее отличительным знаком.
- ¹² Бимбер – название самогонки в восточной Галиции, Польше.
- ¹³ «Крупповские подарки» – семья Крупп с 1800 г. владела в городе Эссен сталелитейными заводами. Почти вся сталь в Германии в 1939 г. была выплавлена на заводах, принадлежащих этой семье.

- ¹⁴ В 1939–1941 гг. Германии были переданы 43 054 человека, уроженцы западной Польши, Германия передала СССР 13 575 человек – уроженцев восточных польских воеводств. (Лебедева Н.С. Катень: преступление против человечества. С.73).
- ¹⁵ Стек (англ.) – твёрдый эластичный хлыст. Используется в верховой езде.
- ¹⁶ Шпала – неофициальное название офицерского знака различия, прямоугольника на петлицах в Красной армии 1924-1943 гг. Две шпалы соответствовали званию «майор».
- ¹⁷ «ПОВ» – POW, Polska Organizacja Wojskowa – Польская военная организация.
- ¹⁸ В советский плен в 1939 г. попало 217 000 человек, 15 131 офицеров В. П. было расстреляно весной 1940 г. в Катень. 7305 офицеров В.П. и полицейских расстреляно в тюрьмах западной Украины и Белоруссии. (Лебедева Н.С. Катень: преступление против человечества. С.215-216,517-603).
- ¹⁹ НКВД – в СССР сокращенное название Народного Комиссариата Внутренних Дел.
- ²⁰ Польское военное формирование. Создано генералом Владиславом Андерсом в 1941-1942 гг. на территории СССР из военнопленных и интернированных в результате советско-польской войны в 1939 г. польских граждан. Выведено на территорию Ирана в сентябре 1942 г. (Лебедева Н. С. Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. М: Звенья, 1997. С.176-196).
- ²¹ В январе 1863 г. вспыхнуло восстание «В Польском Царстве», которое входило в состав Российской Империи. Восстание потерпело поражение осенью 1864 г. (А. Дыбковская, М.Жаран. История Польши с древнейших времен до наших дней. С.191-194).
- ²² Дивизия имени Т. Костюшко. Командир полковник Зигмунд Берлинг. Формировалась в городе Селец на реке Оке. В октябре 1943 г. в битве под Ленино (Белоруссия) получила боевое крещение. (А. Дыбковская, М. Жаран. История Польши с древнейших времен до наших дней. С. 294)
- ²³ Как ныне установлено, в 1939-1941 гг. с территории восточной Польши в глубь СССР было переселено 320 000 человек. (Гурьянов А.Е. Польские спецпереселенцы в СССР 1939-1941 гг. Там же с.114,136).
- ²⁴ Хорунжий – в В.П. класс офицеров между старшими подофицерами и младшими офицерами.
- ²⁵ УПА – сокращенное название Украинской Повстанческой Армии, идейным и политическим руководителем которой был Степан Бандера.

Владимир АДАМОВСКИЙ

Родился в 1941 году в Красноярском крае. Отец погиб на фронте. После окончания ремесленного училища в Новосибирске трудился на Камчатке на метеостанции, затем служба в СА. Позднее работал матросом на сейнере, заместителем начальника авиаметеоцентра в Хабаровске, директором обсерватории в Подкаменной Тунгуске и в Норильске, был председателем с/совета в Туруханском районе. Писательской деятельностью стал заниматься после выхода на пенсию. Публиковался в республиканских СМИ, журнале «Луч» (г. Ижевск), в литературном альманахе «Спутник» (г. Москва), в «Невском альманахе».

В 2011 году принимал участие в международном конкурсе малой прозы «Белая скрижаль-2011». Получил почетный диплом и диплом лауреата.

Реформа

Мы все живём, как в сумасшедшем доме,
И думаем – весь мир такой.
Но мир иной, разумный и расчётливый,
В нём, как и прежде, процветает ложь.

Там всё цветёт, над нами насмехаясь,
Над тем, как голову мы очертя
Втоптали в грязь, что нам принадлежало,
В угоду им размазали себя.

Мы сделали себя вселенскими шутами,
Нам, как шутам, и место там отведено.
А мы считаем это место честью
И за него готовы отдать всё,
И даже то, что наши деды кровью добывали.

Мы щедрые, мы как рубаха-парень,
Бери и втапывай нас в грязь,
Размажь своими каблуками, иди вперёд
И нас под каблуком носи с собой.
И всем тогда мы гордо скажем:
– Остановились там, где быть и деды не мечтали.

Обман свой скрасим яркой речью
И вложим больше пафоса в неё.
Но Бог всё видит, Бог всё слышит.
Накажет? Нет, уж так заведено –
Где память дедов растоптали, там бесы,
Где бесы есть, там Бога нет.

Природа

Природу, как и женщину, мы всей душой
должны любить,
Неискренней любви она нам не простит.
То, будто женщина, внезапно жаром обожжёт,
То холодом остудит жар душевный,
То бурей гневную разрушит всё,
О чём мы в мыслях тайных о покорении
её мечтали.
То неожиданно проникнется вдруг нежной лаской,
Даря любовь и щедростью своей,
Надежду вселит в нас...

Она нам жизнь даёт,
Растит заботливо, оберегая
От трудностей земных. И так всегда –
Мы и природа друг друга дополняем.

В природе катаклизмы
Мы сразу собственную жизнь ощущаем
И совершаем страшный грех,
Когда своим умом и делом
Основу жизни нашей подрываем.

Пытаясь обмануть природу учёностью своей,
Труды серьёзные, работы по покорению
природы защищаем,
Учёные советы собираем и обсуждаем,
Как изменить природу себе в угоду.

Обман она наш видит и очень тонко ощущает,
Как женщина, которая всё чувствует,
всё замечает.

Но разница природы, женщины лишь в том,
Что первая нам не прощает,
На дерзость, данную умом, она
жестоко отвечает.

Порой живое, там, где люди обитают,
Как будто бы огнём жарою иссушает
Или водою заливают и ураганом разрушает.
А иногда из недр земных через вулканы
В округе горящей лавой всё сжигает.

Природою нам жизнь дана не для того,
Чтоб мы умом своим над нею насмехались,
А действиями издевались.
Нам жизнь дана, чтоб ею наслаждаться.

А разум человеку дан, чтобы к природе
Ближе быть, её любить, как женщину,
Тогда природа нас полюбит
И сделает всё общество добрей, умней.

Аллегория

Однажды Бог собрал всю живность вместе,
И только не было людей. Пустив орла, сказал:
– Лети, не зная в небе себе равных,
В горах живи, будь гордым и свободным.
Будь беспощаден к своим врагам, в тебе всё есть:
И честь, и доблесть, и главное – великий, гордый
дух свободы.
Цени его, как жизнь свою.
Итак, тебе я жизнь дарю.
Потом он брал о слов, слонов и всех животных,
Так с наставленьем в дальний путь пускал.
И вот когда совсем устал, Он оглянулся
И в первый раз Он улыбнулся,
Взяв на руки животное, сказал:
– А ты, хоть как теперь не хрюкай, но всё равно
Пойдёшь под нож.

* * *

Когда проникнешься потребностью своей души
Общаться с Богом, благоразумным будь,
Противиться не смей.
А делай, что тебе душа подскажет, доверься ей.

Иди в тот путь, какой она тебе укажет.
Она укажет путь общения с Богом.
Пойми, ты в жизни этого не избежишь.
Но упустить момент ты можешь,
Тогда себе ты этим только навредишь.

О вреде пьянства

Пьянство богатым скупость наводит,
Здоровым и сильным раны даёт.
Жёнам – бесчестье, девам – позор,
Юношам пьянство способность даёт
Оскотиниться так, что им грешно здоровья желать.

Пьяное общество мерзким становится.
Очень возможно, погибнет оно.

Отношение мужа к жене

Как Бог относится к творенью своему,
Так муж к жене с любовью должен относиться.
Как Бог Вселенную создал,
Так человек, материю имея на руках,
Обязан женщину создать как собственное допол-
нение.

Муж есть активное, жена пассивное начало.
И первый должен образовательно
влиять на ум второй.

Всегда мужчина должен сделать первый шаг.
А женщина должна на всём пути
Действительным быть совершенством.

Неискренность

Они живут, как будто веря в Бога,
Усердно молятся, пытаясь снять грехи.
Для них молитва вроде сделки с Богом –
Я помолюсь тебе, а ты грехи мои прости.

Мистика

У нас в стране есть каменные истуканы,
Бесплодным женщинам дают совет и даже лечат.
Подходит дева с молоком в вечерний час
И ставит блюдечко на пол у каменного истукана.

А утром оказалось блюдечко пустым –
знай, ты родишь.

Но если молочко не тронута
И идолы не плачут – надежда есть родить,
А если слёзы пролились по каменным щекам –
Смирись с судьбой.

Как-то генсек, проделав долгий путь,
Решил увидеть Сибирский феномен,
и только ногу он занёс,
Переступив порог музея, как истуканы
задрожали,
А стены затряслись и лопнул потолок.
Не стал генсек испытывать судьбу –
в сторонку отошёл
И истуканы замолчали.

Вменить бы нам такой указ,
Не только дев туда пускать,
А президентов проверять.
Вошёл туда, остался жив – так правь страной.
Уж коль не повезло, тогда не обессудь,
Останется народ живой.

Не верите, что есть в стране такие истуканы,
Свидетель есть – генсек живой.

* * *

Молясь усердно Богу, ты думаешь,
Что получаешь банковский кредит в прекрасную
дорогу.
Молитва – это да, но есть ещё работа, дело,
Через него ты должен выйти к Богу,
Тогда получишь свой кредит в дорогу,
А может, путь тернистый в ад.

Роман ДОЦЕНКО-БЕРГЕР

Родился в 1967 году на Украине в городе Чернигове, затем переехал в Молдову, живет в городе Бельцы. Пишет стихи с 1997 года.

Высота

Тихой ночью осенней
Взвод разведки полка,
Докурив по последней,
Уходил в тыл врага.

Шли ребята, не зная,
Что их ждёт впереди,
Что приказ выполняя,
Не вернуться они.

Нас рвали бомбы и снаряды,
Свистели пули у виска,
Но шли за родину солдаты,
Порою прямо в облака.

Пройдя заслоны и посты,
Они добрались на рассвете
До той заветной высоты,
В ушах гудел осенний ветер.

Всего пятнадцать пацанов
Вступили в бой смертельный,
Достойны памяти отцов,
Вот и рубеж последний.

И в небе, выпустив ракету,
Сигнал, что живы, что взята.
Зубами вгрызлись в землю эту,
И содрогнулась высота,

Когда в последнем рукопашном
Не постояли за ценой,
Не позабыв о самом важном,
Чтоб жили мы с тобой.

Так поклонимся же, друзья,
Героям павшим в той войне.
Пусть пухом будет им земля
На той и этой стороне.

Старые друзья

Мне позвонили старые друзья:
«Жди, скоро будем у тебя».
Вдруг пронеслись в сознании года,
И я сижу за третьей партой, как всегда.

Стоит учительница наша у доски
И мелом чертит палочки, кружки.
А мы с Серёгой играем в морской бой,
Мечтаем побыстрей уйти домой.

Ах детство, детство, ты волшебный Аладдин,
Желанья все ты исполняешь в миг один,
И как на небе ясная звезда,
Мы будем молоды и счастливы всегда.

На переменах девочек дразнили,
Сигареты первые курили,
С уроков убегали мы в кино,
Всегда втроем – я, Серёга и Ваню.

Ребята старше нас уважали,
Порой вином крепленным угощали.
А по вечерам в беседке на гитаре
Девчонкам пели песни и играли.

Так незаметно годы пролетели,
Мы вместе с ними быстро повзрослели,
По свету раскидала нас судьба,
Уже не помню, виделась когда.

Но вот раздался в дверь мою звонок,
И я открыл: «Привет, Витёк».
На шею бросились мне старые друзья,
Опять втроем мы, как тогда – Ваню, Серёга, я.

Ах детство, детство, ты волшебный Аладдин,
Желанья все ты исполняешь в миг один,
И как на небе ясная звезда,
Мы будем молоды и счастливы всегда.

Душа-рубашка

Улица тюльпанами красна,
Аромат нарциссов опьяняет,
Чувств нахлынувших волна,
Как женщина любимая ласкает.

Что же ты наделала, весна,
Расстегнула душу как рубашку.
И пошла в загул она,
Вольная, шальная нараспашку.

Эх, душа моя – рубашка,
Расстегнул и полетела,
Не святая, не монашка,
Широко гуляет, смело.

Хоть она не без греха,
Ангелы-хранители
Ей стелят под ноги меха
Из святой обители.

Звенят травы луговые,
Расстревожив мой покой,
Травы-струны золотые,
Скрипач ветер молодой.

О, благодать, небесная весна,
Белая берёзка и ромашка,
От зари и дотемна
Душа моя гуляет нараспашку.

Есаул

Сотню кровью и потом умытых
Вывел, жизнь сохранив, есаул.
Да простят нас все души убитых,
Крикнул он и коня повернул.

День и ночь, не слезая с седла,
Сотня рвалась покинуть Отчизну,
Что когда-то свободной была,
По которой теперь правят тризну.

Эх, куда ты летишь, есаул,
Куда гонишь своих казачков,
Далеко по степи слышен гул
То ль копыт, то ль железных оков.

Вот видны уже Терека воды,
Кони, пену глотая, хрипят.
Вдруг сверкнули штыки и заброды,
То полки комиссаров стоят.

Коня вздыбив на полном скаку,
Прокричал: «Шашки вон, казаки,
Это честь умереть за страну».
И рванул есаул на штыки.

Воды тёмные красными стали,
Вдоволь кровушки русской напившись,
С неба чистого капли упали,
Небо плакало, им поклонившись.

Эх, куда ты летишь, есаул,
Куда гонишь своих казачков,
Далеко по степи слышен гул
То ль копыт, то ль железных оков.

Птица вольная

Ветер, ветер, ветерок,
Ты меня, как прежде, смог
Свободою своею заразить,
Куда-то вдаль бескрайнюю манил.

Ой, ой, ой, теперь летаю,
Только об одном мечтаю,
Летать по белу свету вольной птицею,
Над родиной летать и за границую.

Как прекрасен шарик наш земной...ой,
И я от свободы чуть хмельной,
То в звездах утопаю, то в солнечных лучах...ах,
Волной по морю бегаю, купаюсь в облаках.

Но номерок счастливый,
Наверно, ангел белокрылый
Разыграл с моей судьбою,
И я вырвался на волю.

Вот, вот, вот как интересно,
Мне без свободы в мире тесно,
Не продам ее, не променяю
Без нее я пропада...а...а...ю.

То – то только ветер сможет,
Его душа мне поможет,
Если вдруг возьму да захандрю,
Подарит волю вольную.

Что, что, что за искушенье,
Отбросив прочь все сомненья,
Парить свободной вольной птицею,
Над родиной летать и за границую.

Дикое поле

В диком поле, за рекою,
Ветра вольные гуляют,
Пробегут волной крутою
И опять, кружа, взлетают.

Бури маленькие дети,
Свободу заплетая в косу,
С трав душистых на рассвете
Пьют прозрачную росу.

В диком поле, жутко воя,
Ветра вольные шалят.
В диком поле только воля
Да травы знойные шумят

Целый день они резвятся,
Купаясь в золотых лучах,
Только к ночи затаятся
Где-то в звёздных облаках.

Вот уж сто веков летают
Между небом и землею,
Смельчаков с пути сбивают
В диком поле, за рекою.

В диком поле, жутко воя,
Ветра вольные шалят.
В диком поле только воля,
Да травы знойные шумят

Алексей ДУКА

Родился и провел детские, школьные и студенческие годы в Киеве, где состоялись и первые литературные опыты. публиковаться начал в Кишиневе лишь через пятьдесят лет. Обучался в народной академии писателей. Печатался во многих местных газетах и альбомах «Ларец», «Литературный диалог». Автор нескольких сборников стихов и прозы.

Член Союза писателей им. А. С.Пушкина.

Улыбка Мадонны

Нет, не гляди на меня, с лукавинкой, искоса,
Улыбку Мадонны в устах затая,
Такая желанная, такая близкая,
Такая совсем, ну почти что моя...

Я с гитарой тебе не пою серенады,
И стихов о любви я с мольбой не шепчу,
Для меня ведь и сладостной жертвы не надо,
Для тебя ведь я светлого счастья хочу.

Я, увы, не Ромео и ты не Джульетта, –
Уж какая мы нынче с тобой молодежь?!
Видно, песенка наша давно уже слета,
Видно, ты, как и я, далеко не пойдешь.

Так взгляни ж на меня, с лукавинкой, искоса,
Улыбку Мадонны в устах не тая,
Такая желанная, такая близкая,
Такая совсем, ну почти что моя...

Это было недавно...

Ах, все было совсем ведь недавно!
Но из многих событий и вех
Вспоминаю, как было забавно,
Убежать нам с тобою от всех!
Как чудесно июльской тропой
По цветущему лугу бежать,
Чтоб за дальней душистой копной
Неумело тебя обнимать.

А как были друг другу мы любви!
Ты за вольность меня не суди –
Целовал твои сладкие губы,
Прикасясь ладонью к груди.

Все в былом, где захлопнуты двери,
Только память осталась о ней;
В нашей жизни так хочется верить,
Что не близок предел милых дней...

Лето

Шмель деловито витает
В самых соцветиях трав,
Небо высокое тает,
Дождиком светлым упав.

Вышла к заре на пригорок
Роща берез и осин,
Сел под рябиновый ворох
В белой сорочке в жасмин.

Хочется броситься в травы,
Поле обнять васильков,
В речку вбежать для забавы,
Шлепать по ней босиком.

Там, где вдвоем мы гуляли,
В бликах ручей-бирюза,
Помню, что также сияли
Малой когда-то глаза.

После бала

Мы встретились совсем случайно,
Кивнув друг другу, разошлись...
И то, что было нашей тайной,
Забуть пытаемся всю жизнь.

Но сердце, сердце неподвластно, –
Оно в волненье бьется вновь,
Стремясь вернуть былое страстно,
Вернуть запретную любовь.

Оно так помнит радость встречи,
Всю сладость губ и нежность рук,
Когда не нужны были речи,
Когда сливался сердца стук.

Рассудок наш плетет расчеты
В надежде осчастливить нас,
Не ведая, что счастья взлеты
Бывают в жизни только раз.

Звонок

Приснилась мне девушка в черном, –
Воздушна, изящна, бела...
Свой плащ распахнула проворно,
Ко мне наклонилась покорно,
И тихо к себе позвала.

Я слышал в истоме дыханье,
Касание трепетных рук,
Сжимало испугом желанье,
Волос серебристых сиянье
И сердцебиения стук.

К чему мне путана такая, –
Не молод ведь я и устал...
Смущала в ней бледность густая,
Холодная поступь худая
И губ леденящий оскал.

Меня вдруг душа пробудила,
Тихонько скуля, как щенок;
Тревожная мысль осенила, –
Не смерть ли меня навестила
И выдала первый звонок?

Молчаливым друзьям

Хожу, мечтаю, изредка пишу
изо дня в день, и в вечер,
и ощущаю жизни сроки,
и чувствую, как я дышу,
как день уходит незамечен.
На лист ,ложатся скупо строки
в надежде будущего спроса
моих раздумий одиноких.
А жизнь проходил: словно фон
сомнений, веры и смятений.
Лишь иногда смотрю я косо
на мой молчащий телефон;
О, други милые!
Вы помните, как тени,
молчанье ваше душу холодит,
забвенье горестно тревожит...
Неужто стать мне на колени?
Мое ведь время скоро отлетит,

Споткнусь я в суетном чаду,
Коль болью сердце гложет.
Печаль не в том, что я уйду,
А в том, что вы молчите.
Эй, кто-нибудь!
Подайте голос, умоляю...
Не ожидайте так беспечно,
Скажите слово, говорите!
Ведь я еще не умираю,
А впереди молчанье вечно!

Три возраста

Трое удили на лодке –
Юноша, дед и мужик.
Вдруг увидали – молодка
Голая в травке лежит.

Парень был тотчас на марше, –
Бросившись в воду, поплыл...
Чудик, – сказал кто постарше, –
Зря он про лодку забыл!

Дед ухмыльнулся лукаво, –
Оба-то вы чудаки!
Девичьи прелести, право,
Ясно видать и с реки!

Первый снег

Еще помнятся краски ушедшего лета,
Еще в осени день ноября,
Но проходит пора черно-белого цвета
И белесого света заря.

Всюду снежный ковер, ослепительно белый,
На березке невесты наряд,
Светлый лес загрузил и стоит онемелый,
Рядом грозди рябины горят.

Запустились метелью кусты и деревья,
Тонких нитей висят кружева,
У дороги осела в сугробах деревня,
Где мелодия сказки жива.

На морозце румянятся щеки прохожих,
Так и хочется всех целовать,
Ведь сегодня они на любимых похожи,
Ведь сегодня в душе благодать.

Ноябрь

Пахнув дыханием подледным,
Прошли студёные ветра
И унесли в простор холодный
Остатки листьев и тепла.

Земля подмерзла. Иней ломкий
Хрустит под легкую погодой,
И аромат витает тонкий
Под каждой елью и сосной.

Природа в тихом ожиданье
Уж расплела ветвей косу,
В постель из снежного сиянья
Уйти готовится ко сну.

Дойна СЫРБУ

Родилась 7 июня 1994 года в Кишиневе. Учится в румынском лицее «Н. Дадияни». Увлекается танцами, спортом, дизайном интерьера и одежды, современной музыкой и литературой. Пишет с малых лет стихи и прозу. Мечтает стать журналистом.

Кукла

Остались те же оттенки чувств
И мрамор неживых скульптур.
Отчаянное ревность и лживая месть,
Как туман окутывает холодная лесь.

И стрелки пробьют час пробуждения,
И ты увидишь истинное возрождение,
Скрытой эпохой разврата и лжи,
Скрытой под толстой ткани кожи.

Мы затаили дыхания навек,
И ветер унёс долгожданный побег.
Мы забылись, и иллюзии охватили наш разум,
И стал никчёмный наш хваленый ум.

Мы пластиковые куклы в чужих руках.
Мы познаём любовь в жестоких муках.
Они думают, что наше сердце камень,
И копьями, стрелами кидают в мишень.

Всё, что мы видим, иллюзия и тень.
Забыта уже веками новая ступень.
Фарфоровое личико, стеклянные глаза
Марионетка – сердце изо льда.

Лживая кукла, которая манит чувства
С помощью миража безумства.
С начала порождения это стало искусством,
Но было оккупировано враньём и нахальством.

Закат

Красное пламя гаснет во тьме,
Угасая в немой тишине.
Падает факел с вершины своей,
Растекается море огня фонарей.

Алая картина тает в божественный миг,
Когда горящий диск солнца достиг
Той невидимой черты, где кончается свет
И будет сложно пытаться найти след.

Та черта как вечная наблюдающая тень,
Уносит во мгле с собой яркий день.
И на землю спускается царица-ночь,
Унося плащом всё минувшее прочь.

Каменная оболочка

Каменная оболочка, стеклянный каркас,
Тихо дремлет ветер, пугая нас.
Его слова о переменах больше не доходят,
И тихо без них мечты приходят.
Они заполняют всю пустоту мгновения,
И вот пришло забытое время откровения,
Рассказ о себе такой искренний и душевный,
Что не хочется верить, что он такой плачевный.
И всмятку безумья растерты слова,
Надежда вернуть прошлое уже мертва.
И пробуешь изо всех сил разбудить покой,
И жаждешь ты это пылающей душой,
Но, кажется, что сил больше нет,
И со временем сдаешься в ответ,
Но надо бороться и верить всегда,
И больше не останется и следа холода.

Игра

Мы две куклы друг у друга,
И это всё одна игра.
В душе пронзается игла,
И это всё одна беда.
Когда мы вместе мы играем,
В разлуке мы гуляем
И забываем, что есть Мы –
Только отдельно я и ты.
У нас разные лица,
Когда хотим объединиться
Мы создаём себя другими,
Мы делаем себя родными,
Но потом мы никакие,
Мы друг другу ведь чужие.
Это просто притяжение,
Физическое наслаждение.
А душа... где же она?
Её просто не было.
Я кукла, а ты кукловод,
Всё так больше не пойдёт.
Разошлись наши пути,
Пути недожавшейся любви.

Глаза времени

Горят голубые огни за стеклянной оправой,
 За пределами горизонта ждя прежней славы.
 Там память свою затерял ты навек,
 И разум рисует кистями контрастный побег.
 Ты смотришь в зеркало и видишь свою тень,
 Ты ждешь рассвета, солнце и новый день.
 Себя, оценивая, видишь ты лишь передний план,
 Не осознавая, что это простой оптический обман,
 Разглядываешь подробно незаметные черты лица,
 Но время меняет, ты молча ждешь конца,
 Ты призраком стал на своих же глазах,
 И отчаяние ты топишь в горьких слезах.

Поэт

Скользят по бумаге слова поэта, рисуя пером
 Сказки о жизни, где они вдвоём,
 Разум и сердце творят чудеса
 опьяневшим вином,
 А звезды мерцают, горят ярким светом,
 пылают огнем.
 Мосты расходятся под коварной, полной луной,
 А жажда творить с потушенной свечой даёт бой
 Сладкому сну, что давно стучится
 в закрытые двери
 И без ключей пытается открыть их через
 жизненные потери.
 Но душа его тоскует вновь в заботах мира,
 Рука с тревогой позабыть касается пера,
 И начинается заново та же страстная игра
 И темной ночью он встряхнётся,
 как пробудившийся орел,
 И голос в нем, как ураган, проснется,
 И сердце, и разум в сказку окупнется.
 Тогда он понял искру истинного света,
 Сознание его созрело, рука писала до рассвета.
 Вот такова судьба печального,
 но вдохновлённого поэта.

Вечные пленники

Вечные пленники тёмной силы огня,
 Заложники тайных комнат разума,
 Стремятся к невидимой искре продажной души,
 Не чувствуя, не видя своей неисправной вины.

Зачем вечно желать и мечтать о невинном,
 Душой манипулируя, жажда о красивом?
 Зачем, понимая, что стали давно
 бескрылыми птицами,
 Мы пробуем взлететь, становясь самоубийцами?!

Всю жизнь мы живем за решёткой темниц,
 Что сами создали для наказания убийц,
 Но всё же и мы, как они, ждём той
 сладкой свободы,
 Поём и ликуем о грёзах своих в печальные оды.
 Всю жизнь ты мечтаешь о полёте,
 о вземных мирах,

Но резкий голос в тишине разбудит в тебе страх.
 Ты думаешь, что, обретая крылья, ты взлетишь,
 Но, увы, ты тогда свет и покой не увидишь.

И даже если поздно ты поймёшь, что гаснет свет
 среди разврата,
 И в трезвой голове просочится слово «Не надо!»,
 Ты уже давно сложил свою жизнь
 из осколков миров,
 Нарисовал свою судьбу из обрывков памяти,
 осколков снов.

Попытайся войти в новый мир без тревог
 Через тень к истинному свету на стыке веков,
 Сквозь неписанные правила, законы судьбы,
 В хаотичном движении людской суеты.

Зеркальное отражение

Зеркальное отражение прошлого времени тает,
 И глупая шутка судьбы в каплях дождя уплывает,
 Смывает печаль и слезы, и боль,
 и пустоту мгновения,
 Но ушли вместе с ними и черты вдохновения.
 Тени забытых воспоминаний напоминают
 о горьком финале.
 Душа пускается в путь в долгожданном идеале.
 Капли дождя, как осколки зеркал, падают
 на пол, разбиваясь.
 Хитрая ухмылка лица подсказывает отражения
 прошлого, улыбаясь,
 И маски опять начинают игру воображения,
 Карты читают судьбу, вводя нас в заблуждения.
 Мы узнаем собственные отвергнутые
 мысли гения,
 Зеркальные капли показывают все
 наши сомнения.
 Потеряно вдохновение, потеряна жизнь
 и с ней искупление,
 Обыденная реальность искажает смыслы
 знаменая,
 Но духовные абстракции придают им значение.
 И как живые символы отражают
 динамичную игру дождя,
 Пуская в небо копьё и стрелы без конца.

Алексей ЧИГРИН

Родился 12 марта 1984 года в г. Кишиневе (Молдова).

В 1991 году поступил в музыкальный лицей имени С. Рахманинова. В 2007 году окончил Академию музыки театра и изобразительных искусств в городе Кишиневе по классу кларнета. В 2011 году окончил Университет международных отношений, имеет степень Магистра, Управление малого и среднего бизнеса. В настоящий день первый кларнет Президентского оркестра Республики Молдова. На протяжении двух лет работал как джазовый музыкант в Китае (Shenzhen), в парке OCT EastTeaStreamValley.

Концертировал в городах Молдовы, Румынии, Австрии, Италии, Франции, Дании и Китая.

В сетях Нетя

Рассказ

Громкая мелодия будильника разбудила Андрея в одиннадцать утра. В выходные он любил поспать, но эта суббота для него была особенной. Чтобы не проспать, он с вечера поставил будильник.

Плотно позавтракав, Андрей включил музыку и принялся убирать свою старенькую однокомнатную квартиру. Мебели в комнате было немного. Телевизор, журнальный столик, накрытый ярко-оранжевой скатертью, раскладной диван, подаренный другом, кресло-мешок, сшитое его девушкой, и тумбочка, на которой стояли фотографии. Пыль приходилось вытирать часто. Занятие не приятное, но он из-за старых окон, через щели пролетал даже комар, а пыль тем более.

Андрей остановился возле тумбочки и посмотрел на фотографию. Нахлынули воспоминания первой встречи с любимой девушкой.

Погода в тот день была пасмурная. Тучи низко нависли над городом, создавалось ощущение, что они уперлись в верхушки столичных «небоскребов».

С десяти утра к нему в офис приходили кандидаты на работу. Фирма, в которой он тогда работал, набирала новую команду и активно искала пиар-менеджера.

Ближе к обеду он объявил о перерыве и вышел из здания.

– Простите, – обратилась к нему девушка недалеко от офиса, – не подскажете, где тут компания, которая набирает персонал?

Он был сражен красотой ее изумрудных глаз.

– Что вы сказали? – переспросил он, не отрывая взгляда от незнакомки.

– Я ищу компанию, которая набирает персонал, – повторила девушка, сверкнув пирсингом в зубе.

– Подскажу, – уверенно ответил Андрей. – На работу пришли устраиваться?

– Именно.

– Как вас зовут?

– Татьяна. – Ее лицо озарилось приветливой улыбкой.

– Пойдемте...Татьяна, – сказал Андрей и развернулся обратно к дверям.

Поднявшись в офис, они сразу прошли в кабинет. Девушка держалась уверенно и не обратила внимания на завистливые взгляды женщин и похотливые взгляды мужчин.

В кабинете он не стал садиться за стол.

– Вы здесь работаете? – удивилась девушка.

– Да... в некотором роде.

– Вы принимаете на работу?

– Я, – ответил Андрей, но сразу дополнил. – Не только я.

– Простите, но это не для меня, – вдруг сказала девушка.

– А-а-а, – вопрос повис в воздухе.

Она уверенно встала и направилась к выходу, не собираясь дожидаться, пока его шок пройдет.

– Говорят, надо двадцать секунд смелости, чтобы сделать что-то важное. А пять секунд из двадцати я уже потерял... Давайте выпьем кофе.

– Давайте, – неожиданно согласилась Татьяна.

Дойдя до центра «Sun City», они поднялись по ступенькам и устроились на террасе. Забыв о времени, они шутили и смеялись. Говорили о литературе и философии, музыке и театре. Какую бы тему ни затронули, им обо всем легко и просто было общаться.

После кафе они прошли по проспекту Молодежи, держась за руки и смущенно из-за этого переглядываясь. Все было замечательно, но зазвонил телефон.

- К сожалению, мне пора, – сказал Андрей, взглянув на часы.
- Хорошо. – Татьяна не смогла скрыть разочарования.
- Мы увидимся вечером, – все так же уверенно продолжал он. – А сейчас надо бежать.
- ОК. В нете спишемся, – добавила Татьяна, направляясь к маршрутке.
- А как мне тебя найти?
- Таня Татьянина.

Погруженный в воспоминания, Андрей незаметно закончил уборку. Одевшись, вышел из дома. Надо было сходить в магазин. На ужин хотел приготовить что-то особенное, ведь сегодня была их годовщина. Значит, вечер должен быть праздничным.

Закупив продукты, он не спеша шел домой. Солнце ласково грело своими лучами. По чеканской аллее прогуливались люди. Все это вновь напомнило ему о том, как начинались их отношения.

Они виделись каждый день. Для кого-то это много, но для них эти минуты были настоящим счастьем. Гуляли в парке прохладными вечерами уходящего лета. Наслаждались свежим воздухом и любовались закатами. Встречались в кафе с друзьями. Но больше всего они любили смотреть на ночной Кишинев с чеканской горки. Сюда они приезжали на его стареньком «рено».

Мысли о счастливых днях не покидали его до самого дома. И даже готовя праздничный ужин, он продолжал гулять среди воспоминаний их отношений.

Стол накрыт, свечи зажжены, вино разлито в бокалы. Он ждал Таню в пять. Оставалось еще пятнадцать минут, и чтобы скоротать время, он сел за компьютер. До знакомства с Таней он не был фанатом Интернета. Скорее, и зарегистрировался на «одноклассниках» только из-за нее. Ответив на несколько сообщений, он нажал стрелкой мышки на кнопку «обсуждения». На экране появились фотографии Тани и маленькие зеленые циферки на них. Андрей открыл первую фотографию и нажал на просмотр комментариев. Его зубы сжались от злости, и он ударил мышкой по столу. Потом открыл следующую фотографию, и так одну за другой, читая комментарии. Ярость и негодование еще больше охватили Андрея. Хлопнув крышкой, он закрыл ноутбук и нервно заходил по комнате. Покусывая губы и стараясь взять себя в руки.

Андрей пытался найти объяснение, но злость не давала ему спокойно мыслить. «Почему?» – спрашивал он себя. Он вспомнил, как все хорошо начиналось. Все было замечательно, но всегда появляется «но». И этим «но» стал Интернет. Он помогал им общаться, когда они были далеко друг от друга, но так же, не заметно для них самих, разрушал их чувства.

«Одноклассники», «Facebook» и другие сайты, созданные для того, чтобы сблизить людей, разлучали их, отдавая друг от друга.

Он вспомнил, как цеплялся к каждому, кто делал комплименты под ее фотографиями, а она недоверчиво относилась к девушкам, которые были у него в друзьях, и наоборот. Сомнений в искренности чувств становилось все больше. В прочности их отношений появилась трещина.

Андрей не курил уже несколько лет, схватив пачку сигарет, оставленную на днях другом, вышел на балкон. Не в силах успокоиться, он нервно сжимал в руках сигарету и жадно делал короткие затяжки.

Таня опаздывала уже на полчаса. Она редко приходила вовремя, но сейчас каждая минута ее опоздания вызывала в нем ярость.

Он опять открыл ноутбук и перечитал комментарии. Его злили не сами комплименты, а то, как Таня на них отвечала. Она заигрывала. Флиртовала с парнем, из-за которого они уже не раз ссорились. Сомнений не было – между ними что-то есть. Раздраженный, он вышел со своей страницы и ввел логин Татьяны. Осталось подобрать пароль. Дрожащими руками Андрей ввел дату рождения девушки. Не подошло. Потом имя. Опять неверно. Нервно перебирая пальцами, он вводил все новые и новые версии. Но ни один не подходил. Уже потеряв всякую надежду и почти отказавшись от своего намерения, он набрал номер телефона Тани. Страница открылась. Андрей замер от неожиданности. В глубине души он не хотел ничего знать. Но обратного пути не было.

Быстро перечитывая сообщения от подруг, он не находил ничего компрометирующего. Его смущало, что сообщения были только за сегодняшний день. Все остальное было стерто.

Он открыл переписку с Вадимом. Тем самым Вадимом, от которого были комментарии и из-за которого они уже не раз ссорились. Все было стерто, осталось только последнее сообщение от него: «Может, в четыре?» – И подмигивающая рожица.

Сомнений не было – Таня с Вадимом. С тем, кто с первой минуты, с их первой ссоры стал ему противен. С тем, про которого она всегда говорила плохо. Он вспомнил ее слова: «Он не красивый, не в моем

вкусе... даже не к кому ревновать...» И многое другое в том же духе. От этого лицемерия ему стало еще противнее. Он решил, назад дороги нет, все кончено!

Схватив мобильный телефон, Андрей опять зашагал по комнате, набирая номер Тани.

– Номер временно недоступен или находится вне зоны доступа, – прозвучал голос автоответчика.

Слова как лезвие резанули его сердце. А мысль о том, что она сейчас с Вадимом, убивала последние оправдания, которые Андрей пытался найти.

Эти сайты испортили все, испортили их сказку, а ему – жизнь. Он зашел на свою страницу и открыл сообщения. Удаляя одну за другой переписки с друзьями и знакомыми, он прокручивал их ссоры. Он много раз прощал, каждый раз находя ей оправдания. Он хотел удалить все. Убрать эти сайты из своей жизни. Он удалял страницы знакомых, друзей, Тани. Но и этого было не достаточно. Надо было удалить себя, не оставить никакого воспоминания о себе в мире «одноклассников» и «Facebook». Андрей тяжело вздохнул. Облегчения, которого он так ждал, не появилось. Ему было больно и тяжело, ведь чувства к Тане все еще были сильными, несмотря на злость.

Андрей зашел на почтовый ящик, последний островок в океане Интернета, который он не разрушил. Одно новое сообщение мигало на экране. Адрес отправителя был не знаком. Он быстро пробежал глазами сообщение и нервно закрыл крышку ноутбука. Взяв сигарету, вышел на балкон и сел на корточках.

Таня должна была приехать еще в пять. Он посмотрел на часы. Было уже девять. Мысли о причине ее опоздания вновь вызвали в нем злость.

Раздался долгожданный звонок, и он поспешил открыть дверь.

– Где ты была? – едва сдерживая себя, грубо выпалил Андрей.

– Это ты так рад меня видеть?! – улыбнулась Таня, не обращая внимания на его колкость.

– Ты опоздала почти на пять часов и отключила телефон, – не пытаясь скрыть раздражительность, спросил Андрей.

– Меня задержали на работе, а телефон разрядился, – протягивая мобильник, ответила девушка. – Что с тобой, Андрей?

Он отвел глаза в сторону и, не ответив, ушел в комнату.

Таня быстро разулась и последовала за ним.

– Ты накрыл на стол и купил цветы. Спасибо, – пытаясь поцеловать Андрея, промолвила она.

Он отвернулся и сел на диван.

– Да в чем дело в конце концов? – не выдержала Таня.

– Мне кое-что прислали, – все больше теряя самоконтроль, сказал он. – Ты не хочешь мне ничего сказать?

– Нет. А что, должна? – с непониманием переспросила девушка.

Андрей с трудом сдерживал негодование. Ее спокойный голос и невозмутимый вид раздражали его все больше и больше.

– Знаешь, Таня, мне все это надоело, – прорычал Андрей. – Постоянные комплименты на сайтах от твоих якобы друзей. И я уверен, что это только верхушка айсберга. Теперь уверен.

– Я тебя не понимаю.

– Тогда что ты скажешь об этом? – спросил Андрей и, открыв ноутбук, показал письмо, которое он получил от неизвестного доброжелателя.

– Что это? – удивилась Таня, даже не взглянув на экран.

– Это твоя переписка с подружкой, – прокричал Андрей. – Ты в подробностях рассказываешь ей о своем общении с Вадимом. О том, как ты с ним заигрываешь, да и о других парнях. О том, как ты переглядывалась с парнем в кафе, когда я вышел поговорить по телефону. Помнишь?

Андрей пытался сдерживаться, но с каждым словом все больше терял контроль над собой, освобождая место для злости и ненависти.

Таня опустила глаза и молчала.

– Тут еще много всего интересного! – кричал Андрей, разозленный ее молчанием. – Может, объяснишь, зачем я тебе нужен?

– Не хочу ничего объяснять, – сквозь слезы сказала Таня и закрыла лицо руками.

Андрей был в бешенстве. Продолжал рассказывать все, что прочитал в письме, с каждым словом все больше теряя над собой контроль.

– Хватит! – выкрикнула Таня. – Я ухожу.

– Объясни сначала, – схватив ее изо всех сил за руки, крикнул Андрей, – а потом можешь идти, куда захочешь!

– Не собираюсь ничего объяснять, – вырываясь из хватки рук, выпалила она. – Мне уже все равно. – При этих словах взгляд ее вспыхнул.

Андрей опустил руки и обессиленно рухнул на диван, сраженный преобразованием возлюбленной. Татьяна нервно посылала с вешалок вещи и выскочила из квартиры.

– Рано или поздно всему приходит конец, – тяжело вздыхая, сквозь слезы проговорил Андрей.

Он так и уснул, не раздевшись. Разбудил его звонок телефона. Он посмотрел на экран. Там мигало: Таня, Таня, Таня.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

при поддержке
газеты «ПАНОРАМА»

Считалка

Раз

Раз Антошка, раз Галинка,
раз Серёжка, раз Маринка.
Откусили все по разу...
Где же торт? Исчез он сразу.

Или Раз у них огромный,
или торт размером скромный.

Два

На полянке возле речки
ели травку две овечки.
А на пне сидел пастух
и считал овечек вслух:

«Раз овечка, два овечка,
раз колючко, два колючко.
Раз полянка, два трава –
вот и кончились слова».

Почему молчит пастух?
Он считает лишь до двух.

Три

В нашей группе есть подружки –
Веселушки-хохотушки.
Раз Наташка, Светка два,
а Алёнка – голова.

Сколько будет? Посмотри –
пальцев мы загнули – три.
Улыбаются подружки,
веселушки-хохотушки –

на троих три кренделька
и три кружки молока.

Четыре

Мы спросили у Серёжки:
«Сколько лап у нашей кошки?»
Тот на пальцах посчитал:
«Раз, два, три и раз», – сказал.
Три и раз будет четыре,
все про это знают в мире.

Пять

Катя пальчики считала,
каждый пальчик загибала –
пальчик раз и пальчик два,
загибается едва
непослушный пальчик три,
а четвертый – посмотри –
ну, никак не хочет гнуться,
чтобы с третьим не столкнуться.
Мы к нему прибавим раз,
пять получится у нас.

Все пять пальцев на руке –
у Катюши в кулаке.

Шесть

Мама-утка и утята
вышли к речке погулять.
Посчитаем их, ребята:
«Раз, два, три, четыре, пять.»

Оля крикнула: «Друзья!
Так считать утят нельзя!
Надо пальцы загибать –
раз, два, три, четыре, пять!»

«У меня, – сказал Тарас, –
получилось пять и раз.
Вместе будет шесть как раз».

Шесть утят у мамы-утки,
шесть детей – уже не шутки:
шесть сестрёнок и братишек –
шесть игривых шалунишек.

Семь

Мы на лавочке сидели
и считали дни недели.

Понедельник – это раз,
а два раза – вторник.
Три – среда сейчас у нас,
как сказал наш дворник.

«А четверг будет четыре!» –
крикнул нам Антошка,
у него живут в квартире
пёс Барбос и кошка.

«Тогда пятница – кулак,
в нём пять дней недели.
Это так или не так?» –
нас спросила Нелли.

Мы сказали дружно: «Так!
Шесть – это суббота,
день субботний не пустяк,
в доме есть работа!»

«А к шести прибавить раз,
будет воскресенье?
Или семь?» – спросил Тарас
и взглянул на Сеню.

«Будет семь!» – ответил тот.
Сеня наш друзьям не врёт!

Восемь

Рядом с домом, на дорожке,
воробьи клевали крошки.
Предложил Алёшка Мальцев
воробьёв считать на пальцах.

Раз, два, три, четыре, пять –
воробьёв стали считать
Даша, Маша и Андрей,
Саша, Яша и Сергей.

«Раз и два», – сказала Даша.
«Три, четыре», – крикнул Саша.
«Пять», – проговорил Андрей.
«Шесть», – пробормотал Сергей.

«Семь», – пропела громко Маша.
«Раз ещё», – добавил Яша.
«Сколько вы загнули пальцев?» –
их спросил Алёшка Мальцев.

«Семь и раз», – сказала Даша.
«Будет восемь!» – крикнул Саша.
«Будет восемь! Будет восемь!» –
подтвердила эхом осень.

Испугались воробьишки
крика громкого мальчишки
и уселись дружной стайкой
на берёзе за лужайкой.

Прочирикав восемь раз,
воробьишки скрылись с глаз.

Девять

На полу лежит с утра
разных кубиков гора.
Их Марина и Рустам
разложили по цветам.

Раз-два-три-четыре-пять –
Будем красные считать!
Пальцы загибаются –
кубики считаются!

Восемь пальчиков и раз
сколько кубиков сейчас?
«Будет девять!» –
крикнул Стас,
самый умный среди нас.

Десять

Там, где был овраг кругом,
вырос дом кирпичный.
Есть у дома управдом
и охранник личный.

«Вот бы нам такой детсад, –
размечталась Маша, –
ведь куда ни бросишь взгляд,
всё уже не наше».

«Успокойся, не тужи! –
говорит ей Вадик, –
посчитаем этажи,
словно дом – наш садик.

Раз-два-три-четыре-пять –
этажи считаем,
будем пальцы загибать
столько, сколько знаем».

Пальцы спрятались в кулак,
Маша огорчилась:
«Не считается никак!
Пять лишь получилось!»

«Шесть и семь!» – кричит Андрей.
«Восемь!» – шепчет Даша.
«Девять!» – так сказал Сергей
с улицы не нашей.

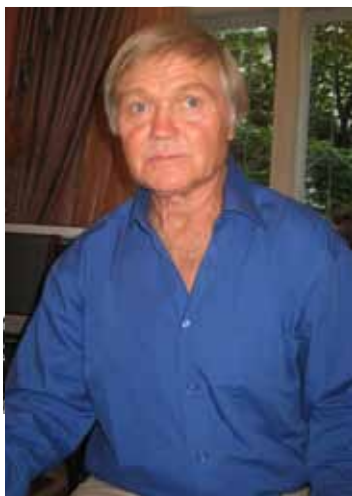
«Ещё раз! – добавил Стас,
он молчать не любит. –
К девяти прибавить раз,
сколько это будет?»

«Будет десять! – хором враз
прокричали дети.

Борис КУДЕЛИН

проект осуществляется при поддержке компании Orange

В поисках попутного ветра

Часть I

«Листок оторвался от ветки родимой...»

М.Ю. Лермонтов

Подходил к концу XX век. В нашем бывшем «нерушимом» Союзе шла перестройка, а точнее – перекройка, перебранка. Зарождались новые и чаще всего – трагические общественные явления, такие как жестокость, война, национальная нетерпимость.

Я, преподаватель госуниверситета, был уволен с кафедры физического воспитания, якобы, за прогул. На самом деле меня и моего коллегу задержали в спортивном студенческом лагере по вполне уважительным причинам. После четырех судов нас все же уволили. Впоследствии где и кем я только ни работал – охранником, тренером-почасовиком, иногда давал ученикам уроки французского.

Несколько слов о том, что представлял собой в конце XX столетия мой любимый Кишинев. Во-первых, массовая и все возрастающая безработица. И в связи с этим, естественно, все более существенное обнищание простых людей. Людей, которые по своей профессии и по своей совести всю жизнь жили только на зарплату. А в новое время людям, жившим ранее на зарплату, перестали выдавать ее вообще, а если и выдавали, то на фоне безостановочного роста цен буквально на все – эта зарплата являла собой не более как нищенское пособие. В таком положении находились многие интеллигенты, прежде всего учителя. А что говорить об учителях, которые остались без работы... Уехать за границу в то время было не очень легко, но все же возможно. Не буду скрывать, я мечтал уехать за границу.

Поэтому, как только подвернулся благоприятный случай, я, ни на миг не раздумывая, устремился за границу. За очень высокую границу, которую, переиначивая слова Н.В.Гоголя, «редкая птица перелетит».

Кишинев. Солнечное майское утро. Еще не отцвели каштаны. Человек двадцать толкуются у посольства Германии. Подходит моя очередь. Молодая женщина-немка спрашивает о цели моего визита в Германию. Я отвечаю – туризм. Прошло, мне кажется, более полумесяца. И вот в один, как оказалось в дальнейшем, прекрасный вечер мне сообщают по телефону, что виза за границу мне открыта. В этот же вечер я забираю свой паспорт с визой. А на следующий день рано утром я уже с оказией выезжаю в Лейпциг. Оказия – это микроавтобус со спортсменами, которые едут в Германию на соревнования. Когда я вспоминаю эту дорогу, да и то, как получил визу, как-то отчетливо видится, что все происходило в каком-то строго предначертанном судьбой русле. Она меня вела и готовила к этой поездке. И так же беспрепятственно провела через границу. Как говорится: уснул дома, в своей постели, а проснулся на набережной Сены на двух листах картона. Но о картоне еще рано упоминать.

Помню один вроде бы пустяковый, но показательный случай – на германской границе. Таможенник в форменной одежде заглядывает к нам в автобус и спрашивает: «Спиртные напитки, наркотики есть?» И вдруг, как бы опомнившись, говорит: «О! Извините, вы же спортсмены!» Да, наркотиков у нас действительно не было, гер таможенник не ошибся, но спиртное все же было, хотя бы у меня.

В Лейпциг приехали, когда уже было совсем темно. Без труда нашли гостиницу, где уже были забронированы номера для спортсменов. Я провел ночь в комнате водителя и очень рано утром вышел в город. Вот момент!!! Не позавидуешь!.. Куда идти?.. В какую сторону?.. К кому и с чем обращаться? Кому ты так нужен, кто не может тебя дождаться?.. Один из моих знакомых незадолго до моего отъезда как-то сказал мне: «Ну зачем ты уж так рискуешь? Прямо в омут с головой!» Потом я часто вспоминал этот разговор. Как он был прав!..

Немного поколебавшись, решил двигаться, хотя едва ли имел какое-то, пусть даже смутное представление, где и что мне надо искать. Не сразу и не так просто, но к вечеру я уже был в Мюнхене. Ехал поездом, автостопом не получилось.

Мюнхен. Ласковое, теплое вечернее солнце. На привокзальной площади много людей, в основном молодежь. Среди молодежи много панков (или мне так казалось). Очень красивая молоденькая девушка, видать, уколота, двигалась, как в летаргическом сне, шатаясь, изредка обнимая встречаемых ребят. Рассматривать город мне было некогда. Да и виза была всего на семь дней. Нужны были оперативные решения и действия. Передо мной стоял выбор – ехать во Францию или оставаться в Германии. Но Италия была для меня все же более заманчивой. В железнодорожной кассе мне сказали, что дорога лежит через Швейцарию, но можно, минуя ее, попасть в Италию, и билет намного дешевле. Не раздумывая, я купил билет на Италию и, конечно, минуя Швейцарию.

Уже через два-три часа из окна вагона я мог рассматривать высоченные горы. Это были итальянские Альпы. Становилось темно, и на одной гигантской горе, в нагорном мраке, был виден высокий, одинокий, освещенный фонарями, крест... В вагоне ко мне привязался контролер. Утверждал, что я должен доплатить. Мне пришлось доплатить долларами, к нескрываемой радости контролера и трудно скрываемому раздражению пассажиров в купе. Мои соседи по купе считали, что с меня взяли деньги не по правилам. Но спор заводить я не хотел, да и не знал еще правил – может, контролер в чем-то прав, думал я.

Лето было в разгаре. Очень рано развиднелось, и я мог видеть пролетающие мимо окон итальянские деревушки, сады, виноградники. Форма кустов иная, чем у нас в Молдове, – кусты винограда на высоких стволах-ножках больше походили на деревца. Вскоре возшло ясное июньское солнце. За это время поезд уже останавливался на некоторых станциях. Я не знал, что делать – где сойти, глубоко в сознании еще крылся вопрос – если даже и сойду, то что всё же делать дальше? Наконец поезд остановился в Равенне. Я решил: пора показаться на сцене. Вышел на перрон. Постоял, пригляделся. Потом двинулся к центру города. Чисто, кругом асфальт, магазины с ярко оформленными витринами. В одном из магазинов я купил открытку с видом этого города. Кажется, чуть позже я отправил ее домой, в Кишинев. Но пока я просто ходил по городу, это была необходимая разведка, я должен был освоиться с ситуацией. Во-первых, как, проще говоря, бродяга... т.е. свободный человек (мягко и красиво выражаясь). Постараюсь в дальнейшем не повторяться, но какое ощущение безнадежности было в душе. Один – повсюду один... Что делать в этом совершенно чужом мне городе, без знакомых, без какого-то хотя бы временного пристанища и даже без опыта поиска работы в иностранном городе? И еще «без» (об этом я, правда, серьезно задумывался) – без профессии, т.е. такой профессии, которая требуется чаще всего при использовании низкооплачиваемой рабочей силы. Но эту мысль я отгонял и успокаивал себя тем, что есть же много черных работ и главная – уборка урожая.

В полдень, выбрав местечко в сквере на травке, в тени деревьев, я решил передохнуть. Ко мне подошел цветной парень. Не могу точно сказать, может, выходец из Южной Америки, может, араб. Он, как мне тогда показалось, начал меня прощупывать: «Что делаешь тут? Где спишь?» и т.д. Я в то время боялся вступать в контакт с подозрительными типами. Но сейчас уже думаю, что этот парень, без сомнения – бродяга, – мог бы мне помочь советом, указать, где можно бесплатно пообедать, переночевать... Через него я мог познакомиться с более опытными странниками, выйти на земляков, не обязательно русских или молдаван – но своих, родных, из бывшего Советского Союза – русскоязычных. Это, конечно, всегда радость. Там напрочь забывается всякое национальное отчуждение. Остаются, оголяются основные, главные особенности близости человеческих душ, родившихся и выросших вместе в нашей ныне разрушенной, а прежде могучей и, как казалось, монолитной стране. Я молча встал и ушел с этого места. У меня была еще надежда на «автостоп». Вышел на автотрассу. Проезжали вереницы легковых автомобилей – итальянские, французские, немецкие, американские марки. Никто не проявлял желания посадить в свою уютную машину какого-то запыленного путника с тяжелой сумкой. Было жарко. Я постоял около часа и решил искать другие средства передвижения. Тем более что, несмотря на то, что у меня еще не была просрочена виза, я старался избегать встреч с полицейскими. Где-где, а на трассе встречи с ними неизбежны. Кто-то еще в Кишиневе рассказывал, что полицейские, узнав, что ты без денег и без жилья, могут арестовать и депортировать на родину.

Еще пошатавшись (с постоянной затаившейся в сознании тревогой) и основательно устав, вечером выехал поездом в Геную. Помнится, я с юношеских лет считал Геную каким-то сказочно-романтическим городом. Да и расположен он в столь живописном с географической точки зрения месте – на берегу Средиземного, точнее, части его, Лигурийского моря.

Ехал ночью в слабо освещенном вагоне. Уснул. Проснулся в темном пустом вагоне. Ни пассажиров, ни кондуктора. В каком-то туманном, глубоко тревожном душевном состоянии выскочил на перрон. Но и на перроне было не очень-то светло, безлюдно. Полночь. Стоя на безлюдном перроне, я стал оглядываться по сторонам. Понемногу пришел в себя. Огни. Недалеко от вокзала ресторан. Кое-где кафе, небольшие магазинчики, которые, видать, из-за того, что расположены вблизи вокзала, работают и ночью. Немного побродив около вокзала, я набрел на высокий каменный монумент. Первое, на что я обратил внимание, – это на стоящую во весь рост фигуру юноши, лицом очень похожего на молодого Юрия Гагарина. Перед каменным юношей было морское штурвальное колесо. Лицом юноша был обращен к морю. Очарованный таким впечатляющим памятником, я стал искать надпись – кому он и за какие заслуги. Найти надпись было нетрудно. Крупными четкими буквами на постаменте на итальянском языке была высечена короткая, но очень меня поразившая надпись: «Христофору Колумбу – благодарная Родина». «Благодарная родина!» – даже не Италия. Этим сказано много! Надо, пожалуй, упомянуть, что в тот момент мое душевное состояние уже, вероятно, дошло если не до критической точки, то, наверное, близко к ней. Но все же образ Христофора Колумба, даже в каменном исполнении, несколько приподнял мое душевное состояние...

Несмотря на то что я находился в незнакомом мне городе, глубокой ночью, я все же решил немного походить по улицам и выйти к морю, в порт. В городе – широкие, нормальные в нашем понимании улицы, но я, стремясь выйти к морю, попал в какие-то узкие, даже страшные кварталы. Здания все же высокие – 4-6, а то и более этажей. В сырых грязных кварталах шириной не более 3-4 метров горели тусклые не то фонари, не то домашние лампочки. Нередко красного цвета. Кое-где, прислонившись к старым, мрачного цвета стенам, стояли женщины, род их занятий не вызывал сомнений. Их-то я не боялся. Но иногда мне навстречу попадались странного вида мужчины – с всякими бусами, серьгами. Их вид, да еще в ночное время, меня не только пугал, но вызывал омерзение. Не добравшись до моря, я решил вернуться к вокзалу и там попытаться немного подремать до рассвета. Так я и сделал. Найдя скамейку недалеко от памятника Колумбу, я сел на нее и стал ждать зари, разводнения. Иногда мимо меня проходили какие-то странные люди. Но ко мне никто не подходил, и я был рад хотя бы этому.

Наступил рассвет, и я двинулся на поиски... чего? Наверное, работы. Я подходил к людям, работавшим на лодочных станциях, в ресторанах. Предлагал им свои услуги. Очень вежливые итальянцы, с явным нежеланием меня огорчить – в работе мне все же отказывали. Иногда я говорил, что умею делать массаж. Часто мне советовали отправиться на другое побережье полуострова, т.е. на побережье Адриатики. Говорили, что там много курортов – ну, как грибов в лесу после дождя, и что я, по всей видимости, гораздо проще найду там работу. Я им, естественно, мало верил, но во мне не угасало стремление двигаться, ехать куда-то... Потеряв надежду в этом месте найти работу, я решил искупаться в Лигурийском море. Берег здесь – сплошные скалы, а дорога, и автомобильная, и чуть выше ее – железная, идут по побережью совсем близко от моря. Вообще очень живописно – скалистые берега, ярко-синяя прозрачная вода моря. А на берегу много деревьев – сосны, пальмы. Много цветов.купающихся на берегу мало – огромные, скользкие, а порой и острые камни. Но я пробрался к морю, снял тяжелые туфли, брюки. Вода, мало сказать, чудесная. Она, видать, оттого, что слишком соленая, как бы выталкивала из себя. Было ощущение, что плаваешь в растительном масле. Но это только из-за плотности воды. А на самом деле вода была бодрящая и нехолодная – середина июня. Я не только искупался, но и, встав на путь бродяги, постирал вещички. Позагорав немного, правда, не очень удачно на камнях, я уже просто двинулся в город. Проходя по живописному парку, спросил проходящую девушку, где «стационар» – вокзал. Она указала мне направление. Наш разговор услышал молодой мужчина, признав во мне иностранца, а может, и вообще «путника» без денег и жилья, он мне сказал, что может указать место, где можно пообедать и, конечно, без денег. Так как я совершенно не знал Генуи, кончилось тем, что он отвез меня в «каритас» на своей машине.

Приехали как раз к обеду. В компании с несколькими итальянцами я пообедал. Обед, на мой взгляд, был довольно неплохим: даже с апельсинами. Потом я пошел к вокзалу. Старинные улицы, непривычно-необычные для меня места и совсем другие люди. У вокзала я познакомился с четой немолодых итальянцев. Разговорились. Они решили мне помочь и дали тысяч двадцать лир. В ответ я подарил им бутылку нашей водки. Они были несказанно рады. Расставшись с ними, я, еще не решаясь сесть в поезд, раздумывал, что еще я мог бы предпринять, находясь в Генуи.

Напротив железнодорожного вокзала стояли автобусы, которые выполняли рейсы по пригородам и селам. Можно было попытаться счастья в какой-нибудь итальянской деревушке – т.е. поискать там сельскохозяйственную работу. Размышляя так, купил билет в какое-то село. Зашел в автобус. Автобус был еще пуст, сидел только чернокожий парень. Так как информация была мне необходима, я завязал с ним разговор. Он хорошо говорил по-французски. Парень сказал, что без разрешения на работу или каких-то нормальных документов, свидетельствующих о моем итальянском гражданстве, я едва ли смогу устроиться даже на временную работу. «Но попытаться все же можно. И хорошо, что говоришь на итальянском, итальянцы очень любят свой язык и поэтому часто игнорируют иностранные языки», – добавил он. После разговора с этим парнем я представил, как явлюсь в незнакомое село без всяких знакомств и не найду места. Пришлось бы вновь возвращаться в Геную – лишняя трата денег. Желание ехать в село как-то сразу отпало. Я пошел к водителю и попросил вернуть мне деньги. Без всяких вопросов он возвратил мне деньги.

Почему-то с легким сердцем я ехал в Милан. И вот уже поезд подъезжает к огромному крытому Миланскому вокзалу. День провел на вокзале. Познакомился с двумя чернокожими парнями, которые говорили по-французски. Они мне сказали, что в Милане (сообщили и адрес) есть «каритас», в котором можно жить и что там помогают найти работу. («Каритасы» есть во многих странах мира, в основном в Западной Европе, есть и в Африке, и в части Азии. «Каритас» – детище католической церкви. В «каритас» можно переночевать, поужинать и позавтракать. При них существуют вещевые склады. Любой бездомный может зайти на такую базу. Там есть и душ. Дают новые принадлежности для бритья, зубную щетку (новую), пасту. Есть шампунь. Моешься, одеваешься с головы до ног. И можешь идти дальше бродяжничать. Вещи сдает население. Если даже вещь не новая, она тщательно выстирана и выглажена, все-все пуговицы пришиты. По-другому просто не бывает). Но я все же не решался долго задерживаться на одном месте.

На улице уже темно. Я сижу недалеко от платформы на Миланском вокзале, на облюбованном мною месте, откуда видно табло с расписанием поездов. Рядом на скамейке пассажиры с сумками, чемоданами, но они все временные, на полчаса-час. Посидят-посидят, а потом хватают багаж и бегут к своим поездам. Неподалеку от меня присела молодая женщина. Чем-то она напоминала «наших». Чтобы как-то проверить свою версию, я говорю ей на итальянском: «Прошу, присмотрите за моими вещами, я отлучусь на пару минут». Она согласилась, ответив мне, но на английском что-то вроде: «О, йес!» Минут через пять я вернулся и напрямую спросил, не говорит ли она по-русски. Она оказалась москвичкой. В Италии в командировке. Она и меня спросила, какими судьбами я здесь. Я вкратце рассказал ей свою невеселую историю. Сказал, что ищу работу. Она посоветовала ехать на юг Италии, там можно найти работу на уборке урожая, чаще всего помидоров. В конце нашего разговора, а он длился минут 10-15, она достала из своей сумочки денежный билет в размере ста тысяч лир (около 70 долларов) и протянула мне. «Это вам на первый случай», – произнесла она. И пошла. Бог ты мой! Часто вспоминаю эту встречу, этот благородный жест и, как писал мой любимый поэт Николай Рубцов: «и набегают слезы на глаза, отвыкшие от слез». Несколько растерявшись, я все же догнал ее. «Как вас зовут?» – спросил я. «Галя», – ответила она. Я ей сказал, что я поэт и у меня есть с собой книга моих стихов и что хотел бы ей ее подарить. Долю секунды она как бы раздумывала, а потом отказалась. Думаю, посчитала, что мне эта книжка еще пригодится на нелегком пути странствий.

Продолжение следует.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46